

ИЛЛЯ МИКСОН
ОБЫКНОВЕННЫЙ
МАМОНТ

Л

Илья Миксон

ОБЫКНОВЕННЫЙ МАМОНТ

П О В Е С Т Ь

Рисунки В. Горячева

Издательство „Детская литература“ Москва 1969

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Автор этой книги писатель Илья Львович Миксон прошёл дорогу войны и затем много лет служил в армии. Военная тема стала основной в его творчестве.

Илья Львович Миксон написал много книг для взрослых, а для вас, ребята, в 1966 году вышла его книга «Отзовись!» Это были рассказы о Великой Отечественной войне, о советских людях, сражающихся против фашистов.

Сейчас перед вами новая книга — повесть «Обыкновенный Мамонт». О чём она? Ну конечно, о военных людях, о их жизни, делах, но уже в наши, мирные дни.

Прочитайте эту книгу, ребята, и напишите, понравилась ли она вам. Наш адрес: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

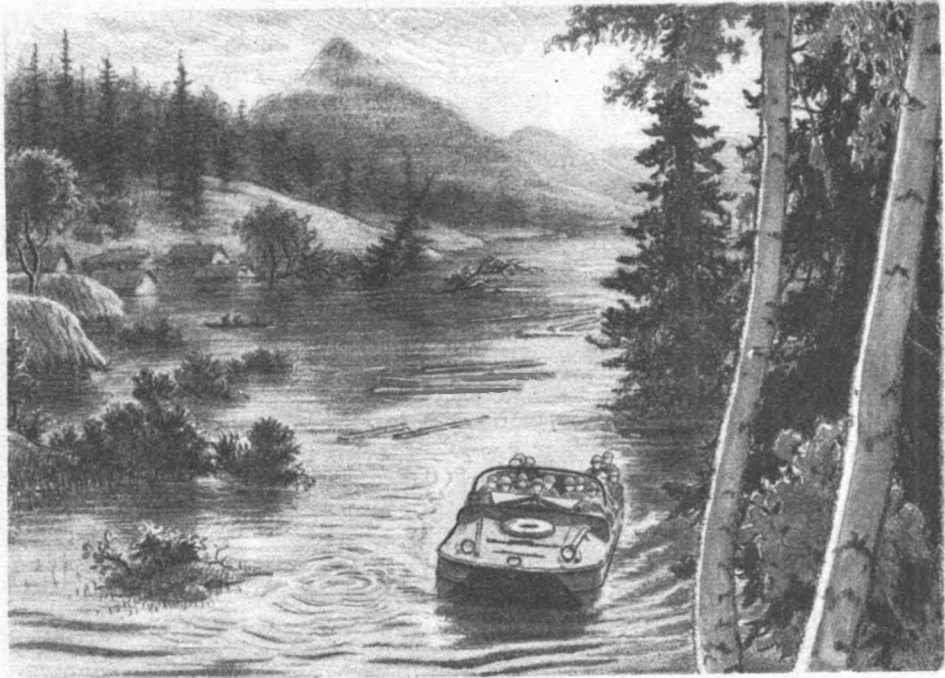

Глава нулевая, или от автора

Отец Серёжки Мамонтова — офицер, а офицеров часто переводят с места на место, из края в край. Всюду, где пришлось жить Серёжке, с ним происходило множество приключений. Обыкновенных и необыкновенных. Но само Серёжка мальчик вполне обыкновенный. Прозвище его — «Мамонт». Вот книжку и пришлось так назвать:

ОБЫКНОВЕННЫЙ МАМОНТ

Автор

Глава первая

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

На Дальнем Востоке самое мокрое время года не осень, не весна, а конец лета.

Через Японское море прорываются влажные ветры субтропиков. На Приморский край наваливаются тяжёлые, густые туманы. Идут дожди: тёплые и ленивые — к грибам, затяжные и с грозами — к наводнению. Молнии раскалывают небо, артиллерийской канонадой грохочет гром. День и ночь, не переставая, хлещет ливень.

Море бунтует. Могучий ветер муссон гонит волны к берегам, и уже не реки вливаются в море, а море — в реки. Они вздуваются, выходят из русла, растекаются по долинам, атакуют сопки. Оттуда несутся встречные потоки. Несколько суток длится светопреставление.

Постепенно ливень иссякает. Гаснут молнии. Гром, сыто урча, затихает. В тучах высвечиваются голубые прогалы. А внизу мутно-коричневое озеро ещё удерживает завоёванные позиции. Разгулявшаяся стихия не отдаёт людям ни широких дорог, ни тесных тропинок, разобщает деревни и города, как острова в океане.

Старые дома в низинах погружаются в воду по крыши, и печные трубы торчат сиротливо, как суслики на пригорках. Длинноногие мосты выглядят плотами. Всплывшие сараи караваном барж тянутся к морю. Кружат в водоворотках косяки дров. Несутся по воде ветки, сучья, плавучий хлам.

На десятки километров в глубь материка поднимаются вверх по разбухшим рекам, точно кета на нерест, морские спасательные катера. На улицах-каналах вздымают волны машины-амфибии. За ними тянутся пенистые трассы. Снуют лодки, весельные, моторные.

Каждый двор — гавань, крыльцо — причал.

Когда уровень воды начнёт спадать, катера заспешат к далёкому морю.

Вскоре встанут на колёса амфибии, сядут на мель сбжавшие сараи, поднимутся на ноги мосты.

Вода задержится лишь в кюветах. Тогда начнётся рыбалка. Мальчишки и взрослые будут шарить в мутном потоке сачками, плетёнками, просто голыми руками. Даже в дворовых лужах таится удача. Можно изловить усатого вьюна. Удивительно живучи эти вьюны: подсохло везде, а они всё ещё плавают в тазиках с водой, как в аквариуме.

Ближе к побережью, в лайдах и паднях вода упрямится дольше, чем в городах. Осевшие сопки похожи на пьющих медведей: одни спины виднеются. Макушки кедров стоят над водной гладью, будто ёлки-недоростки на поляне.

В одну прекрасную ночь кедров вновь вымахнут великанами, вырастут, как в сказке, сопки. Вода отступит, скатится с лесистых отрогов, уползёт в долину. Часть влаги впитает земля, часть останется на поле брани, в ямах и рытвинах. Озеро съёжится, втиснется в старое русло и зажурчит, замурычет невинной речкой, словно

никакого наводнения не было. И глубины-то в речке окажутся всего по щиколотку, оленю по копыто.

О грозящем стихийном бедствии метеорологи сообщают загодя. В городах и селениях спешно готовятся к наводнению. Принимаются все меры для спасения людей, боевой техники, имущества. Только стихийное бедствие всё-таки бедствие. Редко обходится без чрезвычайных происшествий, ЧП, как говорят в армии.

ЧП

В августе, когда в молодой семье инженер-лейтенанта Мамонтова со дня на день ждали первенца, произошло наводнение. Казармы и офицерские дома очутились на острове. Кругом море разливанное. До ближайшей больницы — ни много ни мало — сто двадцать шесть километров. Не скоро и на амфибии доедешь. . .

Пришлось вызвать на помощь авиацию. По радио за верили, что пришлют вертолёт. Когда он прилетит, в отрезанном от мира таёжном гарнизоне никто не знал. Все извелись от тревоги и ожидания.

— Что они там, утонули, что ли? — хмуро и нетерпеливо ворчал командир полка. Широкоплечий, баскетбольного роста, в огромных болотных сапогах с закатанными голенищами, он мрачно рассказывал по непросохшему полу кабинета.

Командиру не отвечали. Замполит, заместитель командира по политической части, и инженер-лейтенант Мамонтов не могли сказать, когда доберутся до аэродрома врачи и вертолёт возьмёт курс на дальний гарнизон.

Без врачей лететь рискованно: мало ли что может случиться в воздухе.

Командир, замполит и Мамонтов с надеждой посматривали на телефонный аппарат в жёлтом кожаном футляре. Провода от него тянулись к машине с закрытым кузовом, похожей на хлебный фургон, но с окошками. В машине была радиостанция дальней связи.

— Не волнуйтесь, — подбодрил вполголоса замполит.

Мамонтов кивнул, и, конечно, волноваться не перестал.

— Никакого порядка в авиации, — буркнул командир. Он считал: настоящий порядок лишь в артиллерии.

Лётчики, танкисты, моряки уверены, что порядок только у них в войсках и на кораблях. Каждому своя семья лучше. А порядок везде одинаковый — армейский.

Командир, наверное, ещё в каких-нибудь грехах обвинил бы авиацию, но тут зазвонил телефон.

— Слушаю! — крикнул в трубку командир и вытянулся.

Замполит и лейтенант тоже опустили руки по швам, словно генерал вошёл в кабинет, а не говорил по радио. Генерал, он и за сто двадцать шесть километров генерал...

— Ясно. Есть. Встретим. Понял вас. Так точно, в остальном — полный порядок. Подсыхаем понемногу. Есть. Есть, товарищ генерал. Здравия желаю!

Командир положил трубку и весело объявил:

— В пятнадцать ноль-ноль вертолёт будет здесь!

— Большое спасибо, — не по-военному поблагодарил инженер-лейтенант Мамонтов и слабо улыбнулся.

— Ладно, — сказал командир, — потом спасибо скажешь. И не мне, а генералу. Он всё организовал.

Командир вскинул руку и взглянул на часы.

— Давай, Мамонтов, плыви домой, собирайтесь. Вертолёт к самому крылечку подгоним.

Мамонтов хотел было что-то сказать, да замполит поторопил его:

— Идите, идите готовьте жену в дорогу.

— Отпуск — до первой машины в гарнизон, — добавил командир. — Надо будет продлить — радируй.

— И за неделю не просохнет, — уверенно предсказал замполит.

— Ладно, там разберёмся. Плыви!

Спустя минут сорок над дальней сопкой показался вертолёт. С острова тотчас взвилась красная сигнальная ракета, за ней две зелёные. Они вычертили в небе огромные запятые и кинулись вниз головой в воду.

Вскоре долгожданный вертолёт плавно опустился на

мокрым полковой плац. Длинные лопасти винта покрутились, поднимая рябь в лужах, и замерли.

Вертолёт оказался маленьким, четырёхместным, и забрал только жену Мамонтова, Елену Ивановну.

Все махали руками, кричали: «Счастливо!» И командир полка махал, пока вертолёт не скрылся из глаз.

Плац опустел. Все разошлись по своим делам. Замполит и Мамонтов отправились к радистам. Лётчики дали слово поддерживать связь, пока будет можно.

Первый разговор по эфиру был коротким:

— Всё нормально. Идём над леспромхозом.

— Что у них там?

— Плавают.

Второй разговор ещё короче:

— Всё нормально. Идём над Тигровой.

Замполит не спрашивал, что внизу. Тигровая падь даже весной разливается в Тигровое море.

Спустя полчаса голос в наушниках стал прерываться, слабеть, пока не исчез совсем.

— Конец, — вздохнул радист. — Маломощная рация у них.

Он стащил с головы наушники и сдвинул рычажок. Зелёный глазок погас, стихло размеренное гудение. Чудодейственная коробка радиостанции ближней связи ослепла, оглохла, онемела.

— Что же будет? — с отчаянием спросил Мамонтов.

— Всё обойдётся, не волнуйтесь. — Замполит обнял за плечи лейтенанта. — С двумя врачами и в вертолёте не страшно! Идёмте к командиру.

— Ну как? — нетерпеливо спросил командир.

— Связь прервалась...

Лицо замполита выглядело таким же виноватым, как у радиста.

— Никакого порядка в авиации! — сердито отметил командир. Он крутнул ручку телефона в жёлтом футляре и приказал вызвать город.

Полковые радисты приказание исполнили, но разговор не состоялся: генерал был занят.

«Чрезвычайное происшествие, — сообщили из штаба. — Генерал сказали, как освободятся, так сами радируют».

Штабной радист говорил об одном человеке во множественном числе. Из уважения: человек тот был генералом, командующим.

Мамонтов сникшим голосом спросил разрешения уйти.

— Сиди, — буркнул командир. — Не мешаешь. Да и в голову больше ничего сейчас не лезет. И генерал не иначе, как этим самым ЧП занят.

Замполит принёс термос:

— Подбодримся?

— В самый раз, — поддержал командир и достал из тумбочки стаканы.

Мамонтов поблагодарил и отказался от угощения.

— Пей, — сказал командир. — Главное — не падать духом. Артиллерист, не кто-нибудь!

Они стали пить горячий кофе, не выпуская из виду телефонный аппарат. Будто звонок можно проглядеть.

Термос опустел, в стаканах не осталось ни капли, а телефон всё молчал. Командир опять затопал болотными сапогами по кабинету. Тишина становилась трудной и гнетущей. Вдруг телефон ожил. Командир схватил трубку.

— Слушаю! Что? Какая «Земля-10»?

— Аэродром вертолётчиков, — вспомнил замполит.

По радио не полагается разъяснять позывные. А «Земля-10» — позывной.

— Слушаю вас, «Земля-10»! Что-что? Повторить!

Командир плотнее прижал трубку:

— Вас понял! Благодарю. Все мы благодарны!

Командир шагнул к растерявшемуся лейтенанту, ухватил его за руку и затряс:

— Поздравляю! Сын у тебя родился! Всё в полном порядке!

Опять затрезвонило. Командир весело крикнул:

— Слушаю! — И вслед повторил более спокойно и почтительно: — Слушаю вас, товарищ командующий. Ясно. Ясно. Есть. Вот, рядом. Есть, даю.

Мамонтов принял трубку и взволнованно доложил:

— Инженер-лейтенант Мамонтов слушает.

Командующий говорил ему что-то очень хорошее и приятное.

— Спасибо, спасибо, — повторял счастливый молодой отец. — Большое спасибо, товарищ генерал! До свидания, товарищ генерал! Будьте здоровы!

Командир переглянулся с замполитом, но замечания лейтенанту не сделал. Будь здоров, так будь здоров. Генерал ведь не только командует, он ещё и обыкновенный человек.

Вслед за штабом в эфире вновь объявилась «Земля-10».

Переговорив с аэродромом, командир грузно опустился на стул, снял фуражку, провёл растопыренными пальцами по влажным волосам и облегчённо, словно после победного сражения, выдохнул в два приёма:

— Всё... Приземлился Серёжка...

Мамонтов изумлённо уставился на командира. И замполит ничего не понял.

— Какой Серёжка?

— Мамонтов. Первого пилота Сергеем зовут. В его честь и... Сама Елена Ивановна пожелала.

Командир, улыбаясь, покрутил головой и уважительно произнёс:

— Традиция у них в авиации такая.

Замполит незаметно подтолкнул локтем Мамонтова, покосился на командира и лукаво сказал:

— В авиации порядок.

Глава вторая

ГАРНИЗОННАЯ ЖИЗНЬ

Военный гарнизон — это маленький город, где живут почти одни военные. И дети военных.

Обычно военные гарнизоны стоят вдали от крупных городов. В глухой тайге, высоко в горах, в жаркой степи, за Полярным кругом, у южного моря, на скалистом острове. Хитрый народ военные! Умеют выбирать себе прекрасные места...

В больших городах тоже бывают военные гарнизоны. Но настоящая армейская жизнь — только в настоящем, дальнем гарнизоне.

Серёжка считал, что в центральные города военные ездят лишь учиться и для праздничных парадов. Разве

настоящие военные могут всё время жить в большом городе? Всё равно что моряк с китобойной флотилии — и вдруг продавцом в рыбном магазине!

Так рассуждал Серёжка, когда уже в школу ходил. Маленьким он вообще не знал невоенных мужчин. В гарнизоне все мужчины — военные. Даже доктор. У него на погонах звёздочки и чаша со змеёй. У полкового доктора было по четыре звёздочки на каждом погоне — капитан медицинской службы.

Однажды к больному Серёжке капитан-доктор явился в белом халате. Серёжка испугался и расплакался.

— Ты чего? — удивился доктор. — Своих не узнаёшь?

— Не-ет! — в голос заревел Серёжка.

Пришлось снять белый халат, опять стать капитаном, своим. Как можно лечить человека, если он боится?

Разумеется, лучше всего просто не бояться и не болеть. Серёжка рос молодцом, редко хворал. Когда болеть? Каждый день забот по маковку. С самого подъёма.

«Подъём» — команда, с которой в гарнизоне начинается день. Только всплывает над сопкой солнце, как в розовое небо жаворонком взвизгивает весёлый сигнал горна. И тотчас в казармах на все голоса кричат дежурные:

— Подъём! Подъём!

Солдаты рывком соскакивают с постелей, одеваются, а глаза закрыты, сны досматривают. Ещё эхо не затихло — «ёом-ём», ещё дежурный для острастки «подъём-подъём» приговаривает, а сержанты и старшины уже требуют:

— Выходи строиться на физзарядку!

Без спортивной закалки солдату нельзя. Немощный хлюпик не выстоит в бою, он и учебную полосу препятствий не одолеет.

В каждом гарнизоне есть такая полоса. Специальная дорожка. Не очень узкая, не такая уж длинная. Только пройти её не легко. На пути солдата глубокие рвы, заборы, колючая проволока, двухэтажный дом. Дом лишь издали дом. На самом деле это одна деревянная стена с дырами для окон. В окна гранаты надо метнуть, а в нижнее ещё и пролезть. Не просто это. Солдат в полной форме:

автомат, противогаз, шинельная скатка, запасные магазины с патронами, сумка гранатная, вещмешок, сапоги пудовые на ногах, на голове каска стальная...

Попробуй с таким грузом бежать, прыгать, стрелять, бросать в цель гранату, перелезть через двухметровый забор, ползти под низко натянутой колючей проволокой.

Не зря эту полосу называют штурмовой.

ШТУРМОВАЯ ПОЛОСА

Сначала играли в войну. «Белые» против «красных». Когда «красные» победили, Сенька Бородин, задетый поражением, фыркнул:

— Подумаешь, война! Забава! — И предложил: — Давайте всерьёз состязаться, на штурмовой полосе!

«Красные» приняли вызов.

— Малышня не в счёт! — оговорил условие Сенька. И демобилизовал из своей армии Серёжку.

Губы Серёжки сами по себе надулись и задрожали, ресницы намокли слезами. Подбородок уткнулся в клетчатую рубашку; лямки коротких штанишек — крест-накрест, как у офицерского полевого ремня — обвисли на груди. Даже белая панاما, казалось, привяла, будто цветок колокольчик.

Шаркая сандалиями, сгорбившись от обиды, Серёжка пошёл было прочь, но его остановил Гера, командир «красных»:

— Иди к нам, Серёжа. «Красные» товарищей не бросают.

Серёжка сперва даже не поверил, потом проникся к Гере такой признательностью, что всю дорогу думал: что бы такое сделать приятное Гере за доброту? И придумал.

— На, — сказал Серёжка и протянул свой любимый пистолет.

Этот пистолет был чудом техники. Заложил рулончик с пистонами — и стреляй хоть двадцать раз подряд. На-

стоящий автомат! Из-за пистолета Сенька Бородин и раньше брал к себе маленького Серёжку. Присмотрит в отряд и сразу же отберёт пистолет:

— На время сражения маузер будет у меня. Маузеры положены только командующим.

Серёжка не зарился на пост командующего. Для него и простым солдатом воевать — счастье. Ему и деревянная самоделка сойдёт. Пусть с маузером Сенька бегают. Не жалко. Серёжка вообще человек щедрой души.

— Насовсем, — сказал Серёжка, протягивая пистолет Гере.

От такого подарка мог отказаться только Гера! И оценить достойно самопожертвование мог только Гера.

— Спасибо, Серёжа. Я к своему привык.

Серёжка поотстал немного, затем опять догнал Геру:

— А хочешь мой велосипед?

Гера обиделся:

— Ты что! Ничего мне не надо.

Пришли к штурмовой полосе. Условились, что забор и дом можно обходить. Слишком уж высокие. Сенька зартачился: оставить дом, и никаких.

— За дом — двадцать очков! — затребовал Сенька.

— Ладно, — уступил Гера, — кто осилит, пускай штурмует. Начинают командиры.

— Давай, — одобрил Сенька и уступил первенство Гере.

Гера ростом не очень высокий, но такой спортивный, позавидовать не стыдно. Ползёт по-пластунски, точно плывёт по земле. Прыгает, будто крылья за спиной.

Ребята бежали рядом, забыли, кто «белый», кто «красный», — все за Геру болели, как на футболе. Кричали, подбадривали. Один Сенька Бородин мешать старался. Прицелился Гера камнем-гранатой в окно, а Сенька нарочно завизжал диким голосом:

— В белый свет, как в копеечку! У-лю-лю!!!

Напрасно улюлюкал. Гера угодил в цель и сам следом перебрался через окно на другую сторону дома.

— Ура! — восторженно закричали все.

Сенька тоже здорово препятствия брал. Одно за другим. И камни швырял метко. Но «дом»... То ли Сенька перехвастался, то ли уверенность утратил... Повис на вытянутых руках, ногами болтает, вроде на велосипеде Серёжкином едет — коленки в стороны, носками ботинок доски цепляет, — а подтянуться сил не хватает. Спрыгнул, разбежался, опять на стену бросился. Ни в какую!

— Бородин штурмует бастионы, — пошутил кто-то.

Все стали смеяться и выкрикивать:

— Бородин штурмует бастионы! Бородин штурмует бастионы!

В субботу кинофильм в клубе шёл — «Корабли штурмуют бастионы». И Сенька ещё рисовался: «Жил бы я в то время, меня бы адмирал Ушаков взял к себе как пить дать! Я бы первым в крепость ворвался!» Потому теперь и кричали:

— Бородин штурмует бастионы!

Сенька от злости вконец из сил выбился, побагровел, хотел было стукнуть кого-нибудь, но сдержался и произнёс таким нахальным голосом:

— Давайте исключим дом из соревнования. Мелюзге не одолеть. Я специально проверял: не смогут массы. Если на личное первенство, я с тобой, Гера, могу, конечно.

— Ладно, — сказал Гера, — исключим.

— Тогда твои двадцать очков тоже не в счёт! — объявил Сенька.

Гера махнул рукой:

— Ладно.

Серёжка очень волновался, боялся подвести своего командира, ребят. И что кричать будут: «Серёжка штурмует бастионы!»

Под колючей проволокой Серёжка на четвереньках прополз. Коленки сбил, руки ссаднил, а прополз. До первой траншеи добежал и остановился. Ни за что в жизни не перепрыгнуть! Маленький. И так Серёжке обидно и стыдно сделалось, что он маленький, — слёзы выступили.

— Ладно, — успокоил его Гера. — Ты и так молодец, десять очков команде принёс. Давай отряхну тебя.

Тут Гера и другие увидели, что рубашка у Серёжки разорвана.

— Нитками заметно будет, — авторитетно заявил Сенька. — Клеить надо. У меня БФ-6 есть. Любую материю склеивает. Как новая делается. В микроскоп не отличить!

Гера сразу подхватил идею:

— Верно, клей универсальный, починит. Неси свой БФ.

— А что мне за него будет? — спросил Сенька. — БФ-6 — на вес золота. И не достать нигде. Только в Москве, в ГУМе. И то редко.

— Ну и жадина ты! — с презрением сказал Гера.

— Ничего не жадина. Я за маузер Сергею две дырки залатаю!

— Что ж ему, и в другом месте рубашку рвать? — возмутился Гера.

— Зачем? Сейчас эту мигом заклеим. А ещё придётся, уже бесплатно сделаю. Идёт, Серёжа?

Серёжка печально подумал, что дома за рубашку нагорит: впервые надел сегодня. Как в таком ужасном виде маме на глаза показаться? Просто невозможно. Если отдать пистолет Сеньке за ремонт, мама и не хватится. Жалко, конечно, такой замечательный пистолет отдавать за две дырки, да что поделаешь? ..

— На, — вздохнул Серёжка и протянул пистолет.

Тут Геру просто взорвало.

— Какой же ты товарищ? — напустился он на Бородину. — Купец несчастный! Меняла!

— Не хотите, как хотите, — фыркнул Сенька. — Не навязываю. Мне за такой клей духовое ружьё любой отдаст и пачку пулек в придачу, не то что детский пистолетик! — И коварно прибавил: — Запросто марку отдадут. Хоть египетскую, со сфинксом.

Такая марка была одна-единственная на весь гарнизон. У Геры.

— Мне БФ тоже не за спасибо достался, — подчеркнул Сенька.

Серёжка уткнулся подбородком в рубашку; лямки на груди обвисли; панамы увяла.

— Ладно, — хмуро проговорил Гера, — Отдаю сфинкса за тубик клея.

Сенька обрадовался и совсем обнаглел:

— За весь — две марки! Египетскую и Австралию.

И марка Австралии с кенгуру была разъединственной на весь гарнизон. Гера не успел ответить. Серёжка решительно выступил вперёд и протянул Сеньке пистолет:

— На.

Гера опять воспротивился, но не так сильно, и Серёжка мужественно расстался с любимым пистолетом.

— Давай рубашку, — деловито сказал Сенька. — Дома сделаю. Всё равно по инструкции горячий утюг нужен.

Возвратился Сенька, наверное, через час. Гера к тому времени ушёл: сестра за ним прибежала.

— Бери, — торжественно провозгласил Сенька. — В микроскоп не отличить. Как новая!

Дыры и на самом деле не стало. Вместо неё было серо-жёлтое квадратное пятно, толстое и прочное, как облицовочная керамическая плитка.

— Всё по инструкции, — хвалился Сенька. — Гляди: под низом доскут подложен. Заклеил на совесть. Износу этой заплате не будет. Всё истлеет, а заплата останется!

Ребята дотрагивались до заплаты и удивлялись: какой замечательный клей! Просто железный!

— Может, ещё поштурмуем? — предложил Сенька.

Никто не согласился. Жалко всё-таки любимые вещи за дырки отдавать...

Глава третья

МАНЁВРЫ

Заслышав сигнал боевой тревоги, Серёжка схватил автомат и помчался на плац. Когда он прибежал туда, уже никого не было. Только издали увидел, как уселся в кабину крытого грузовика повар Василий Степанович. В стальной каске вместо накрахмаленного колпака; между колен зажат карабин с примкнутым кинжальным штыком.

Переваливаясь с боку на бок, укатила за машиной Василия Степановича походная кухня с трубой, опущенной будто орудейный ствол.

Серёжка метнулся туда-сюда. Нигде никого.

Над входом в покинутую казарму матово белели элек-

трические часы. Чёрные стрелки торчали вверх и в стороны, как усы. Было без десяти два. Серёжка не понимал ещё в цифрах, но знал: когда усы, пора домой. Едва повесишь на гвоздик автомат, откроешь кран, подставишь руки под холодную струю, донесётся весёлое «Бери ложку-котелок».

Сегодня этого не услышишь. Все уехали по тревоге.

Серёжка вздохнул, натянул поглубже панаму, чтобы солнце не слепило, и зашагал к артиллерийскому парку. Какой ещё обед, когда в гарнизоне объявлена боевая тревога?

В обычные дни к территории артиллерийского парка и на двадцать шагов не приблизиться. Часовой отгонит. Сейчас ворота распахнуты. Под грибком часового пусто.

Серёжка побродил по площадке, где ещё недавно стояли пушки, задрал к небу чёрные дула. На изрытой ребристыми скатами земле валялись деревянные чурбачки.

Под навесом для тягачей стлался угарный туман, остро пахло бензином и перегретым маслом. В носу зачесалось, в горле запершило, заслезились глаза. Пришлось срочно выбираться за ограду. И тут на Серёжку такая чихотка напала!..

— Руки вверх! — звонко крикнул кто-то. — Ни с места!

От неожиданности Серёжка вздрогнул и перестал чихать.

— Стреляю без предупреждения!

Это, конечно, Лёвка надрывался. В зелёной траве ярко пламенела его красная рубашка.

Затрещала очередь. Для большего устрашения Лёвка закричал:

— Та-та-та-та!

Упав плашмя в траву, Серёжка сдёрнул через голову автомат и открыл ответный огонь.

— Не честно! — выкрикнул Лёвка и вскочил на ноги. — Я первый пулянул! Ты уже раненый!

— Раненые тоже воюют!

Лёвка не стал спорить. Всем известно, что советские солдаты героически сражаются до последнего дыхания.

Шмыгнув носом, Лёвка кивнул в сторону артиллерийского парка и спросил, будто и сам не знал, что там ничего нет:

— Там чего?

— Ничего. Уехали все.

— Тревога, — со вздохом произнёс Лёвка и по-взрослому нахмурил лоб.

Задумался и Серёжка: что дальше делать?

Наверное, они одновременно вспомнили один и тот же рассказ. Когда в гарнизонный книжный киоск привозили новую партию товара, у всех ребят сразу появлялись одинаковые книжки. В последний раз всем достался рассказ о мальчишке, который помогал солдатам воевать против фашистов.

— Без разведки нашим не обойтись, — озабоченно сказал Лёвка.

— Не обойтись, — эхом повторил Серёжка.

— А мы с тобой всюду пролезем, — воодушевлялся всё больше Лёвка.

— Пролезем.

Они с Лёвкой запросто могли пробраться в тыл врага и разведать для своих самые важные тайны.

Конечно, дома ждёт обед. Мама обещала пожарить картошку. Она хрустит, как сухари! И компот на третье. Усы на часах когда были! И мама рассердится...

— Пошли, — решительно скомандовал Лёвка.

— Есть, — отчеканил Серёжка. В конце концов разведка перее, чем обед. Обед каждый день бывает.

— Я все дороги знаю, — заверил Лёвка. — Мы даже вчера грибы тут собирали.

Проторённая светлая дорожка, извиваясь, пересекла редкий кустарник и углубилась в тайгу.

В ТАЙГЕ

В тайге было весело. На открытых, наводнённых солнцем полянах цвели голубые, лиловые, чернильные ирисы, жёлтые с тигровыми полосками лилии. С гулом носи-

лись, как самолёты на бреющем полёте, шмели. Живыми цветами порхали бабочки: пятнистые аполлоны, кирпично-красные крапивницы, огромные тёмно-синие махаоны.

Один махаон был величиной с воробышка. Лёвка с Серёжкой долго гонялись за ним, да так и не сумели поймать.

— Жаль, сачка нету,— проговорил Лёвка и сел на траву.

Они помолчали немного, отдыхая.

— Пошли,— первым спохватился Лёвка.— Заигрались, как маленькие. Разведчики, называется...

В лесу что-то треснуло.

— Ложись,— свистящим шёпотом приказал Лёвка.

Ползти в густом папоротнике легче и приятнее, чем на каменистой штурмовой полосе. И за рубашку опасаться нечего.

Перед Серёжкиными глазами долго мельтешили зелёная трава и красная спина. Наконец Серёжка чуть не ткнулся лбом в истоптанные Лёвкины ботинки. Он поднял голову, сдвинул назад панамку и вскрикнул.

Впереди, туго обвивая ствол ели, висела громадная змея. Голова её скрывалась где-то внизу, совсем рядом, а хвост терялся в зелёной кроне.

Лёвка в первый момент тоже вжался в землю, потом осторожно оглянулся и шёпотом спросил:

— Ты чего?

Не разжимая ресниц, Серёжка показал куда-то вперёд.

— Чего?

— Змея...— Серёжка приоткрыл один глаз и указал на ель с чудовищем.

— Ха-ха,— неестественно хихикнул Лёвка. Он, видно, тоже сперва перетрусил.— Какая это змея? Это лиана, растение такое вьющееся! Пошли дальше!

Серёжка, осмелев, погладил шершавый жгут лианы.

— Ловкая,— сказал он с уважением.— Вот бы так на деревья лазить научиться!

Сквозь густую хвою и листья с трудом протискивались

солнечные лучи. Было тихо и сумрачно. Мальчишки шли рядышком, плечом к плечу, держа наготове автоматы.

Под ногами шуршала сухая листва, потрескивали сушня. На стволах деревьев курчавился косматый мох. Голые нижние ветви нацеливались растопыренными корявыми пальцами, норовили сорвать панаму, исцарапать лицо.

— Сейчас выйдем на большак, — подбодрил себя и Серёжку Лёвка.

Они шли и шли по тёмному лесу, а шоссе всё не было. Серёжка начал отставать. Лёвка взял его за руку.

— Сейчас выйдем на большак, — не очень уверенно повторил он.

Лес посветлел, пошёл под уклон. Идти стало легче. Вскоре мальчишки выбрались на косогор, густо покрытый стелющимся багульником, блестящим и скользким.

— Ха! — обрадовался Лёвка.

Он опустил на корточки и с весёлым визгом съехал вниз, как по ледяной горке.

— Кати! — крикнул он оттуда.

Серёжка присел, оттолкнулся руками и — полетел. Он сразу потерял равновесие и опрокинулся на спину. Спуск быстро кончился, и Серёжка очутился рядом с Лёвкой.

— Слушай, — сказал Лёвка и оттопырил руками уши.

Совсем рядом о чём-то оживлённо спорили ребята.

— Наши, — определил Лёвка. — Пошли, большак рядом.

Странно. Чем ближе они подходили к большаку, тем неразборчивее становились голоса.

Лёвка обманулся. Никаких ребят. По мелкому каменистому руслу журчал ручей.

— Напьёмся и двинем по воде, чтобы следы запутать, — принял решение Лёвка.

Только вода оказалась такой студёной, что и подумать было холодно ступить в ручей босыми ногами. Мальчишки вдоволь напились. Хотя животы раздуло, есть захотелось ещё сильнее.

— Надо бы сухой паёк захватить, — с опозданием вспомнил Лёвка и шмыгнул. — Есть охота.

— Ага,— признался Серёжка. Он сидел красный, упаренный.

И небо упарилось за долгий жаркий день, порозовело. Над дальней сопкой повисли мрачные тучи.

Солнце легло на сопку, выставило вверх светлые руки и изо всех сил удерживало тучи над собою.

Грустные мысли овладели Серёжкой: обед давным-давно остыл, мама беспокоится, ищет его по всему гарнизону, спрашивает всех подряд: «Серёженьку не видели? Серёженьку не видели?» И никто не знает, что Серёжка с Лёвкой в разведке и никак не выберутся на большак.

— Ты чего? — нахмурился Лёвка. — Домой захотел?

Серёжка затряс поникшей головой.

— Сейчас пойдём. Только не реви.

— Я не реву,— возразил Серёжка и вытер предательские слёзы. Он и сам не заметил, когда они потекли.

— С тобой только в разведку ходить,— пробурчал Лёвка, но не очень сердито. — Двинем напрямик. Чего нам на гору карабкаться!

Лёвкино предложение Серёжка воспринял с удовольствием. Ноги и на ровном месте плохо повиновались.

Какой ни лёгкий был автомат, только потяжелел он ужасно. Тонкая верёвочка натирала шею. Серёжка зажал верёвочку в руке, и автомат волочился прикладом по траве. Раза два Серёжка уронил автомат. Верёвочка как-то сама выскользнула.

— Ты что! — возмутился Лёвка. — Знаешь, как это называется — оружие бросать?!

Нет большего позора для солдата, чем бросить оружие на поле боя. Серёжка повесил автомат на грудь и мужественно понёс его. Они продвигались вдоль ручья. Вода весело и беззаботно лопотала. Из розовой она стала тёмно-синей. Надвигалась ночь.

— Пошли быстрее, — заторопил Лёвка, всё чаще беспокоя поглядывая на дальнюю сопку. Тёмная туча загнала солнце по самую макушку.

Силы покидали Серёжку, но он старался не отставать.

На небе зажглись бледные звёзды. Трава, кусты, деревья, сопки — всё вокруг потускнело. Казалось, что тёмная туча, раздавив солнце, расползлась по земле.

Мальчишки в изнеможении опустили на траву. Уже, наверное, все вернулись в гарнизон. И горнист, и отец. Повар Василий Степанович опять надел белый колпак, расхаживает между столами и предлагает добавку гречневой каши. Трава запахла кашей, но на вкус оказалась горькой. Листок от куста тоже пахнул кашей, только был жёстким. И ягоды пахли кашей...

— А ну, брось! Отравиться захотел? — выбив из Серёжиной руки чёрные ягоды, строго прикрикнул Лёвка и спросил потише: — Что будем делать?

Он всё ещё храбрился, но у него тоже сосало под ложечкой от голода и тревоги. Не будь рядом маленького Серёжки, Лёвка сам заревел бы. А так он чувствовал на себе ответственность, и это заставляло держаться несмотря ни на что.

— Придётся заночевать, — как можно спокойнее произнёс Лёвка.

Отец, заядлый рыболов, несколько раз брал его на рыбалку. Они разжигали на берегу костёр. Лёвка укуты-

вался с головой отцовским ватником, поверх накрывался плащ-палаткой и в сытом тепле сладко спал до самой зари.

— Ищи дрова, — энергично сказал Лёвка, — разведём костёр.

Они собрали в кучу несколько сухих веток.

— А спичек у нас нету... — упавшим голосом вспомнил Лёвка. — У тебя нет спичек?

Серёжка зашарил по карманам. Ржавая гайка, два погнутых гвоздика, свинцовая пломба, найденная под навесом. Спичек он сроду не носил.

— Обойдёмся без костра... Без огня даже лучше. Костёр хищников привлекает.

Услышав о диких зверях, Серёжка всхлипнул. Он с трудом успокоился и забылся тяжёлым сном, а Лёвка, прижав к себе измученного друга, ещё какое-то время лежал с широко открытыми глазами.

Высоко над головой мерцали звёзды. Внизу носились во всех направлениях светлячки. Они вычерчивали в чёрной густой тьме голубые линии, бесшумно вспыхивали фосфорическими пунктирами трассирующих очередей автоматов.

Лёвка и не заметил, как его сморило. Уже под утро светлячки опять объявились. Он не увидел, а услышал их. Грохот автоматной очереди распорол тишину. Многократное эхо прокатилось по узкой пади, будто стрельнули не из одного, а из тысячи автоматов.

А Т А К А

Командир отделения разведки сержант Куликов с тремя солдатами шли по таёжному распадку.

Время от времени сержант Куликов останавливался, настраивал компас и определял направление дальнейшего продвижения маленького отряда. Сержант выбирал приметный ориентир — высокий кедр, обломок скалы, геодезическую вышку на сопке — и показывал на него товарищам. Те беззвучно отвечали: «Ясно». Они понимали: теперь надо держать путь на кедр (или на скалу, на вышку).

Отряд шёл по компасу. Магнитная стрелка компаса всегда нацелена на север, будто привязана к полюсу. Как коза верёвкой к колышку.

Разведчики двигались след в след, молчаливые и сосредоточенные. На манёврах, как в бою: всякие неожиданности случаются. На манёврах, как на войне: свои законы, строгие и неумолимые. В бою ошибка стоит жизни. На манёврах оплошности и нарушения тоже с рук не сходят. Специальные наблюдатели — посредники — следят за действиями воинов. Сделал что не так, сразу вырастут как из-под земли: «Стой!»

Узнают, кто ты и откуда, запишут и доложат генералу. А тот потом снизит оценку всему полку.

Посредник вроде судьи на футболе. Может штрафной назначить, может и с поля удалить.

Прикажет: «Вы тяжело ранены», — потащат тебя, сильного и здорового, на носилках к врачам.

Скажет: «Вы убиты», — будешь под кустом изнывать от безделья до конца учения. Конечно, таких «убитых» с котлового довольствия не снимают. Но ведь обидно и стыдно лодырничать, когда твои товарищи за тебя боевую работу выполняют.

Сержант Куликов с разведчиками торопились к высоте 101,5. Там они должны были устроить наблюдательный пункт точно в семь ноль-ноль, связаться по радио с командиром дивизиона и сообщать ему координаты разведанных целей «синих». «Синими» назывались условные враги.

Командир, ставя задачу, предупредил:

— Глядите в оба. «Синие», вероятно, забросили диверсионные группы. По данным штаба два дня назад над районом высоты пролетел неизвестный самолёт.

Разведчики настораживались при каждом шорохе, прислушивались, зорко осматривались вокруг. Руки ещё крепче сжимали оружие. В такие моменты забывалось, что в магазинных коробках патроны холостые.

Предрассветный туман густой пеленой покрывал землю. Казалось, разведчики бредут по пояс в дымящейся воде.

Рядовой Хмельнюк шёл замыкающим. Настроение у него было не очень весёлое. Не потому, что не выспался и притомился от долгого ночного похода. За три года службы в армии Хмельнюк стал выносливым и закалённым.

Приблизив к глазам часы, Хмельнюк сдавленно охнул. Не будь тревоги, он бы сидел в это время в автобусе, наглаженный, с белоснежным подворотничком, в надраенных до зеркального глянца хромовых сапогах. И катил бы в город... Старшина обещал увольнительную на всё воскресенье.

Согнувшись, чтобы повыше к плечам подтянуть тяжёлый футляр со стереотрубой, Хмельнюк внезапно углядел в нескольких шагах от себя спящего человека у кучки хвороста. Незнакомец держал автомат и красный флажок.

«Не иначе, посредник умаялся в засаде. Проснётся, засечёт разведку, тарахнет холостой очередью, флажок кверху — «Стой!» И всё прахом. Война кончилась, возвращайтесь с позором, не выполнив боевого приказа».

Надо было сказать о посреднике сержанту Куликову, но тот чуть виднелся в тумане. Хмельнюк решил действовать самостоятельно. Он бесшумно сдвинул предохранитель, направил ствол в небо и нажал на спуск. Прогремела короткая очередь. Эхо разнесло выстрелы по тайге.

Атаковать посредников не предусмотрено никакими инструкциями и уставами. Но в данной ситуации никто не мог упрекнуть солдата в самовольстве. Хмельнюку ничего не стоило оправдаться: «Не разглядел в тумане, товарищ лейтенант. Думал — диверсант синий». И, будьте так ласковы, не придерётесь. Ещё благодарность за бдительность объявят.

Эхо ещё перекатывалось с сопки на сопку, а Хмельнюк уже лежал в росной траве, раскинув ноги, с автоматом наизготовку.

Остальные разведчики и сам сержант Куликов тоже заняли позицию для самообороны.

Человек, которого Хмельнюк принял за посредника, ошалело вскочил на ноги. Опешил не меньше его и Хмельнюк.

Вместо одного посредника оказалось двое детей. Один так и не пробудился, лежал, скорчившись. Другой, в красной рубашке, испуганно озирался.

«Вот это влип! — обескураженно сказал сам себе Хмельнюк и скривился, словно от зубной боли. — За такую «бдительность» не благодарность, выговор отхватишь, а то и, будьте так ласковы, увольнительной недельки на три лишат. Жди, дивчина, не жди, не прикатит твой солдат Хмельнюк аж до самой демобилизации».

Он вполголоса выбранился, поднялся на ноги и сказал, больше не таясь:

— Товарищ сержант, тут пацаны какие-то.

СЕРЖАНТ КУЛИКОВ

Хмельнюк, чувствуя вину и перед товарищами, и перед детьми, суетился больше всех. Он отдал из своего пайка сахар, галеты, отцепил от ремня флягу с водой. Будь его несчастные пленники взрослыми, Хмельнюк, не раздумывая, расстался бы и с папиросами вместе с дарёным портсигаром.

Мальчишки с жадностью хрустели галетами, грызли сахар.

Радист Павлов достал из вещевого мешка колбасу.

— Короче шаг, — с улыбкой придерживал изголодавшихся ребят солдат Архипов.

Сержант Куликов напряжённо думал. Надо было торопиться, навёрстывать упущенное время. И ребят не оставишь в тайге...

Отправить их с Хмельнюком в гарнизон? Далеко, километров шесть-семь в один конец. Хмельнюк уже не догонит группу.

Отвести детей в штаб дивизиона? Но ведь это ещё дальше топтать.

— Эх, Серёга, Серёга! — раздумчиво пробормотал сержант Куликов, прикрывая синие, в пупырышках, ноги Серёжки плащ-палаткой.

Лёвку заботливо укутал Хмельнюк. Он старался не встречаться взглядом с сержантом и товарищами. Впрочем, никто его и не думал упрекать. Сдуру, конечно, пальбу устроил. Да могло выйти хуже, если бы прошли мимо детей.

До высоты 101,5 оставалось всего ничего, километра три, не больше. Но время приближалось к шести часам. Уже взошло солнце. Тайга вновь заиграла буйным раздольем красок.

— Ты нас не бросишь? — жалобно обратился к сержанту Куликову Серёжка.

Они третий год дружили. Серёжка уже и не помнил, когда они познакомились. Полжизни с тех пор минуло.

— Мы с ними в разведку пойдём, — решил за сержанта Лёвка, радуясь такому счастливому, просто исключительно счастливому случаю. Ребята лопнут от зависти, когда узнают, что он, Лёвка, ходил в настоящую разведку. Такое и Сеньке Бородину не снилось. Такое ни на что не выменять!

— Помалкивай лучше, — хмуро осадил незадачливого разведчика сержант Куликов и спросил радиста: — Когда на связь выходим?

— В семь ноль-ноль, товарищ сержант, — чётко доложил Павлов. — «Ас» до семи.

«Ас», на языке радистов, — «перерыв». До окончания «аса» вызывать дивизионную радиостанцию бесполезно: никто тебя не ждёт в эфире.

— Н-да, — протянул сержант Куликов и наконец принял окончательное решение: — Мальчишек берём с собой.

Серёжка обрадовался, нацепил на шею автомат, поправил на голове панамку, раскраснелся. Спокойствие вернулось в его сердце. С сержантом Куликовым совсем было не страшно. Забылись все невзгоды, страдания и даже тоска по маме.

Лёвка, несколько обиженный неприветливым тоном Куликова, тихо спросил:

— Вы нас в плен заберёте?

— В плен, — пряча улыбку, ответил сержант Куликов и приказал: — Пленных нести по очереди.

Разведчик Архипов, глядя мимо Хмельнюка, проговорил:

— Хмельнюк и сам донесёт. Его трофеи.

— Разговорчики, — приструнил сержант Куликов и поднял на руки Серёжку. — Вперёд. И — ни звука!

Разведчики шли ускоренным маршем, вновь молчаливые, насторожённые больше прежнего. Автоматная очередь Хмельнюка могла привлечь внимание «синих» и посредников.

К счастью, путь всё время пролегал по закрытой местности. Миновав распадок, густо поросший кустами жимолости, разведчики углубились в широколиственный лес. По мере того как они поднимались всё выше и выше, листовые деревья охотнее уступали место хвойным: кедр, ель, пихта. Казалось, лесу конца не будет.

Но вот деревья остались позади. Впереди, до самой вершины с отметкой 101,5, громоздились голые скалы, кое-где покрытые лишайником. Между скалами темнели каменистые россыпи. Голец отделялся от леса кольцом низкого кустарника и кедрового стланика. Кустарник помог разведчикам остаться незамеченными.

Сержант Куликов подал знак отступать назад, в спасительную тень леса. Все тяжело дышали.

До семи ноль-ноль оставалось шестнадцать минут. Заветную вершину отделяло не больше пятидесяти метров. Но они могли погубить всю операцию.

Серёжка и Лёвка не понимали, что происходит, только и они прониклись общим тревожным состоянием.

Возвратился сержант Куликов. Он обследовал в бинокль голец до макушки и ничего подозрительного не обнаружил. И всё-таки... Сержант задумчиво остановил свой взгляд на мальчишках. Солдату Архипову показалось, что он уловил намерение командира.

— На червячков?

Куликов недовольно повёл широкими плечами.

— На разведчиков, — поправился Архипов. — Отвле-

кающий манёвр. Пока они с ребяташками разбираться будут, мы окружим и!.. Военная хитрость!..

— Отставить! — резко оборвал Куликов.

— Мы по-пластунски! — выдвинулся вперёд Лёвка.

— Мы скажем, что заблудились, и будем плакать, — ухватил мысль Архипова Серёжка. — А вы подберётесь, и!..

Что скрывалось за этим многозначительным «и», Серёжка ещё не понял.

— Отставить, — непреклонно повторил Куликов. — Павлов, остаёшься с ребятами. Вступаешь в связь. Архипов, Хмельнюк — со мной!

Разведчики исчезли в кустах. Обиженные мальчишки даже не помахали им вслед.

— Слыхали приказ? — спросил Павлов. — И не рыпаться.

Он снял с плеч радиостанцию, настроился и доложил в штаб дивизиона обстановку. Хотел рассказать о найдёнышах, оглянулся и помрачнел.

— Ас — десять! — выкрикнул Павлов, щёлкнул выключателем и кинулся искать беглецов.

Лёвка с Серёжкой, продравшись через кустарник, вступили на голец.

Из-под ног срывались и с шумом скатывались камни. Красная рубашка Лёвки выбилась из штанов и вздувалась парусом. Серёжка натянул панаму до самых ушей.

Лёвка подтолкнул локтем Серёжку и завопил:

— Э-ге-гей!

— Э-ээ, — попытался крикнуть Серёжка, но ветер заполнил рот. Пришлось сложить ладони рупором: — Э-ге-гей!

Ветер сминал, рассеивал голоса, и эхо не успевало подхватить их.

Мальчишки прямо взбирались всё выше и выше. Зыбкая россыпь кончилась. Выступающие скалы постепенно становились не такими острыми. Солнце, дожди, ветры тысячи лет разрушали и обтачивали гранитные выступы.

Уже не за что было вцепиться пальцами, пришлось карабкаться по гладкому монолиту на четвереньках.

— Э-ге-гей! — продолжал вопить Лёвка, а изо рта вылетало: — Э-ээ-оиии!

Серёжка только сопел. Глаза слезились. Но Серёжка не плакал. Всё его существо было преисполнено гордости и отваги. Серёжка штурмовал высоту 101,5. Он выручал своего друга, сержанта Куликова.

Высота 101,5. Сто один с половиной метра над уровнем моря. Здесь, посреди горных хребтов, высота 101,5 выглядела каменным холмиком.

Подъём незаметно перешёл в ровную площадку. Серёжка, не поднимаясь с колен, отодрал от лица приклеенную ветром панаму и часто заморгал.

Словно закованные по пояс в гранит, стояли четыре богатыря в пятнистых маскировочных халатах. Двое в касках, один, усатый, в офицерской фуражке с опущенным на подбородок ремешком. Офицер держал красный флажок; солдаты выставили автоматы. У всех троих были синие нарукавные повязки.

Глаза их тарачились от изумления. Встреча с «синими» произошла столь неожиданно, что Серёжка с Лёвкой просто обмерли.

Автоматчики выбрались из засады и перетащили мальчишек в укрытие. Оно оказалось довольно глубокой и просторной расщелиной. Ветер не забирался в неё, и было тихо и тепло.

— Вы откуда взялись? — удивлённо спросил офицер. Чёрные усы его торчали, как стрелки на часах.

Серёжка сразу вспомнил, что со вчерашнего дня не был дома, и представил себе, как мама, его мама сбилась с ног, разыскивая своего сыночка. «Вы не видели моего Серёжу? Вы не видели?..» И так ему жалко стало маму и себя, что, позабыв о гордой миссии боевого разведчика, он заплакал горестно и безутешно.

Лёвка же, полагая, что Серёжка здорово отвлекает «синих», принялся вопить во всё горло:

— Мы заблудились! Заблудились! Заблудились!

Мальчишки упрямо взбирались всё выше и выше.

На тонкой Лёвкиной шее вздулись вены, лицо побагровело от натуги.

— Бедолаги, — сокрушённо пробасил ефрейтор.

Ребята сразу и не заметили его. Ефрейтор сидел за радиостанцией.

— Откуда вы? Чьи? — допытывался усатый офицер.

— Э-ге-гей! — вошёл в раж Лёвка.

Радиист-ефрейтор переглянулся с офицером.

— Вызывайте штаб.

— Слушаюсь, товарищ майор.

«Товарищ майор». Серёжка притих немного, исподлобья разглядывая офицера. Выходит, усатый майор с повязкой — товарищ свой? Да и повязка у него не синяя, а белая. Серёжка так и не успел до конца разобраться, в чём дело.

— Бросай оружие! — грозно крикнул сержант Куликов. — Руки вверх!

Автоматчики сконфуженно оглянулись на майора, подняли руки.

Майор рук не поднял, лишь посмотрел на часы.

— Семь ноль-ноль, — одобрительно сказал он. — Молодцы!

И разведчики хором ответили:

— Служим Советскому Союзу!

Лёвка потянулся к автомату «синего» радиста. Тот удержал Лёвку за плечо.

— Руки! — крикнул Архипов и, глядя мимо, пригрозил: — А то связать придётся.

— Можно и кляпом угостить, — ехидно посулил Хмельнюк. — В два счёта, будьте так ласковы.

— Победа за вами, — утихомирил враждующих офицер-посредник и, коротко взмахнув красным флажком, объявил: — «Синие» захвачены в плен.

— Разрешите действовать дальше? — спросил, вытянув руки по швам, сержант Куликов.

— Действуйте. Но сперва один вопрос: кто эти дети?

— Наши, товарищ майор, гарнизонные.

Усы майора зашевелились, глаза сверкнули гневом.

— Да кто вам позволил привлекать на боевое учение детский сад?

— Мы не сад, мы — разведчики! — выкрикнул Лёвка.

— Разведчики, — авторитетно подтвердил Серёжка. Он уже не плакал. На щеках подсыхали грязные дорожки.

— Молчать! — гаркнул майор. Он так разгневался, что забыл, с кем разговаривает. — Я вас спрашиваю, товарищ сержант! Кто вам позволил?!

— Товарищ майор, — побледнев, ответил Куликов. — Они заблудились. Сами. Мы на них случайно наткнулись и вот... Не бросать же в тайге?

В этот момент подошёл Павлов с радиостанцией. За спиной Павлова гибко покачивалась антенна.

Павлов отдал честь и чётко произнёс:

— Товарищ посредник, разрешите обратиться к сержанту Куликову.

— Обращайтесь, — сказал майор.

— Товарищ сержант. — Голос Павлова сделался виноватым. — Сбежали они. Самовольно.

Радист метнул на мальчишек взгляд, полный возмущения.

— Потом разберёмся, — коротко сказал Куликов, и это «потом» не предвещало ничего хорошего.

— Помощнички ваши хоть не голодны? — спросил, успокоившись, майор.

— Никак нет! — отчеканил Серёжка, дрожа от холода.

— Снять с пленных куртки, — приказал сержант Куликов.

— А ну ссымай! — потребовал Хмельнюк. — Будем мы ещё со всякими «синими» панькаться. И побыстрее, будьте так ласковы.

Майор-посредник подсел к радиостанции:

— Я — шестой. Докладываю. Найдены двое ребят. Заблудились. Отправляю с пленными к развилке, квадрат восемь. Высылайте машину.

Серёжка прижался к сержанту Куликову. Губы надулись и задрожали. Лёвка тоже воспротивился:

— Мы не хотим!

— Надо, друзья, — мягко сказал Куликов. Он уже пересердился.

Мальчишки вздохнули и подчинились. А куда денешься? Некуда.

ПОД КОНВОЕМ

Сержант Куликов назначил конвоиром Хмельнюка. Тот мгновенно сообразил: радости от этого мало.

— Товарищ майор, — обратился он к посреднику, — может, нам и одного «языка» хватит? Может, двоих «убитыми» засчитаете?

— Не имеет значения, — равнодушно сказал майор. — Всё равно троих конвоировать.

Всё равно, да не для всех. Едва прошли голец и вступили в лес, Хмельнюк приказал: «Стой!» Он вытер пот со лба и оценивающе оглядел пленников. Хлопцы, как на подбор, — рослые, плечистые.

— Не имеет значения, — пробормотал под нос Хмельнюк и ткнул пальцем в левофлангового.

— Будьте так ласковы, ты того, убитый.

Хмельнюк навьючил его трофейным оружием, хлопнул по плечу и бодро напутствовал:

— Хлопец здоровый, дотащишь!

«Убитый» возмутился:

— Почему именно я? И где логика? Ежели я мёртвый, то...

— Цыц! — грубо оборвал Хмельнюк. — Если ты мёртвый, то по логике и молчать должен.

В наказание Хмельнюк передал «убитому» и свой вещевой мешок.

— А вы, голубчики, — сказал он живым, — берите наших геройских пацанов на плечи и, будьте так ласковы, несите до развилки, квадрат восемь.

Распределив таким образом груз и обязанности, Хмельнюк налегке, с одним автоматом на груди, повёл свой караван дальше.

В квадрате восемь машины не оказалось. Не подошла

ещё. Это никого не огорчило. Солдаты разлеглись на траве, дружно закурили. Серёжка с Лёвкой тоже не очень торопились домой. Кому охота с военных манёвров уходить!

Спустя минут двадцать появился шофёр, потный и пыльный.

— Мост через реку не готов, машиной не проехать. Переправился на лодке и топал два километра пешком.

— «Два километра!» — Хмельнюк усмехнулся и смеялся шофёра брезгливым взглядом. — Избалованный народ — шофёры. Испорченный механизацией! А как же наша пехота от Сталинграда до Берлина шла? И не так себе, а с боями!

Шофёр смутился и начал оправдываться, но Хмельнюк подал команду, и все двинулись по дороге к реке.

Реки ещё не было видно, а лес уже гудел и звенел от стука топоров, шума моторов, ударов кувалд.

— Они что — деревянный мостят? — спросил шофёра Хмельнюк.

— В том-то и суть! Наши понтон наводить стали, а тут гражданское население с прошением. «Поставьте капитальный, солдатики! Третий год район молим. Сулят, а не делают. Мы и лес заготовили, и скобы отковали, гвоздей запасли, а мастеров нету!» Командование и уступило. Отчего людям не помочь!

«Эх, устроить бы и под нашим селом манёвры! — подумал Хмельнюк. — Мост через реку давно подновить не мешает. Едешь, бывало, так доски под колёсами, что твои клавиши на пианино».

Народу у реки, как на фронтовой переправе. Офицеры, солдаты, местные жители — мужчины, женщины, парни, девушки. И не разберёшь, кто кому помогает: сапёры населению или население сапёрам. Работают все дружно, горячо.

Лёвка прикрыл глаза и медленно потянул носом. Серёжка тоже понюхал. Пахло свежими стружками и горьковатым маслом.

Запах масла шёл от танков. Их было четыре, по два на каждом берегу. Танки держали тросы канатной дороги. По

тросам бегали подвесные тележки с досками, мотками проволоки, крепёжными деталями.

Тросы провисали под тяжестью, тележки раскачивались, ролики пугливо повизгивали.

— Может, по воздушной трассе прокатимся? — наивным голосом предложил Хмельнюк.

— Лучше на самом танке, — поспешно высказался Лёвка.

Солдаты засмеялись. Серёжка ничего смешного не нашёл в словах Лёвки. Конечно, лучше на танке, чем на этих неустойчивых тележечках. Вообще здорово прокатиться на настоящем танке.

— А что, это идея! — похвалил Хмельнюк и погладил Лёвку по волосам. — Голова! Только подвеску смотать им придётся.

И тут, как по волшебному велению, по Хмельнюка хотению начальник сапёров распорядился демонтировать канатную дорогу. Строительство моста подошло к концу. Осталось нарастить последний пролёт и укрепить перила.

— Им на это час надо, не меньше, — вздохнув, сказал шофёр. — За это время кухня как пить дать уйдёт. Если на лодке, успеть можно. С того берега минут десять ходу. Машина у меня — высший класс: девяносто выжимаю.

Солдаты с ребятами спустились к воде. Лодка вмещала двоих.

— Три рейса, — подсчитал Хмельнюк.

— Уйдёт кухня. Как пить дать уйдёт, — затосковал шофёр.

— Стой! — закричал Хмельнюк и сорвался с места.

Танк, освободившись от троса, удовлетворённо зафыркал, попятился немного и стал. Танкисты занялись какими-то таинственными приготовлениями. Над башней выдвинулась высокая труба, похожая на громадный перископ.

— Товарищ лейтенант, разрешите обратиться! Рядовой Хмельнюк!

Хмельнюк лихо пришёлкнул каблуками и вскинул руку к пилотке.

Командир, одетый в такой же комбинезон и в ребристый шлем, как и остальные танкисты, молча кивнул.

— Разрешите с вами, товарищ лейтенант! Десантом. — Встретив удивлённый взгляд, Хмельнюк торопливо добавил: — Приказано срочно доставить пленных и пацанов заблудившихся. Лично к командующему!

О командующем Хмельнюк приврал. Для большей убедительности.

— Десантом? — удивился командир танка и, нагнувшись, спросил: — А плавать умеете?

— Зачем нам плавать, товарищ лейтенант? Мы ж десантом, на броне, товарищ лейтенант.

Из переднего люка высунулся по плечи механик-водитель.

— Это тебе не амфибия, солдат! — весело крикнул он Хмельнюку. — Мы — подводники. Понял?

Хмельнюк не всё понял.

— Пацанов хотя бы, товарищ лейтенант! — взмолился Хмельнюк и позвал: — Серёжка! Лёвка! Ко мне, живо!

Мальчишки мигом подбежали к танку.

— Вот они самые и есть, товарищ лейтенант, — представил своих подопечных Хмельнюк. — Между прочим, имеют личные боевые заслуги.

— Ишь ты, — прищурившись, сказал лейтенант, разглядывая сверху мальчишек.

Лёвка смекнул, как надо вести себя, и повторил испытанный манёвр.

— Домой хочу, — пропищал он тоненьким голосом. — Мы заблудились.

Серёжка, подавленный чудовищными размерами стальной махины, во все глаза молча разглядывал её.

— Ребят возьмите, товарищ лейтенант, — сказал кто-то из танкистов. — Поместимся.

— Так и быть, — произнёс наконец лейтенант. — Переправим.

Он легко спрыгнул на землю и одного за другим посадил мальчишек наверх. Там их подхватили танкисты и опустили через башенный люк в рубку.

Ещё толком не оглядевшись, мальчишки увидели снаряды. Они лежали в специальных гнёздах, внушительные, сверкающие латунными гильзами. Серёжка и Лёвка одновременно протянули руки.

— Ничего не трогать! — грозно прозвучало откуда-то из-под ног.

Мальчишки присмирели. Лёвка взял Серёжку за плечо и показал вниз. Там сидел в низеньком кресле механик-водитель.

— Как же вы от мам своих отбились? — спросил он. Но в этот момент прозвучало: «По машинам!»

В рубке сразу сталолюдно и тесно. Крышки люков плотно захлопнулись. Солнечный свет исчез, вспыхнули матовые электрические плафоны. Заработал двигатель, и танк наполнился таким рёвом, что экипаж, наверное, ничего другого не слышал и в своих шлемах с телефонными наушниками.

Танк качнулся и плавно двинулся вперёд. Или кто его знает куда. Серёжка видел только широкую спину командира и массивный затвор пушки.

Сперва танк наклонился: Серёжку прижало к лейтенанту. Потом выровнялся и мягко двинулся дальше. Куда — неизвестно.

Лейтенант повернулся вместе со стульчиком и жестом пригласил заглянуть в чёрный окуляр перископа. Серёжка приник лицом к резиновому наглазнику и вдруг увидел необыкновенную картину.

У самых глаз плескалась вода, будто сидишь в реке по горло.

Танк шёл по дну. Берег стремительно надвигался. Он был уже так близко, что можно все камешки сосчитать.

— Ух ты! — вырвалось у Серёжки.

Лейтенант тоже что-то сказал и отстранил его от перископа.

Вскоре танк полез в гору и остановился. Мотор отфыркался и смолк. Наступила звенящая тишина.

Отдраили люки, в рубку хлынуло солнце. Мальчишек на руках вынесли наверх и опустили на землю.

Тысячи капель, сверкая, скатывались с покато́й башни, с гусениц, с пушечного ствола. Корма дышала паром.

От танка до воды тянулись мокрые гофрированные полосы — следы гусеничных траков. Неудержимо захотелось побежать по ним.

— Куда! А ну назад!

Хмельнюк уже переправился на лодке.

— Давай, давай, пехота, если есть охота! — заторопил шофёр. — И так опаздываем. Уйдёт кухня, как пить дать уйдёт!

Какой солдат кухню упустит? Нет такого солдата.

— Курс на полковую кухню! — скомандовал Хмельнюк, будто приказывал атаковать высоту 101,5.

Через полчаса машина остановилась в густом кедраче, поблизости от походной кухни. Крышка была поднята, как танковый люк. Солдат в синем халате, перегнувшись над краем люка, чистил котёл.

Шофёр протяжно свистнул и приуныл. Хмельнюк пошёл искать повара. Он спал под деревом.

— Разрешите обратиться! — гаркнул Хмельнюк. От такого крика и мёртвый пробудится.

— Носит вас где попало, расходу не напасёшься, — сонно морщась, проворчал повар.

— Так, Василий же Степанович, — почтительно объяснил Хмельнюк, — мы ж выполняем боевое задание. И опять же, будьте так ласковы, с пацанами задержались.

— С какими ещё пацанами? — мрачно переспросил Василий Степанович и уселся.

— Хлопцы! — зычно позвал Хмельнюк.

Подошли пленные и шофёр.

— А пацаны где? Эй! Живо сюда!

— Спят они, — сказал шофёр.

— Спят они, Василий Степанович. Вы уж покормите нас, будьте так ласковы, а пацанов, как проснутся.

Василий Степанович крикнул помощнику:

— Выдай им расход! Две порции оставить. Пацаны тут ещё... А какие пацаны, откуда?

— Та наши, Василий Степанович, гарнизонные. Лёвка и Серёжка.

— Какой Серёжка? Их у нас полдесятка, не меньше.

— Старшего лейтенанта Мамонтова сынок.

Василий Степанович протёр глаза кулаками, встал, крихтя, на ноги.

— Пойду погляжу на этих героев. Мамаш, наверное, до инфаркта довели. Заблудились?

— Так точно, Василий Степанович. Та вы не беспокойтесь. В гарнизоне уже знают. Всю ночь переполох там стоял, тайгу от пенька до пенька обшарили, не нашли, а мы на них сами наткнулись.

— Шалопаи, — процедил Василий Степанович и пошёл к машине.

Не успел Хмельнюк и полпорции съесть, как повар возвратился:

— Чего языком мелешь? Какие пацаны? Нету в кабине никого.

Хмельнюк поперхнулся:

— Как — нету?

ШИБЕНИКИ

Ребята хотели идти к кухне, куда звал их Хмельнюк, но тут Серёжка увидел вдруг сразу несколько парашютов в небе.

— Один, два, три... пять!..

— Шесть, семь! — подхватил Лёвка. — Гляди-гляди, сюда летят!

Казалось, что парашютисты сядут прямо на деревья.

Мальчишки, не сговариваясь, припустили по лесной дороге. Она вывела их на опушку.

Впереди расстилалась бескрайняя низина, заросшая изумрудной травой. Вдали трава была голубой и синей, в белой гречишной кипени.

— Море! — восторженно закричал Лёвка и потряс над головой автоматом. — Море!

Серёжка замер. Так вот оно какое, море. Настоящее,

Серёжка увидел парашюты в небе. Казалось, что парашютисты сядут прямо на деревья.

с кораблями. Множество их, самых разных, полным ходом шли к берегу.

Морская армада хотела захватить плацдарм. А с неба навстречу морскому десанту опускался воздушный. Парашютисты плыли уже совсем низко. По траве, как от облаков, скользили фиолетовые тени.

Лёвка случайно оглянулся и толкнул Серёжку:

— Погоня!

Из леса выезжали легковые машины. Они круто разворачивались, дверцы распахивались. И сразу выросла толпа офицеров и генералов.

— Прячься! — шепнул Серёжка.

Они нырнули в густую траву, отползли подальше от дороги и осторожно высунули головы. Офицеры и генералы даже не смотрели в их сторону.

Зелёное поле побелело от парашютов. Солдаты в комбинезонах гасили пышные букеты куполов, на бегу сматывали их.

Одна за другой взлетели, рассыпая жаркие хвосты, сигнальные ракеты.

Небо загудело с такой силой, что задрожала земля. Несметное множество самолётов парило над лесом. Из самолётов посыпались десантники. Всё пространство над головой покрылось белыми хлопьями. Словно налетела среди лета снежная буря.

Закружила, завьюжила, устлала землю пушистым снегом.

За первой волной самолётов появилась вторая, затем третья.

— С прицепами! С прицепами! — завопил Серёжка.

Самолёты вели на буксире толстопузые планёры. Планёры отцепились и, описывая плавные круги, начали снижаться.

Мальчишки, забыв об осторожности, встали на колени. Было чему дивиться. Солдаты выкатывали из планёров пушки, миномёты, пулемёты. Из брюха других крылатых вагонов сами выезжали танки, бронетранспортёры, самоходные пушки. Целое войско спустилось с небес на землю.

И двинулось к морю, чтобы не допустить захват нашего берега.

Вражеская армада была уже близко. Тупорылые десантные баржи под огневым прикрытием крейсеров и эсминцев ползли жуками к берегу.

Всё вокруг стрекотало, ухало, гремело. Как на настоящей войне в кино.

Мальчишки в страхе припали к траве, защищая головы руками.

Громоподобный рёв прокатился над долиной и в ярости забился в дальних сопках. Могучая сила оторвала мальчишек от спасительной земли, зажала в стальные объятия — и понесла. Глаза зажмурились так плотно, что не было сил открыть их.

Что-то тяжело и надрывно хрипело в уши, а тиски сжимали тело, мешая дышать. И вдруг всё кончилось. Неведомая страшная сила внезапно исчезла, и обмякшие, истисканные мальчишки мягко шлёпнулись на землю. Но тотчас загремело опять. Потише, да не менее грозно:

— Шибеники! Дезертиры! Дурни несчастные!

Хмельнюк, багровый, потный, таращил глаза, потрясал кулаками и орал:

— С ума посходили! В самое пекло полезли!

Странно: расвирепевший, бранящийся на чём свет стоит Хмельнюк подействовал успокаивающе. Мальчишки поднялись на ноги и украдкой посмотрели на море.

Вражеская армада поспешно удирала в открытое море. К берегу проскочили всего лишь три десантные баржи. Они стояли с откинутой кормой-сходней, как развалившиеся корыта. Над побережьем звенело победное «ур-ра!».

Хмельнюк увидел командирскую группу и ещё больше заволновался.

— Надо тикать. Начальство тут настоящее, не имитация какая-нибудь. Врежут на полную катушку — и будьте так ласковы! А ну, за мной!

Он схватил мальчишек за руки и потащил в лес.

Закрытый грузовик быстро мчался по таёжной дороге.

В кабине, зажатые между шофёром и Хмельнюком, сидели Лёвка с Серёжкой. После всего пережитого и сытного обеда клонило ко сну. Головы тыкались подбородками в грудь, словно мальчишки во всём соглашались с Хмельнюком.

— Ох и шибеники! Надо ж такое! В самое пекло полезли! А если б то справедливей взрыв? Мне — выговор? А то и, будьте так ласковы, пять суток гауптвахты? У-у, шибеники!

«Что такое — шибеник?» — хотелось спросить Серёжке, но не было сил ни поднять голову, ни пошевелить языком. В ушах шипело: шиб-ши, шиб-ши, шиб-ши. . .

Слово «шибеник» в переводе с украинского значит — сорванец. Шибеники — сорванцы. А сорванцы — это сорванцы.

Глава четвёртая

БЕЛЫЕ НОЧИ И «ЧЁРНЫЕ» ДНИ

Жил да рос Серёжка на Дальнем Востоке в таёжном военном гарнизоне и вдруг — приказ:

«Откомандировать старшего инженер-лейтенанта Мамонтова П. Н. на курсы усовершенствования офицерского состава. Со всех видов довольствия снять, из списков части исключить».

Исключить — это не в наказание. Здесь «исключить» означало, что отец, а следовательно, и Серёжка уже не вернутся обратно в гарнизон.

Пришлось срочно собираться в путь далёкий, через всю страну, от Тихого океана до Балтийского моря. Было решено, что, пока отец будет совершенствоваться на

курсах, мама с Серёжкой поживут у бабушки в Ленинграде.

Что творится в доме, если кто-нибудь из штатских вздумает отправиться из Москвы в Смоленск! Почти кругосветное путешествие! Неделю снаряжать будут всей роднёй! От Москвы до Смоленска триста девяносто два километра. На Дальнем Востоке это вообще как пригородная прогулка. На Дальнем Востоке и тысяча километров за расстояние не считается. Тем более, у военных. У них переезд — обычное дело, даже семьёй, в полном составе. Жизнь у военных походная, вечная перемена мест. Беспокойная жизнь, трудная, интересная.

Серёжка ходил именинником. Все ребята завидовали ему: на «ТУ-104» полетит! Крейсер «Аврору» увидит! Гулять день и ночь будет: все знают, что в Ленинграде ночи необыкновенные, белые ночи.

БЕЛЫЕ НОЧИ

Большое дело — появиться на свет в небе. Родился Серёжка в вертолёте и чувствовал себя в «ТУ-104» превосходно. А мама... Серёжка держал её за руку, когда спустились по трапу на ленинградскую землю.

Бабушка, трижды перецеловав всех, утёрла слёзы и спросила:

— Как же вы долетели?

Наивный вопрос! Очень просто: высота шесть тысяч метров, скорость семьсот пятьдесят километров в час, две посадки — в Хабаровске и Москве.

Мама скромно ответила белыми губами:

— Серёжа долетел хорошо...

И присела на чемодан.

Все пассажиры-дальневосточники уехали автобусом. И с других самолётов уехали автобусом. Но, когда мама «отошла» после перелёта, Серёжку повезли в легковом автомобиле «Волга». Таких машин Серёжка не видел ни разу в своей жизни. В гарнизоне из легковушек только

«ГАЗ-67», или попросту — «газик». И все машины выкрашены в одинаковый зелёный цвет, для маскировки. «Волга» была тоже одноцветная, белая, но с чёрными шапечками.

— Это такси, — объяснил папа.

Серёжка удовлетворённо кивнул. Он сразу догадался, почему такая «Волга» называется такси. У одного офицера-охотника была собака по имени Такса, тоже белая и с чёрными пятнышками.

Серёжка вспомнил свой гарнизон, ребят. Хорошо там жилось... Взгрустнулось даже. Но тут машина въехала в город, какие только в кино бывают. Дома — выше казарм. Куда там — казарм. Выше сопок! Улицы шире полкового плаца. Каналы, мосты, набережные.

На набережных гуляли юноши с гитарами. По Неве плыли весёлые парходики, заполненные народом. Веселье царило и во дворе бабушкиного дома. Серёжка сразу захотел на улицу, но его спешно, как по команде «отбой», уложили на диван.

— Спи, внучек, спи, — ласково сказала бабушка. — Сейчас глубокая ночь. Не смотри, что небо белое.

А какой тут сон, когда за окнами светло как днём! Книжки листать можно.

Белые ночи бывают на Крайнем Севере и в Ленинграде. Много недель в городе не зажигают на улицах фонарей, в домах почти не включают электрический свет, машины ездят без сигнальных огней.

Только уснёшь, подниматься в пору: на смену заре вечерней утренняя пришла.

Серёжка долгое время не мог привыкнуть к белым ночам. А когда, наконец, привык, ночи потемнели, стали нормальными: со звёздами, луной, уличными фонарями, автомобильными фарами. Обыкновенные ночи.

Но дни наступили необыкновенные. Бабушка возила Серёжку по всему городу. На все главные площади, ко всем знаменитым памятникам. И к дедушке, на Пискарёвское мемориальное кладбище, где спят вечным сном герои обороны Ленинграда. Девятьсот дней и ночей би-

лись они с фашистами. Голодали, умирали от ран и бились. До победы. Поэтому Ленинград — город-герой.

Дедушка сражался с врагами ещё в революцию. Он был матросом, служил на крейсере «Аврора», но воевал против царя в пешем строю.

Вместе с рабочими, моряками и солдатами дедушка штурмом брал Зимний дворец, где жили цари.

Наверное, они только зимовали там...

— А летом они жили в палатках? — спросил Серёжка бабушку.

Она никогда не бывала в военных гарнизонах и просто не поняла вопроса.

Всё лето солдаты живут на вольном воздухе и спят в палатках, а когда наступают холода, обратно переселяются в казармы, на зимние квартиры. Как цари.

— Сейчас здесь Эрмитаж, картинная галерея, — вместо ответа сообщила бабушка.

Картины Серёжку мало интересовали. Ему не терпелось взглянуть на крейсер, который подал сигнал революции.

Они сели в троллейбус, переехали один мост, другой, прошлись немного и вдруг оказались перед «Авророй». Шевеля губами и загибая пальцы, Серёжка начал считать орудия. Их было так много — на носу, на корме, вдоль бортов, — что Серёжка сбился. И пальцев на руках не хватило.

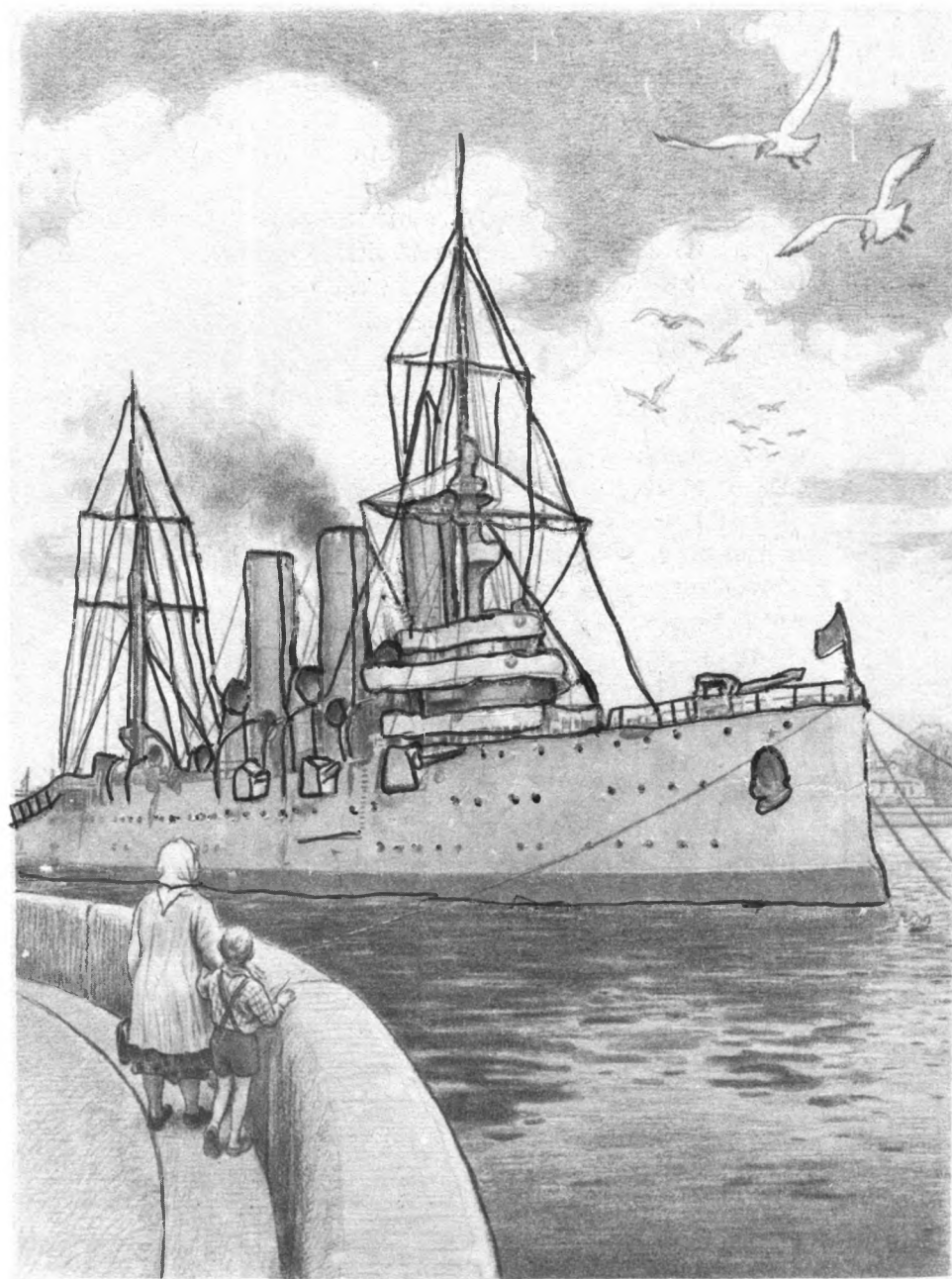
Серёжка Мамонтов стоял в двух шагах от легендарного крейсера. И очень жалел, что нет рядом Лёвки. Они обязательно перебрались бы по дощатому трапу на крейсер и потрогали пушку, которая стреляла по Зимнему.

А бабушку разве затащишь на корабль? Повела в зоопарк.

— Тут совсем близко, — посулила она, но почему-то полезла в трамвай.

Трамвай Серёжке не понравились: звенят, гремят, лязгают хуже гусеничных тягачей. Хоть уши затыкай.

И в зоопарке ничего особенного. Бабушка всё восхищалась фазанами: «Ах какие красивые, какие яркие!»

Серёжка Мамонтов стоял в двух шагах от легендарного крейсера.

Подумаешь, невидаль! На Дальнем Востоке фазанов больше, чем кур.

Слон произвёл впечатление: хобот у него, когда вперёд вытянется, будто танковая пушка. И жирафы понравились. Ноги длинющие, шея, как ствол дерева. Забраться наверх — лучшего наблюдательного пункта не надо. Не даром на голове жирафа две шишечки, вроде стереотрубы. И выкрашена жирафа под камуфляж — пятнами.

Серёжка мысленно примерился, каким образом забраться на наблюдательный жирафий пункт.

Бабушка опять заторопила. Очень ей хотелось показать Серёжке все достопримечательности родного города. Да разве можно осмотреть все достопримечательности Ленинграда!

В нём только мостов около шестисот. Гранитные, деревянные, чугунные, арочные, висячие. С башнями, скульптурами, старинными фонарями.

Один из мостов держали четыре льва с золотыми крыльями.

— Это сказочные львы, — пояснила бабушка, — грифоны. В древности грифонов считали охранителями золота. Напротив банк помещался, и мост называли Банковским. В банках хранят деньги и золото, потому и грифонов поставили.

— Как часовых, — сказал Серёжка и подумал, что универсальный клей БФ-6 тоже, наверное, в банках держат. Говорил же Сенька Бородин: такой клей на вес золота...

Бабушка обещала съездить с Серёжкой на «Зелёной стреле» в Петродворец, фонтаны посмотреть, и вдруг заболела. Примчалась «скорая помощь», увезла бабушку в больницу. Там бабушке сделали операцию, и она так ослабела, что пришлось маме каждый день ездить, кормить бабушку с ложки, как маленькую.

Будто осиротел Серёжка. Целыми днями один. Ленинград — не военный гарнизон, не разгуляешься без взрослых.

Потускнели белые ночи, прекратились увлекательные поездки. Наступили «чёрные» дни.

Серёжка ещё раз обошёл мощёный двор, стиснутый со всех сторон высоченными каменными домами, и остановился перед аркой, перегороженной железными воротами. Решётчатая калитка, сорванная с верхней петли, глубоко воткнулась острым углом в расщелину между булыжниками и не поддавалась никаким усилиям. И покататься нельзя.

Он постоял под аркой, посмотрел, посмотрел на улицу, но, как нарочно, ни одна машина не прошла мимо.

Оглянувшись, не следит ли за ним дворничиха, которой мама поручала его на день, Серёжка смело двинулся вперёд. Но только он занёс ногу над железной перекладиной, как позади хлопнуло окно и раздался ворчливый голос:

— Ещё чего выдумал! Ворочайся немедленно!

Все ребята со двора разъехались в лагерь, на дачи, к бабушкам в деревню. Малыши и те перебрались с детскими садами за город. Даже соседская кошка Рица, которую все почему-то называли сибирским котом, умчалась с хозяйкой в Зеленогорск. А Серёжка, без мамы, без кошки, без бабушки, без папы, один-одинёшенек неприкаянно бродил по тесному каменному дворику, как последний часовой в гарнизоне, поднятом по тревоге.

Жизнь была такой скучной, что Серёжке даже сны не снились.

Но вот однажды, когда, по мнению дворничихи, у Серёжки царил тихий час, в комнату ворвались знакомые голоса. То воротились из далёкого похода три друга-шестиклассника: Валька из десятой квартиры, Миша Кругликов и Толя. Толя слыл учёным: он увлекался археологией — наукой о древних костях, как объяснили когда-то Серёжке. Он живо сунул ноги в сандалии и сбежал вниз.

Загорелые, обветренные, стояли три, знаменитых теперь на весь двор, путешественника и, перебивая друг друга, отвечали на вопросы трёх мам.

Мамы уже успели завладеть вещевыми мешками. Там,

в этих неказистых на вид рюкзаках, наверное, таились не-
сметные сокровища.

Серёжка осторожно пощупал рюкзак, который держа-
ла за лямки Валькина мама. В тот же миг Валька так дёр-
нул Серёжку за руку, что тот едва удержался на ногах.
И ещё накричал:

— Ты что! Не видишь?! Там ископаемые!

— Осторожно, — добавил рассудительный Толя. —
Можно повредить отпечаток ихтиозавра на известняке.

Ихтиозавра Серёжка не знал: в зоопарке таких зверей
не держали.

— Мы устроим музей! — похвалился Миша Кругликов
и тотчас умолк. Наверное, это было военной тайной.

Когда приехала из больницы мама, Серёжка спросил
её, кто такой «ихтиозавр», почему он ставит печати на из-
вестняке и как устраивают музеи.

— Музей — это дом, где хранят редкие вещи, — ответи-
ла мама, а про остальное ничего не сказала. Усталая она
была и озабоченная.

На другой день Валька, Миша и Толя возились в дере-
вянной пристройке к флигелю, где жила дворничиха. В той
пристройке с покатою крышей хранились мётлы, лопаты,
ведра. Серёжка несколько раз пытался заглянуть в при-
стройку, но Валька отгонял его, как щенка: «Пошёл от-
сюда!» Серёжка отходил и молча наблюдал издали за
таинственной работой. Уже стало известно, что директо-
ром музея избран Валька.

Долго размышлял Серёжка, как попасть в музейную
компанию. И его осенило: музею нужен часовой. Ведь там
хранятся редкие вещи! Как в банке. А во дворе нет даже
крылатого грифона.

— Возьмите меня часовым, а?

Валька сперва онемел от неожиданной дерзости, затем
громко расхохотался и не больно, но обидно щёлкнул Се-
рёжку по лбу.

— Видали умника? Люди путешествовали, рисковали
жизнью, а он — нате пожалуйста, на готовенькое. «Возьми-
те часовым»! Пошёл отсюда!

В разговор вмешался Миша Кругликов.

— Вообще-то, — важничая, произнёс он, — охрана нам понадобится.

Серёжка одарил Мишу благодарным взглядом и прошептал:

— Я буду стараться.

Толя спокойно и равнодушно оглядел его и, по обыкновению, промолчал.

Стало ясно, что всё зависит от Вальки из десятой квартиры. Директор нового музея о чём-то думал. На всякий случай Серёжка отступил от него на два шага.

Вдруг глаза директора вспыхнули, как у кошки Рицы, когда она замечала воробышка, выпавшего из гнезда.

— Хорошо, — объявил наконец Валька, — берём. С условием! — Он подмигнул напарникам и отчеканил претенденту на должность часового археологического музея: — Ты должен внести в нашу коллекцию свой экспонат.

— Какой? — упавшим голосом спросил Серёжка, не решившись выговорить незнакомое слово «экспонат».

— Любой, — довольный своей выдумкой ответил вполне миролюбиво директор.

— Как твоя фамилия? — задал вопрос Толя. Он держал в руках блокнотик и авторучку. Наверное, собирался отдать приказ о назначении Серёжки часовым музея.

— Мамонтов, — с готовностью отозвался Серёжка.

— Как-как?

— Мамонтов, — невнятно от волнения повторил Серёжка.

— Ха! — воскликнул Валька. — О чём тогда думать? Тащи зуб мамонта!

Миша Кругликов зажал рот ладонью, прыснул и скрылся за дверь. Толя усмехнулся и покачал головой.

— Всё! — отрезал Валька. — Теперь иди. Без экспоната не подходи к моему музею ближе чем на сто шагов. — Он прикинул на глаз площадь двора и милостиво сократил запретную зону: — Не ближе пяти шагов.

Где водятся мамонты? Какие они? Длинные, как жирафы? Громадные, как слоны? Шустрые, как мартышки?

Мохнатые, как Рица? Даже узнать не у кого. Мама в больнице за бабушкой ухаживает. В музее спрашивать бесполезно. Если бы Валька знал, где живёт мамонт, давно по выбивал бы у него все зубы...

Серёжка принялся тщательно исследовать двор. Первым делом он осмотрел ящики для отбросов и мусора. Приходилось вытягиваться на носках и приподнимать тяжёлые железные крышки. Одна из них больно прижала пальцы. Серёжка поплюнул их, подул и, мужественно перенося страдания, продолжал поиски.

Как назло, утром приезжала машина и железной, согнутой в локте рукой заменила наполненные ящики порожними.

И зачем только выдумали дворников? Разве найдёшь после них зуб мамонта?

Серёжка заглянул в подвал, обошёл все лестничные площадки на всех пяти этажах всех четырёх подъездов. Ничего утешительного. Совсем обессилив, он опустился на скамеечку под окном дворничихи и с тоской уставился на большой замок, что висел на дверях музея.

Ночью приснился страшный сон. Будто шёл Серёжка по двору и вдруг увидел мамонта. Большого, мохнатого, как сибирский кот Рица. Мамонт закрывал рот, как Миша Кругликов, чтобы никто не увидел его зубы. Серёжка вежливо попросил у мамонта зуб, один-единственный, самый ненужный. На время хотя бы, пока выздоровеет бабушка.

Но мамонт проворчал:

«Ещё чего выдумал».

Потом рявкнул:

«Видали умника?!»

И прыгнул в зелёный ящик для мусора. Серёжка бросился за ним, но железная рука крана унесла ящик с мамонтом в небо...

Снова наступил день. Серый, дождливый, скучный. Серёжка, навалившись на подоконник, с завистью смотрел на блестящую крышу музея.

Валька выглянул наружу, поднял глаза и заметил Серёжу.

— Нашёл? — крикнул он насмешливо.

Серёжка печально покачал головой.

— Эх ты, Мамонт! — презрительно сказал Валька и скрылся.

И тут Серёжка придумал последний и единственный выход из своего отчаянного положения...

Придерживая одной рукой щёку, Серёжка смело распахнул дверь музея.

— Вот, — с трудом произнёс он сквозь сжатые губы и, протянув правую руку, разжал пальцы.

На влажной ладони лежал маленький щербатый молочный зуб с коротенькими корешками-присосками, ещё розовыми от крови.

Валька-директор часто заморгал рыжими ресницами и мягко положил руку на плечо Серёжки.

— Дурачок ты... — произнёс он странным виноватым голосом.

Толя конфузливо молчал. Миша Кругликов тоже потупился.

— Он давно шатался, — бодрясь, успокоил музейных работников Серёжка и оттянул пальцем губу. — И этот как на ниточке.

Глава пятая

НАВЕРХУ ТОЛЬКО СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС

Старший инженер-лейтенант Мамонтов окончил курсы и получил назначение в Заполярье. Бабушка, ещё слабая после болезни, заволновалась:

— Ребёнок там пропадёт!

Как можно «пропасть» в Заполярье? Толя рассказывал, что древние слоны-мамонты обитали на Севере миллионы лет назад, а их и сейчас выкапывают из мёрзлой земли, как из холодильника вынимают.

— Там вечная ночь!

Конечно, спать миллион лет подряд никому не интересно. Но в Заполярье бывает и вечный день. Полгода гуляй, полгода отсыпайся. Чем не жизнь?

— Там никакой цивилизации! Даже трамваев нет!

Оленья упряжка в сто раз лучше автобуса. И уж не сравнить допотопный трамвай с нартами! Толя сказал, что в Заполярье собаки полностью заменяют такси, легковые и грузовые.

— Если не доверяете мне, — поджав губы, настаивала бабушка, — отправьте ребёнка на юг.

Бабушка имела в виду Севастополь, где жили папины родные: другая Серёжкина бабушка и живой дедушка, Николай Петрович.

— Детям положено быть с родителями, — твёрдо отстаивал Серёжку отец. Вообще-то он тоже заметно переживал. И ему, наверное, не терпелось скорее попасть в край вечной мерзлоты.

Мама металась по магазинам, покупала тёплые вещи. Багаж получался солидным: три чемодана, узел с меховой одеждой и корзина с луком и чесноком.

— Напрасно всё это, — пытался отговорить бабушку отец, — есть там и лук, и чеснок, и фрукты.

— Там ничего нет. Одна цинга, — стояла на своём бабушка.

Пришлось уступить ей.

Серёжка помогал упаковываться изо всех сил. Подавал игрушки, сгребал в кучу бумагу от свёртков, ложился на чемодан, когда нужно было защёлкнуть замки.

Бабушка всё вздыхала и промокала глаза платочком. Как только отец не успокаивал её!

— Да не терзайте вы себя!

Отец обращался к бабушке на «вы», как к генералу.

— Ненадолго ведь. Год, два, три — и переведёмся в другое место. И вас тогда заберём. Давно ведь предлагаем!

Бабушка хваталась рукой за сердце и таранилась на Серёжкиного отца, словно он ненормальный.

— Я? Из Ленинграда?! Я всю блокаду тут была! Три войны пережила! Замуж тут вышла! Леночку вырастила. Мужа схоронила... — Голос бабушки дрогнул и сломался. — Тут я и помру.

Странные люди штатские бабушки! Ни за что из своего города не едут. Умрут, а с места не сдвинутся.

Самолёт был какой-то маленький, с красным хвостом, игрушечный по сравнению с «ТУ-104». Внутри тесно, полно ящиков, мешков, автомобильных покрышек. Пассажирский отсек всего на три ряда кресел. И те не все заняты.

Серёжка пересаживался с места на место. Но и слева и справа ничего не видно, кроме зелёных крыльев и огнедышащих моторов. У них вокруг шеи открытые щели, как жабры у рыб.

Никто не разносил лимонад в пузатых рюмках, не угощал кислыми конфетками. Пассажиры сами потчевали друг друга.

Кроме семьи Мамонтовых и мужчины в фетровых бурках, на Север летели бывалые полярники. Все быстро перезнакомились. Некоторые и прежде встречались. Теперь они вспоминали общих друзей.

— А где сейчас Шакиров?

— На Диксоне.

— Давно из «Счастливой»?

— Два месяца. На Кавказе отдыхал,

— Ничего?

— Скучно, — пожаловался загорелый бородач. — Никакой романтики! Тенты, лежаки, таблички на все случаи жизни: «не курить», «не сорить», «не входить». Пляжи на удельные княжества разгорожены.

Мужчина в фетровых бурках снисходительно заметил:

— Таков порядок. У каждого дома отдыха собственная территория.

— Собственная! — Бородач выдохнул облако табачного дыма. — Мы к таким вещам непривычные. У нас в Арктике всё моё, всё наше. Верно я говорю?

Земляки-полярники горячо поддержали бородача:

— Верно!

На чемоданах, приспособленных под столы, подпрыгивали бутылки с вином: в развёрнутых пакетах лежала всевозможная еда; топорщились зазубренными крышками раскрытые консервные банки.

Время от времени из кабины пилотов выходили лётчики. Они охотно подсаживались к пирующим, вступали в общий разговор.

В самолёте было шумно, как в ресторане Хабаровского аэровокзала.

О Серёжке забыли, и он обследовал самолёт. В самом хвосте лежали громадные кубические тюки, туго перетянутые крест-накрест проволокой. Тюки пахли лугом.

Серёжке удалось отковырнуть и выдернуть несколько травинок. Он принёс их маме.

— Откуда это? — удивилась она.

Травинки пошли по рукам.

Бронзоволицый лётчик потрепал Серёжку по щеке:

— Шустрёнок! Раскопал!

Мужчина в фетровых бурках, близоруко рассматривавший травинки, поднял голову.

— Как это раскопал? Где? — Он удивлённо посмотрел на лётчика. — Вы что, сено во льды везёте?

И мужчина отрывисто засмеялся. Лицо его румянилось и лоснилось от выпитого вина.

Бородач подмигнул незаметно лётчику и спросил будничным голосом:

— Всё идёт?

— Угу, — сдерживая улыбку, подтвердил лётчик.

Мужчина в фетровых бурках насторожился:

— Кто... идёт?

Лётчик уклонился от ответа, закуривать стал.

— Кто идёт? Товарищи...

Полярники лукаво помалкивали.

— Да этот, — отозвался, наконец, бородач, — как его...

Мамонт.

— Мамонт?!

— Обыкновенный мамонт, — подтвердил бородач.

Мужчина в фетровых бурках разволновался:

— Живой мамонт?!

— Живой... Случайно откопали. Летом дело было. Отогрелся и ожил себе на здоровье. Теперь своим ходом в Мурманск идёт.

— Точно, в Мурманск. — Лётчик и бородач произносили название города Мурманска по-своему — Мурма́нск. — Вот и подбрасываем этому мамонту сено, чтоб не помер в дороге.

— Разыгрываете, — неуверенно протянул мужчина в фетровых бурках.

Поднялся хохот.

Незаметно забрав с чемодана травинки, Серёжка заспешил в хвост.

— Ты куда, шустрёнок? — окликнул его лётчик.

Серёжка хотел сказать, что идёт травку на место положить, а то мамонту ещё не хватит еды до Мурманска, но лишь показал туда, где лежали тюки, пахнувшие лугом.

Самолёт заболтало, и мама опять «вышла из строя». Серёжка, тот просто уснул. Да так крепко, что не слышал, когда его облачали в шубку, валенки и прочие тёплые вещи. Он очнулся от сна уже на земле. Вернее, не на земле, а на снегу.

Вокруг был только снег. Всё искрилось, сверкало в лучах прожекторов. Над головой простиралось чёрное небо, в звёздах, как в снежинках.

Никакого аэродрома не было. Вся белая земля была аэродромом.

Их уже дожидался крытый грузовик. Над кузовом струился дымок. Внутри было светло и жарко. В машине стояла маленькая железная печурка. Солдат топил её аккуратно напиленными поленьями. И в пути солдат подкладывал дрова. Серёжка привалился к отцу и опять задремал.

Он спал так долго, что должно было настать утро, а его не было. В комнате, от пола до потолка обклеенной газетами, горела электрическая лампочка.

Полежав немного тихо, Серёжка проморгался и робко позвал:

— Мама!

Никто ему не ответил. В соседней комнате запели тонким голосом.

— Мама! — громче повторил Серёжка.

Песня оборвалась. Дверь открылась, и на пороге появилась девочка. Синеглазая, с косичками. На ногах невиданные туфли из золотистого меха.

Серёжка от удивления раскрыл рот. Девочка тоже молча разглядывала его. И, наконец, спросила, приблизившись к кровати:

— Ты — Серёжа?

— Да, — подтвердил Серёжка и в свою очередь пожелал узнать: — А ты?

— Я? — Девочка даже ресницами захлопала: как это он не знает её? — Я Наташа Конова. Я здесь живу.

Слова Наташи Серёжу задели.

— Нет, я здесь живу. Это мой дом.

— Дом наш, — спокойно возразила Наташа, — батальонный. А вы у нас поживёте, пока не сдадут третий корпус.

— Нам дадут первый.

С какой стати Серёжка должен ждать третьего?

— Первый давно заселили и второй. Думаешь, тут заселяться некому? У нас и до тебя люди жили, только без детей. Они своих детей на Большой земле оставили.

Про такое Серёжка слышал впервые. С Дальнего Востока де-

тей увозили на запад, бабушка предлагала отправить Серёжку на юг, в Севастополь. В запад входили Москва, Ленинград, Киев, Ташкент и ещё разные города.

— Большая земля—это другое,—объяснила Наташа.— Ленинград, Москва, Крым — всё остальное, что внизу.

— Как — внизу?

— А ты разве не видел географическую карту в клубе? В клубах Серёжка бывал, только не обращал внимания на карты.

— По карте ясно видно, где мы живём. И всё внизу — Большая земля.

— А наверху?

— Наверху — Северный полюс.

Про Северный полюс Серёжке доводилось слышать. Там жили полярники. Прямо на льдине. Вот бы куда сбегать!

— Туда далеко? — оживился Серёжка и начал одеваться, будто сию минуту собирался на Северный полюс.

— Часов... несколько лёту.

— А по дороге нельзя?

— Можно, далеко только.

— А ты знаешь, где эта дорога?

— Ясное дело, знаю.

— Где? — загорелся Серёжка.

— У нашего дома.

Серёжка недоверчиво глянул на белое промёрзшее окошко, затем на Наташу:

— Врёшь ты.

— Я никогда не вру!

Наташа резко отвернулась. Синие банты метнулись за косичками, словно махаоны.

— Постой! — позвал Серёжка. — Не сердись. Я верю.

— Очень надо! — Наташа презрительно фыркнула. — Можешь не верить. А только здесь от каждого дома идёт дорога на Северный полюс. Выше нас уже ничего нет, только льды и полюс.

У Серёжки дыхание замерло. Вот это да! Жить под самым полюсом! Хорошо, когда папа военный.

— У тебя папа тоже военный? — вежливо спросил Серёжка.

— Он капитан Конов, — гордо сообщила Наташа. — Командир нашего батальона.

— Дивизиона, — поправил Серёжка. — В артиллерийском полку дивизионы, а не батальоны.

— Нет, батальона.

— Ты давно сюда приехала? — с некоторым превосходством в голосе спросил Серёжка.

— Я не приезжала. Я всегда тут живу.

— Всегда-всегда? — поразился Серёжка, утратив своё превосходство. Он-то новичок, а Наташа родилась на Севере. — А я в вертолёте родился! — похвастался Серёжка. — На самом Дальнем Востоке.

— Я на Большой земле не была, — грустно сказала Наташа. — А ты видел, как растут настоящие большие деревья?

— Конечно. Там запросто большие деревья растут. Выше дома.

— Высокие, как антенные мачты и столбы?

В заполярном гарнизоне росли лишь столбы. Когда выпадало много снега, столбы превращались в пенёчки с фонарями. В плотном, как белая глина, снегу отрывали дорожку, глубокую, вроде траншеи. Над траншеей свисали матовые шары фонарей.

— А ты на собаках каталась? — задал самый главный вопрос Серёжка.

— Конечно. И на собаках, и на оленях.

Счастливая! Зато Серёжка праздничный салют в Ленинграде смотрел. Всё небо горело разноцветными огнями, как сто ёлок.

— А я салют видел!

— Какой он?

— Как новогодняя ёлка.

— Ёлка? — переспросила Наташа и вспомнила: — А-а, как полярное сияние, но маленькое.

— Полярное сияние?

Такого Серёжка ещё не видывал.

- Оно ещё будет? — осторожно спросил Серёжка.
- Обязательно, — успокоила его Наташа. — Полярное сияние у нас бывает чаще, чем кино.

КИНО

Серёжка быстро освоился на новом месте, познакомился со всеми. Наташа знала батальон пофамильно. И её солдаты знали. Ничего удивительного: единственная девочка в гарнизоне. Наташа разговаривала со всеми на равных:

- Как дела, Фирюбин?
 - Нормально, — отвечал здоровенный сержант.
 - Что нового, Сизокрыленко?
 - Всё старенькое, Наталка.
 - Накауридзе, письмо получил?
 - Получил, Ната, получил. Всё замечательно!
 - Ну как, Тихонов, поправился Рекс?
- Солдат улыбался белозубым ртом:
- Полный порядок, Талочка! А твой Пижон жив-здоров?

У Наташи был свой пёс, Пижон, но он отзывался и на кличку Буржуй. Мохнатый, толстый, хвост крендельком на спине. Сильный: один Наташины санки возил.

- Будет сегодня кино, Алёшин?
- Обязательно, Наташенька!
- Опять «Чапаев»?
- Опять, понимаешь, не подвезли ничего. Погодка, сама видишь...

Погодка была неважная. Вторую неделю не унимался буран. Между бревенчатыми домами натянули канаты. Люди ходили, держась за канат, чтоб не заблудиться, хотя между домами не больше двадцати — тридцати шагов.

Серёжка понял, зачем стены оклеены во много слоёв газетами. Малейшая дырочка, гвоздя не просунешь, а наметёт столько снегу — растопить, выкупаться можно.

Хорошо, клуб — стена к стене с Наташиным домом.

Серёжка с Наташей каждую ночь в кино ходили. Или каждый день — не разберёшь.

«Чапаева» Серёжка ещё на Дальнем Востоке смотрел. И здесь эту картину вторую неделю крутили. Сначала, как полагается: от первой части до последней.

Потом кто-то предложил переставлять части. Сначала красные громили белых, а уж после того белые шли в психическую атаку, и их второй раз обращал в бегство лихой Чапай.

Скоро зрители выучили наизусть все слова из фильма. Киномеханик Алёшин стал убирать звук, солдаты сами хором говорили и за Чапаева, и за Анку, и за бородатого солдата, который удрал от белых. Серёжка тоже запомнил все слова. Дома они с Наташей играли в «Чапаева».

— Василий Иванович, — спрашивала Наташа-Петька, — ты армией командовать можешь?

— Могу, Петька, могу, — отвечал Серёжка-Чапаев.

Погода в конце концов наладилась, прилетели самолёты, доставили новые кинокартины: «Подвиг разведчика», «Руслан и Людмила».

Серёжка и Наташа играли в «Руслана и Людмилу». Серёжке, кроме Руслана, приходилось быть и Рогдаем и Черномором.

Оседлав веник, Серёжка бегал по комнате и звал Людмилу. Её нигде не было видно. Наташа надевала на голову меховую шапку, а Серёжка зажмуривал глаза, и Наташа-Людмила превращалась в невидимку.

Как в пушкинской сказке:

Людмила шапкой завертела;
На брови, прямо, набекрень
И задом наперёд надела.
И что ж? о чудо старых дней!
Людмила в зеркале пропала;
Перевернула — перед ней
Людмила прежняя предстала;
Назад надела — снова нет;
Сняла — и в зеркале!

Стоило Наташе перевернуть шапку, Серёжке открыть глаза, и сразу Наташа-Людмила становилась видимой.

Елена Ивановна несколько раз читала ребятам книжку про Руслана и Людмилу. Наташа и Серёжка знали её почти всю на память.

Верхом на златогривом венике Серёжка медленно ехал вокруг стола, а Наташа декламировала :

Померкла степь. Тропою тёмной
Задумчив едет наш Руслан
И видит: сквозь ночной туман
Вдали чернеет холм огромный,
И что-то страшное храпит.

При этих словах Серёжка замирал на месте и с опаской глядел на огромную подушку. Она изображала Живую Голову.

Это Наташа придумала. Ведь Голова спала, когда подъехал Руслан. И с перьями была, как подушка :

Огромны очи сном объаты;
Храпит, качая шлем пернатый,
И перья в тёмной высоте,
Как тени, ходят, развеваясь.

Серёжка знал, что Голова вовсе и не голова, а подушка. Но на всякий случай предлагал :

— Давай без Живой Головы, а то я с Черномором подраться не успею.

— Эх, ты! Подушки испугался! А если бы на тебя белый медведь напал? Ты знаешь, как однажды медведь нашу машину атаковал?

— Как?

— Медвежонок перебежал дорогу. За ним медведица шла. Машина закрыла медвежонка, медведица и подумала, что мы её сына забрали. Да как зарычит, как бросится! Крючков прибавил газу, машина отъехала, медведица увидела медвежонка, и они вместе убежали, а мы поехали дальше.

— И тебе не страшно было?

В зоопарке белые медведи не очень белые, желтоватые. Глазки маленькие, злые. С таким зверем встретиться...

Наташа презрительно фыркнула :

— Очень надо! У нас же автоматы были.

— С автоматом я бы и Мёртвой Головы не побоялся, — сказал Серёжка и опять оседлал веник.

Младой Ратмир, направляя к югу

Нетерпеливый бег коня, —

нараспев произнёс Серёжка и поскакал нагонять Русланову Людмилу.

Вскоре «Руслана и Людмилу» увезли на Большую землю. В полярный гарнизон прислали «Щедрое лето», «Медовый месяц» и картину «Испытание верности». После таких фильмов играть было не во что...

Но как волшебно расцвело чёрное полярное небо! Никакое кино не сравнить с полярным сиянием!

ПОЛЯРНОЕ СИЯНИЕ

Целыми днями, в то время когда все бодрствовали, трещал, как мотоцикл, движок гарнизонной электростанции. На ночь, на то время, когда дети, женщины и свободные от караульной службы солдаты и офицеры укладывались спать, движок умолкал. В деревянных домах офицеров и в солдатских казармах зажигали керосиновые лампы и фонари «летучая мышь».

Елена Ивановна прикрутила фитиль и ласково сказала Серёжке:

— Спи, мой маленький.

И тут вдруг вспыхнули и засверкали огнём замороженные оконца.

— Пожар! — ахнула Елена Ивановна и кинулась в комнату Коновых.

— Это не пожар, тётя Лена, — успокоила Наташа. — Это полярное сияние.

Серёжка соскочил с кровати и стал лихорадочно одеваться. Мама, вместо того чтобы, как обычно, прикрикнуть и обратно загнать Серёжку в постель, быстро помогла ему натянуть валенки, шубу, шапку, башлык, поверх всего повязала тёплый пуховый платок, сама оделась. И они вышли из дому.

Снизу до зенита высились многоцветные крутые скалы. Они шевелились, вот-вот рухнут на бревенчатые домики гарнизона.

— А-а-а! — вскрикнул Серёжка и приткнулся к маме.

— Ах! — восторженно воскликнула Елена Ивановна и подняла Серёжку на руки. — Смотри, смотри!

Было тихо и прекрасно.

Отвесные скалы поджались, превратились в занавес с бахромой. Занавес колыхался, свёртывался, развёртывался и каждую секунду менял свою удивительную окраску.

Потом осталась лишь длинная бахрома. Красная, синяя, жёлтая, зелёная, пурпурная. Будто выпустили в небо тысячи ракет праздничного салюта.

Ракеты сошлись головами и образовали сплошной купол. Словно гигантский парашют раскрылся над снежной тундрой.

Казалось, что воздух загустел, как холодный брусничный кисель.

Справа от разноцветного парашютного купола высвечивались и гасли, удлиняясь и подтягиваясь, частые светлые полосы.

«Небо причёсывается!» — крикнул Серёжка.

Он уже не боялся волшебного сияния. Неопишуемая красота обвороживала его. Ему чудилось, что он плывёт по радужному небу, и волны, красные, синие, жёлтые, зелёные, раскачивают его, возносят всё выше и выше...

Когда Серёжка проснулся, он увидел себя в привычной кровати, под мягким тёплым покрывалом из оленьего меха. В знакомой комнате, обклеенной от пола до потолка старыми газетами.

Если бы на Крайнем Севере устроили зоопарк, в нём поместили бы не росомах, не леммингов, не белых медведей. Полярным жителям в диковину обыкновенная для Большой земли корова.

Гарнизон Наташи Коновой славился коровой. Её привезли по Северному морскому пути на ледоколе, когда родилась Наташа. И хотя корова числилась батальонной, одна на всех, молоко отдавали маленькой девочке. До последней капли.

Корова была здесь такой редкостью, что ей даже имени не придумывали. Все называли корову Коровой.

На Большой земле убирать конюшню или ходить за скотом направляют в наказание. В полярном гарнизоне солдаты сами просились к Корове. А доить её удостаивались немногие.

Солдаты тесно обступали счастливого дояра и, жмурясь от блаженства, шумно вдыхали аромат парного молока.

Не потому, что голодные были. Паёк на Севере обильный: всего вдоволь. И местных деликатесов хватает: оленья строганина, рыба, белая и красная. Только уже воротит от кетовой икры, не глядели бы солдатские очи на сгущённое молоко.

Парное молоко!.. Оно пахнет коровой, Большой землёй, родимым домом...

Для Серёжки родной дом там, где служит отец. Молоко же — просто очень вкусная еда. Такая вкусная, что солдат Сизокрыленко говорил: «Та я б спав на молоци!» Серёжка на молоке не спал, но свою долю, целый литр, выпивал с наслаждением и по нескольку раз в день навещался с Наташей в хлев. Они гладили тёплые бока Коровы, подкладывали сена в кормушку.

Сено доставляли лётчики. Не по обязанности, по дружбе.

Когда прибывали тюки с прессованным сеном, Серёжка радостно докладывал маме:

— Корове посылку привезли.

Приходили посылки и для Серёжки. Из Севастополя и Ленинграда. С конфетами, сушёными фруктами, игрушками.

Ленинградская бабушка, кроме того, посылала на Север лук и чеснок. Против цинги.

Антицинготных средств накопилось столько, что пришлось отправить в солдатскую столовую полный мешок.

— Сколько можно! — посмеиваясь, говорил Серёжкин отец и просил: — Лена, напиши, пожалуйста, что уже весь гарнизон на два года луком обеспечен.

— Тысячу раз писала, — оправдывалась Серёжкина мама.

Зачем отговаривать бабушку? Пускай шлёт. Серёжка втихомолку подкармливал луком бурёнку, оберегал её от цинги.

Корова привередливая была. Притронется к луковице мягкими губами, скосит на Серёжку влажный тёмный глаз и отвернётся.

— Очень ей надо! — фыркала Наташа. — Лук — это как лекарство. А лекарство и коровы не едят.

Всё-таки Серёжка перехитрил Корову. Бутерброды с маслом и луком делал. Бутерброды Корова любила. Солдаты приучили. Они её хлебом с яблочным джемом угощали. И сахаром.

Серёжка Корову тоже сахаром потчевал, но редко. Сахар ел с аппетитом Пижон-Буржуй. А лук и чеснок даже не нюхал.

Замечательный пёс Пижон! Всю зиму катал Серёжку с Наташей на маленьких нартах. Да ещё двух кукол в придachu.

Игрушек у Наташи полным-полно. Каждый солдат-отпускник подарки ей привозит. Одну нарядную куклу с закрывающимися глазами прислала из Ленинграда Серёжина бабушка. Только Наташе все игрушки, хоть самые распрекрасные, не нужны. У неё свои любимые вещи: настоящий пистолет марки «ТТ» и две куклы в военной форме.

Замечательный пёс Пижон! Всю зиму катал Серёжку с Натасей на маленьких нартах. Да ещё двух кукол в придачу.

Пистолет внутри порожний, без ствола и механизма. Но об этом ведь знали лишь Наташа и Серёжка! С виду пистолет был таким боевым, хоть в караул с ним заступай. Наташа прятала на ночь пистолет под подушку. И на улицу иногда брала. У неё кобура была на ремешке.

Куклы в военной форме на самом деле были девчонками. У них и лица, и причёски остались девчачьими. Но одну звали «Ваня», а другую — «Тарас». Ваня была молодой, целой, в строю. У Тараса нос побит, из спины опилки высыпаются. Тарас считался в запасе, но Наташа и его выносила на улицу: ветеранов нельзя забывать.

БЕРЁЗЫ

Всю долгую полярную ночь окрест гарнизона виднелись только синие снега. Не верилось, что они когда-нибудь растают, обнажат землю. Что земля, промёрзшая, наверное, до самого дна, покроется травой и цветами.

Но настала пора северного лета, короткая и яркая. Небо из чёрно-фиолетового перешло в сине-зелёное, затем ещё побледнело, до лимонного, и, наконец, засияло весёлой голубизной.

Природа сурового края явилась людям во всём богатстве своего летнего убранства. Зазеленела вокруг синих и бурых озерков густая осока.

Словно одуванчики забелели пушистые нардоши. Полярные маки расцвели целыми островками, красными и нежно-лиловыми.

Безжизненные обломки скал нарядились в лишайники, цвета потускневшего, с прозеленью, серебра. Запестрели бархатные мхи. Разбежались по торфяным болотам морошка и багульник.

Ожили карликовые северные деревья: лиственница, сибирская ель, ива. Деревья, а такие маленькие, как молодые сеянцы: Серёжке по колено. На самом же деле деревьям по тридцать, сорок лет.

Лилипутский лес. Серёжка, подобно Гулливеру, перешагивал запросто сибирскую ель и иву с крошечными ли-

ловыми листочками. А по ернику — зарослям из стелющихся берёзок — шёл напрямую.

Прилетели с жаркого юга гуси, утки, кулики. Повеселели постоянные жители Заполярья — тундровые куропатки и белые совы.

Объявилась и проклятая мошкара. На Дальнем Востоке житья от этих гнусных созданий не было, и здесь, за тридевять земель от тайги, руки и лицо Серёжки вечно горели от укусов. Серёжка рассудил своим умом, что в Заполярье и лета настоящего не бывает — тут даже в июле случаются заморозки, — чтобы не хотелось раздеваться до трусиков. Заела бы тогда мошкара! Одно спасение от них — у дымного костра сидеть. Белыми вечерами собирались солдаты в круг, разжигали огонь, пускали табачный дымок, вели разные разговоры.

Серёжка с Наташей Коновой тоже тут как тут. Наташа то и дело вмешивалась в беседу взрослых, а Серёжка по-малкивал да всё удобнее устраивался на необыкновенном табурете из позвонка кита. Китовый позвонок похож на серый пенёк с крыльями, на корабельный трёхлопастный винт. Устойчивый, гладкий, удобный. Где ещё посидишь на таком табурете, как не в Заполярье!

А разве покатаешься в Ленинграде на оленях? Там только машины стадами по проспектам носятся.

В Заполярье оленей больше, чем «Волг» в Ленинграде, видимо-невидимо. Ветвистые рога над оленьим табуном — самый высокий лес в тундре. На Севере олень — главное домашнее животное. И возит, и кормит, и греет.

Серёжке подарили замечательные сапожки из оленьего меха — камысы. Светло-коричневые, с чёрной оторочкой, расшитые орнаментом из ярких бусинок. Просто загляденье! Даже жалко было расставаться с ними на лето.

И солдаты перешли на летнюю форму: вместо меховых комбинезонов и полушубков надели шинели.

У костра солдаты обычно вспоминали родные края. И получалось по их рассказам, что лучшего места, чем то, где они жили до армии, нет во всём мире. Ефрейтор Сизокрыленко хвалил Украину, Фирюбин бредил Волгой, Ти-

хонов ни на что не поменял бы свою Рязанщину, даже на Кавказ с Чёрным морем в придачу.

— Ты видел настоящие горы?! — горячился младший сержант Накауридзе. — Ты видел настоящее море?! Ты не видел настоящих гор! Ты не видел настоящего моря!

— А ты видел настоящие берёзовые рощи? — с грустью спрашивал Тихонов.

— Подумаешь — берёза! — взмахивал руками Накауридзе. — На Кавказе всё есть: мандарины, апельсины, чинары, берёзы — всё!

— Не те на Кавказе берёзы, — мягко, но непреклонно отвечал Тихонов. — Таких берёз, как на Руси, нигде нету.

— В Белоруссии не хуже, — вступал в спор Алёшин.

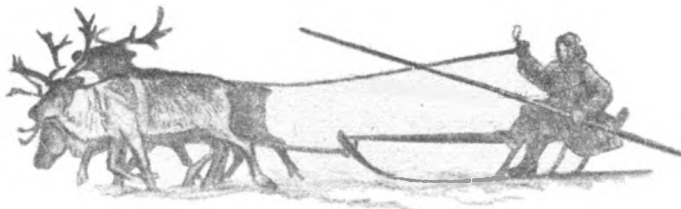
— А на Украине? — не выдерживал ефрейтор Сизокрыленко.

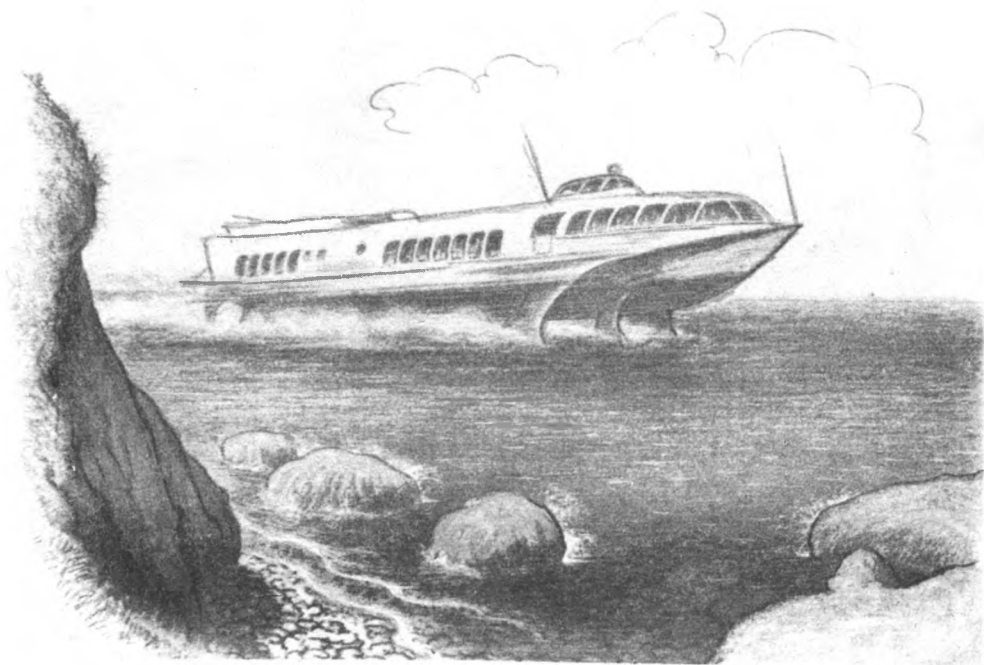
— Нешто это берёза? — грустно вопрошал Тихонов, глядя на искривлённую веточку с мелкими листочками, карликовую берёзку с корнями и кроной. — Эхма!..

И Тихонов бросал, как веточку, тощее дерево в огонь.

Спор угасал. Солдаты молча вздыхали, каждый по своему дому, по своей природе, по своей берёзке.

Куда бы ни завела солдата военная служба, на Юг или на Север, на Запад или Восток, всюду с нежностью вспоминает он родные места и оберегает мирный покой родного дома. А все вместе солдаты, стрелки и лётчики, моряки и танкисты, артиллеристы, ракетчики, — все Вооружённые Силы Советского Союза стоят на страже Родины, которая одна для всех.

Глава шестая

В ГОРОДЕ СЛАВЫ

Отец пришёл со службы необыкновенно рано. И необыкновенно сияющий. Серёжка видел его не так много, только в обед, и то не каждый день. Он сразу бросился к отцу на руки:

— Ты пришёл, чтоб повести меня к морю?

— Повезти! — с подъёмом поправил отец. — Повезти, сынок!

Он вытянулся по стойке «смирно» и отрапортовал:

— Есть убыть к новому месту службы!

«Не иначе, как на Северный полюс, — мелькнуло в Серёжкиной голове. — Выше уже ничего нет».

— Куда? — спросила мама пересохшими губами.

— К Чёрному морю!

— В Крым?

Мама ахнула и присела на застланную кровать.

Крым. Чёрное море... Сержант Накауридзе всегда говорил: «Чёрное море — самое синее море!»

— Ну, не совсем в Крым. Не совсем к Чёрному морю. Но что для нас, дальневосточников, тысяча-другая километров!

— Куда же?

— В Раздолье. Вот где отогреемся!

— Там вечное лето? — задал наконец вопрос и Серёжка, печально разглядывая узор на носках камысов.

Отец засмеялся. Ему от всего весело было сейчас.

— Не волнуйся, Серёга, пригодятся твои олени сапожки! Летом в тех краях жара, а зимой — арктические ветры. Но это всё потом. Сейчас — в Севастополь! К Чёрному морю, в отпуск.

...Прощай, Заполярье. Прощайте, нарты, северное сияние, долгая ночь. Прощай, верный Пижон-Буржуй, прощай, ещё незнакомый и уже потерянный Бобик... Через пять дней должны были принести его в дар Серёжке. Живого малюсенького щенка, пушистый комок, белый, с чёрной пуговицей носа. Серёжка и место уже оборудовал для него — ящик из-под бабушкиного лука. Он вырезал из журнала буквы, из которых составляется имя Бобик, и наклеил на боковую стенку. Получилось не очень ровно, зато красиво и не спутаешь: Бобик. Прощай, Бобик! Прощай, славная Наташа...

— А Наташа Конова тоже едет?

— Нет, приказ только на меня.

Серёжка грустно уткнул подбородок в грудь. Он не заплакал. Плакать без пользы глупо. Приказ есть приказ. В армии не просят, а приказывают, не предлагают, а назначают.

— Собираться! — скомандовал отец, и начались обычные для офицерской семьи сборы в дальний путь.

Вечером Серёжка в последний раз сходил к костру, попрощался с друзьями-солдатами.

Расставание с Наташей было самым трудным. Пижон облизал руки и отошёл в сторонку, чтобы не мешать хозяйке прощаться с другом.

— Уезжаешь?

— Ага.

— Жалко...

— Приказ...

— Приказ есть приказ, — подтвердила Наташа и сказала фразу, которую не один раз слышала: — Приказ должен выполняться безоговорочно, точно и в срок.

— Ага.

— Не «ага», а «ясно», — машинально поправила Наташа и печально вздохнула: — Жалко, что уезжаешь.

Наташа ещё раз вздохнула и протянула Серёжке маленького костяного медвежонка.

— На память, — по-взрослому сказала она.

Серёжка не решился сразу принять такой дорогой подарок. Он знал, что медвежонок вырезан не из обычного моржового клыка, а из настоящего бивня мамонта. Наташа сунула медвежонка Серёжке в руку.

— Спасибо, — сглотнув от волнения и щемящего чувства благодарности, тихо произнёс Серёжка. Он зашарил по своим карманам.

— Не надо ничего, — предупредила Наташа. — Ты мне лучше пришли с Чёрного моря большую берёзу. Если сможешь.

Он чуть не выкрикнул: «Смогу!» Но тут же вспомнил громадные деревья Большой земли и понял, что никакая почта не примет посылку с берёзой.

— Если смогу, — не осмелившись огорчить Наташу, пообещал Серёжка. — А краски я тебе пришлю обязательно.

Наташа давно мечтала нарисовать на стенах, обклеенных газетами, настоящий зелёный лес. Цветные карандаши для такого дела не годились: проткнёшь ещё, снегу полную квартиру наметёт.

— Пока, — сказала Наташа и кликнула собаку: — Буржуй!

Пижон, как известно, не сердился и на эту оскорбительную кличку. Ему было безразлично, как позовёт его хозяйка. Лишь бы она всегда была с ним и никуда не уезжала — ни к Северному полюсу, ни к Чёрному морю.

Наташа, не оглядываясь, уходила всё дальше и дальше. Пёс бежал рядом. Он не был ни пижоном, ни буржуем, а был обыкновенным другом.

Серёжка ещё постоял, глядя сквозь туманную пелену на стремительную фигурку Наташи, затем круто, на одной ноге, повернулся и бросился к дому.

Шофёр прогрел мотор. Стоял август, уже холодало. А где-то на южном берегу Большой земли, на золотом песчаном пляже, резвились в тёплых синих волнах мальчишки из Севастополя.

СЕВАСТОПОЛЬ

Мамонтовы летели до Симферополя, затем троллейбусом доехали до Ялты, пересели на крылатый теплоход «Метеор» и помчались в Севастополь.

Отец хотел «сразу вкусить все сто удовольствий», как метко сказала мама. Она и сама потеряла голову от счастья. Потому, наверное, и согласилась плыть морем.

Но всё обошлось благополучно. Море было таким спокойным и гладким, что даже Серёжину маму не укачало.

«Метеор» летел по синему морю, как нарты по крепкому снежному насту. Не доставало лишь радужного полярного сияния.

Через несколько часов крылатый корабль сбавил скорость и вошёл в горловину Севастопольской бухты.

И сразу открылся взору сказочно-прекрасный город. Белый-белый, с зелёными аллеями и скверами, с настоящими большими деревьями.

Город раскинулся на высоких холмах и обрывистых скалах. Он гляделся в бухту, как в зеркало.

Севастополь. В переводе с древнегреческого языка это слово значит — город славы. Севастополь и есть город-герой. Город, известный всему миру с давних времён.

Дедушкин дедушка, Серёжкин прапрадед, сражался на Малаховом кургане больше ста лет назад, когда английские, французские и турецкие эскадры осадили русскую морскую крепость.

Почти год обороняли русские воины свой город. Враги так и не сумели покорить мужественных защитников Севастополя.

Прошло чуть меньше века, и на Севастополь опять напали. Немецкие фашисты. Снова встали насмерть моряки и солдаты.

Серёжин отец, в те времена ещё маленький, эвакуировался, а дед Николай Петрович остался биться с фашистами.

Двести пятьдесят дней и ночей не смолкал бой. И всё-таки город пришлось сдать. Но потом Красная Армия вновь пошла в наступление и освободила Севастополь. Главную высоту, Сапун-гору, штурмовал и дед Серёжки.

Дед с бабушкой жили порядочно от города, двумя автобусами ехать от Графской пристани. Они жили в небольшом посёлке у Макаровой бухты, в двухэтажном белом доме. Окна и балкон выходили прямо на море.

Внизу, в бухте, морю было, наверное, не очень удобно, тесно от скал и белокрылых яхт. Но за каменными воротами море простиралось до края земли. Безбрежное, могучее, самое синее Чёрное море.

Отдохнув немного с дороги, все пошли к морю. Спустились по глинистой тропинке, перебрались через обломки скал, и море — вот оно, у самых ног.

Загорелые пляжники с улыбкой глазели на бледнотелых северян. Чему удивляться? На Севере даже совы белые.

Серёжка так рвался к морю, что, казалось, в одежде кинется в волны. Но стоило ему ступить босыми ногами на скользкие мокрые голыши, как боязнь заставила отступить назад.

— Никак, моря испугался? — огорчился дед Николай Петрович. — Праправнук севастопольского моряка, внук балтийского матроса, опять же внук севастопольского сол-

дата, сын советского офицера и — трусить? Ну, брат, этого мы тебе не позволим.

Он подхватил Серёжку на руки и шагнул в воду. Серёжка от страха завизжал, обвил руками жилистую шею, прижался тесно-тесно.

Дед остановился, ухмыльнулся в усы и произнёс удовлетворённо:

— Теперь вижу, что внук приехал. Вот как деда своего любит!

И все вокруг засмеялись. Взрослые и дети. Затрясся от смеха и мальчик, голый, чёрный, весь в пупырышках, вроде печёного оленьего языка. Серёжка его сразу приметил. Вылезет из моря, попрыгает то на одной ноге, то на другой и опять в море.

В этот момент вышел на берег мальчик постарше, с мешочком в руке. С мешочка стекала вода.

— Женька, — потребовал у печёного старший, — давай сетку.

Дрожащий от холода Женька вытащил из расщелины в скале обыкновенную авоську с чёрными овальными раковинами. Старший опорожнил в неё мешочек. В нём тоже были раковины.

— Это что? — спросил Серёжка, забыв свои страхи.

— Мидии, — объяснил дед.

— А зачем они?

— Жаркое готовить. Вкусно, говорят.

Братья с мидиями полезли по скалам наверх.

Дед опустил Серёжку на гальку и просто сказал:

— Пошли, внук, искупаемся.

Серёжка вдруг успокоился, взял дедову руку и пошёл в море.

Вода была такая тёплая, прозрачная, весёлая, что выходить не хотелось.

Отец поплыл на середину бухты. Там он стал нырять и подолгу не виднелся на поверхности. Наконец он что-то показал в вытянутой руке.

— Рапану добыл, — определил дед.

Рапаной называлась кручёная раковина с розовым мя-

сом внутри. То было не мясо, а живой моллюск. Дома отец очистил раковину, вымыл её, высушил на солнце, но от раковины ещё много месяцев пахло. Не очень приятно, только Серёжке запах нравился: он напоминал ему первое купание в море.

Вечером, за столом, дед объявил:

— Завтра с утра искупаемся и с ходу — на Малахов курган. Оттуда в панораму. Успеем, так и на Сапун-гору съездим.

— О господи! — всплеснула руками бабушка. Она выглядела моложе ленинградской бабушки. Наверно, потому, что жила у Чёрного моря. — Дай детям отогреться после того Севера. Повидают они ещё твою панораму и диораму!

О чём шла речь, Серёжка не мог понять.

Дед отставил рюмку и запетушился.

— А что? И мои! На одной дед мой запечатлён, на другой я сам с боевыми товарищами!

— Как прилетит кто, так он сразу в музей тащит, — с укоризной произнесла бабушка.

— А как же! Не в Ялту прибыли. В Севастополь! Человек должен в Севастополе первым долгом героям поклониться!

И на другой день Серёжка отправился с дедом в город. Сперва зашли в кондитерскую, купили конфет. Потом, прямо на улице, выпили: дед — пиво, Серёжка — лимонад.

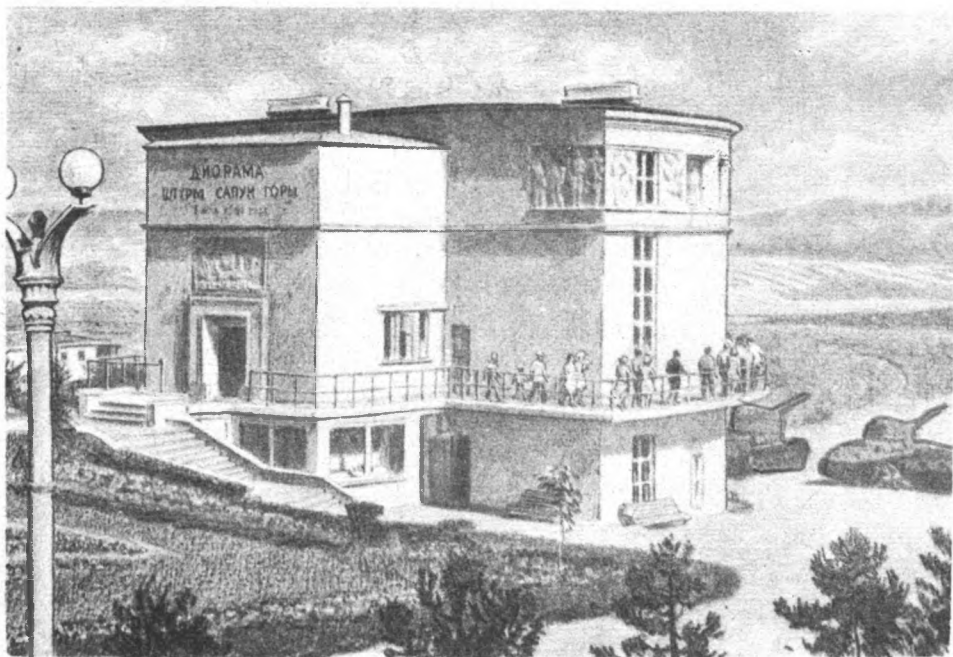
Дед предлагал кислое молоко, но Серёжка отказался. Молоко и на Севере есть, а лимонада там не бывает. В Севастополе лимонад и пиво продавали на каждом шагу. А молока — хоть залейся. Все витрины уставлены бутылками с широкими горлышками.

Сколько же надо коров, чтобы на всех молока хватило! А доить? Целая армия нужна... Да, на севастопольских коров бутербродов не напасёшься...

— О чём задумался? — прервал Серёжкины размышления дед. — Или жарко стало? Отвык от солнца.

От солнца он отвык, и от больших деревьев отвык, и от многолюдных улиц. Только не хотелось признаваться.

— Ни о чём.

— Тоже дело. Тогда давай опять же в троллейбус сядем, поедем на Малахов курган.

У старинной крепостной башни пылал в чаше факельной колонны вечный огонь. Огненное знамя трепетало над Малаховым курганом, над братской могилой нескольких поколений бессмертных героев.

Николай Петрович глядел куда-то вдаль. Серёжка тоже глянул, и сердце вспорхнуло к горлу. На высоком холме стоял огромный шлем с шишкой на макушке. Живая Голова!

— То и есть наша «Панорама обороны Севастополя 1854—1855 годов», — пояснил дед, довольный гластым внуком. — Мы и туда съездим.

Весь вечер он просидел на скамеечке под зелёной кровлей винограда и мурлыкал под нос фронтовые песни. Серёжка возился в огороде, лепил из земли старинные пу-

шечные ядра. Ему помогал соседский Женька, тот, что ловил с братом мидии на жаркóе.

— Теперь давай играть в тир, — предложил Женька.

Поставили на заборе банку из-под консервов и открыли по ней прицельный огонь земляными ядрами.

Позвали спать. Серёжка попросил разрешения расстрелять весь боевой запас.

— Быстро только, — уступила мама.

А отец сказал:

— Лучше в тир завтра съездим.

— В настоящий? — обрадовался Серёжка.

Отец подтвердил:

— В настоящий.

ТИР

Тир помещался в деревянном сарае-навесе. В нём стреляли из настоящего оружия, но без пороха, сжатым воздухом.

Духовые ружья заряжались маленькими свинцовыми пульками. Две копейки штука.

В глубине тира стояли раскрашенные железные мишени: тигры, волки, медведи. Были там и смешные клоуны: попадешь в чёрный кружок над колпаком, клоун задрывает ногами-руками. Угодишь в мельницу — завертятся крылья.

Перед барьером толпилось много любителей стрелкового спорта.

Хлопали выстрелы, падали волки, тигры, медведи, дрыгался клоун, вертелись пропеллеры мельницы.

Когда дошла очередь до Серёжки, все цели были повержены.

— Одну минуточку, мужчины! — остерегающе поднял руку толстый человек в тубетейке, начальник тира. — Опустите оружие, будьте осторожны. Даже незаряженное ружьё стреляет раз в год абсолютно самостоятельно!

Говоря всё это, начальник тира прошёл к железным мишеням и стал оживлять их. Поднялся на задние лапы

медведь, оскалился полосатый тигр, клоун выставил над колпаком чёрный кружок.

Тигры и волки вроде фашистов. Их не жалко. Но как можно стрелять в весёлого клоуна!

В тире было мужское царство. Серёжка не осмелился громко заступаться за клоуна. Он потянул отца за руку. Тот наклонился, и Серёжка шепнул в самое ухо:

— Клоуна не надо.

— Понял, — тоже шёпотом ответил отец и спросил на весь тир: — А круглые мишени есть?

Начальник тира отозвался высоким голосом:

— Только на приз, мужчина! Аккорд пять выстрелов — двадцать копеек. Выбили пятьдесят очков — бесплатный аккорд. Выбили меньше пятидесяти — больше сорока семи — на премию две пульки.

— Согласен, — улыбнулся отец и подмигнул Серёжке.

Начальник тира прикинул бумажную мишень с чёрным кругом.

Все отступили от барьера, чтобы не мешать отчаянному стрелку.

Какой смысл покупать за двадцать копеек аккорд, когда на такую сумму можно получить не пять, а десять пулек?

Отец прицеливался тщательно и спокойно. Один за другим захлопали выстрелы. После каждого болельщики восторженно выкрикивали:

— Десятка! Яблочко!..

Отец выбил пятьдесят очков.

— Снайпер! — хором похвалили меткого стрелка болельщики.

— Вы, конечно же, военный человек, — с уважением произнёс начальник тира. — И конечно же, офицер!

Каким образом он догадался, что Серёжкин папа — старший инженер-лейтенант? Ведь отец был в штатском. Выяснить Серёжке было некогда. Отец зарядил ружьё премиальной пулкой.

— Давай, Серёга.

Глаза не видели ничего, кроме пляшущего дула и поло-

сатой жестянки с очертаниями тигра. Ружьё выстрелило, толкнуло в плечо. Тигр не пошевелился.

— Ничего, мальчик, — успокоил огорчённого Серёжку начальник тира. — Вырастешь и научишься стрелять, как твой папа. Хотя в тире, конечно же, дети ведут себя, как взрослые, а взрослые становятся детьми.

Мальчишка в соломенной кепке протиснулся к Серёжкиному отцу и солидно спросил:

— Скажите, пожалуйста, как вы брали: под обрез или с просветом?

— В центр, — ответил отец.

— Всё оружие центрального боя! — запоздало объявил начальник тира.

Серёжка раньше не знал этого. Потому, наверное, и промазал.

Он утешил себя, что впереди ещё много дней отпуска и можно запросто научиться стрелять, как папа.

Но больше не пришлось попасть в городской тир. Родители уехали отдыхать в военный санаторий.

Серёжка и с дедом не заскучал. И друзья завелись по соседству. Женька и Витка. Братья, но с разными фамилиями. Фамилия Витки была Субботин. Родной Виткин отец мичман Субботин героически погиб уже после войны. Дед хорошо знал мичмана и рассказал Серёжке о его подвиге.

МИЧМАН СУББОТИН

В солнечный майский день командир водолазного бота особого назначения мичман Субботин получил приказ немедленно отправиться в Бухту пиратов. Приезжий аквангист случайно натолкнулся на затопленную немецкую баржу.

В барже лежали мины, бомбы, снаряды. Они давно проржавели в солёной морской воде, и никто не мог поручиться, что этот смертоносный груз спокойно догниёт до конца.

Бухта пиратов — залив между Ялос-Дагом и мысом Рыбачьим. На мысе когда-то стояло три барака, в которых

жили рыбаки. После войны там вырос большой посёлок городского типа. Если бы начинка немецкой баржи взорвалась, могли пострадать тысячи людей.

Мичман Субботин получил приказ обезвредить бухту. Разминировать чудовищный фугас, разгрузить баржу, увезти в открытое море ржавые боеприпасы и уничтожить их.

Тральщик ушёл подрывать последнюю партию снарядов. Мичман Субботин облачился в водолазный костюм и спустился к барже проверить, всё ли сделано как положено.

Минёры-подводники, как говорится, подмели трюм под метёлочку.

Выбравшись из трюма, Субботин обошёл баржу снаружи. Дно было твёрдым, каменистым, баржу не засосало, но обложило вокруг наносным грунтом. Субботин продвигался медленно, часто подсовывая под борт длинный щуп. Вдруг щуп упёрся в какую-то преграду. Субботин разгрёб спрессованный илистый песок и обнаружил металлическое тело в форме цилиндра. «Торпеда», — безошибочно определил мичман.

Во время оккупации в Бухте пиратов базировались немецкие подводные лодки. Перед отступлением гитлеровское командование, предполагая, что в бухту войдут военные советские суда, решило устроить кровавый сюрприз.

В центре бухты затопили баржу с двадцатью тоннами боеприпасов. В качестве детонатора уложили под днище торпеду. От неё протянули на берег кабель к электрической подрывной машинке.

Матросы-десантники дерзкой ночной атакой выбили фашистов, и те не успели довести коварный замысел до конца.

Мичман Субботин был искусным водолазом и опытным минёром. Уже после войны он лично обезвредил не одну сотню морских мин и других «штучек». Он знал, что фашисты всегда ставят дополнительные взрыватели, специально для разминирователей.

У торпеды под баржей наверняка таился свой секрет.

Раскрыть его не просто. Баржу не приподнять. Да и рискованно: между днищем и торпедой может стоять отжимной взрыватель. Освободишь его, он и ахнет. И тросом торпеду не потянешь.

«Придётся руками откапывать. От головы до хвоста», — пришёл к выводу мичман и просигналил «подъём».

Матросы отсоединили сферический шлем с иллюминаторами, помогли стянуть резиновый скафандр. Мичман выкурил папироску и велел подать акваланг.

Перед спуском под воду не очень-то хорошо курить, но никто ничего не сказал. Не потому, что мичман командовал на боте. Он собирался на поединок с самой смертью.

Записав в бортовой журнал о торпедо и своём решении разминировать её в одиночку, Субботин приказал отвести бот в море, дабы не рисковать жизнью своих подчинённых.

— Пошёл, — сказал мичман и спиной кинулся в воду.

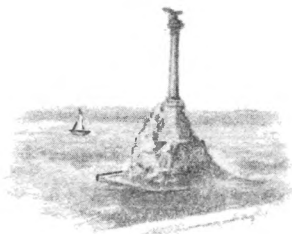
Навсегда.

...Огромный султан воды взлетел над бирюзовой гладью, опал, тугими кольцами разошёлся по бухте, расшибся на мелкие брызги о береговые скалы.

Некуда было возложить ни венков, ни мичманской фуражки.

Бухта пиратов стала безопасной, но за ней укрепилась мрачная слава. Не заходили сюда прогулочные катера, не бросали якоря рыбацкие баркасы, туристы не ставили палаток в прибрежных скалах.

Место считалось таким же гибельным, как во времена морских разбойников, хотя с Бухтой пиратов связывалось в народе светлое и благородное имя Виткиного отца мичмана Субботина.

Глава седьмая

КРАБ БИКФОРД ВИРГИАНОВ

Витка не любил санаторный пляж. Море в загородке! Вдоль берега — решётчатый забор, по бокам — ржавые сети на сваях, в море — ограждение из красных буйков. Заплывёшь дальше, подлетит катер, и зарычат в мегафон:

— Грражданин! Вернитесь в зону пляжа!

Не море, а запретная зона. В воде до самых буйков — головы, головы, головы.

И всё-таки Витку тянуло на санаторный пляж. Здесь открывался особенный вид на мыс Ялос-Даг.

Прекрасная Ялос-Даг («ялос» — по-гречески берег, «даг» — гора) восхищала и манила курортников и экскурсантов. Курчавая зелёная вершина, обнажённые скалы,

выступы, дикое нагромождение обломков у воды. На Ялос-Даг ежедневно совершались туристические походы.

Походы редко кончались без досадных потерь: кто-нибудь что-нибудь забывал в горах. Рассказывали, что один парнишка из Камышовки нашёл новый транзисторный радиоприёмник. Понятно, что местные ребята ходили на Ялос-Даг вслед за туристами, как солдаты из трофейной команды. Только Витка Субботин никогда не лазал на Ялос-Даг. Для него то была не гора, а памятник.

Люди без воображения или не в меру восторженные сравнивали гору с римским профилем. Витка другое лицо видел...

Ему было четыре года, когда не стало отца. Вскоре мать вышла замуж за угрюмого моториста. Витка, не отгоревав ещё тяжкой потери, сторонился отчима с первого дня. Отчим тоже не навязывался с родством. Не выделял пасынка в семье, как чужого, но и не обнаруживал особых нежностей. Да и родного Женьку не очень баловал. Такой уж у отчима характер был.

Соседи помнили мичмана Субботина, гордились им и относились к сыну погибшего с явной жалостливостью. Витка всегда это чувствовал. Он не обижался на людей, уважал их по-своему, но к себе не подпускал: не хотел он жалости, не хотел сердобольства. Он не считал себя бедным, несчастным сиротой. И если чего ему недоставало, так это лишь одного.

Витке недоставало мужской дружбы, на равных, без скидок на сиротство, и он время от времени заводил знакомства с отдыхающими из санатория. Мужчи́нами.

Вообще-то Витку знал весь санаторный пляж. Витка добывал раковины и крабов, ловил морских коньков, рыбу-иглу и всё это раздаривал любителям сувениров. Заказы сыпались со всех сторон.

— Витка, достань краба, а?

— Витуся, милый, подари мне, пожалуйста, красивую раковинку!

— Вита, я хочу отшельника.

Будь Витка дельцом, он бы заработал кучу денег. Как

тётка Важиниха. Она скупала рапаны у подводных изыскателей вёдрами, словно картошку.

С аквалангом и дурак рапану найдёт. С аквалангом по дну можно, как по городу, ходить и рапану вместо репы дёргать. Ты с простой маской попробуй! За каждой рапаной по два раза в лучшем случае нырять приходится. И метров на десять, а то и глубже.

Важиниха скупала рапаны оптом, а продавала поштучно. Отмочит их в тёплой воде, очистит от моллюсков, лаком протрёт — и налетай, хватай экзотику!

Пока фабричного снаряжения не было, Витка тоже не отказывался от серебра в награду за нелёгкий труд. А обзавёлся маской, трубкой и ластами, перестал деньги брать. Какая радость от торговли?

Он не промысловик, а исследователь, плавает и ныряет, чтобы изучить подводный мир. Витка перечитал все книжки о жизни моря, помнил названия водорослей, русские и иностранные имена рыб, моллюсков, крабов.

Здорово, что космос осваивается. Только и моря-океаны забывать нельзя. В школе рассказывают о Луне, Марсе, кометах, заставляют вызубривать, сколько колец у Сатурна. А как начнётся про море — смех и грех.

«Моря омывают нашу Родину почти со всех сторон». Забегала указка по карте.

«Моря и океаны, омывающие наши побережья, богаты ценными породами рыб и млекопитающих». Пошёл список богатств! И все почти на одну букву: киты, котики, кефаль, кета, килька, краб камчатский...

Подумаешь, в Камчатском море — камчатский краб! В Чёрном море не только черноморские живут, а и балтийский краб, и океанский, эмигрант из Северной Америки, Blackfordia Virginiana. По-русски — Блэкфордиа Виргиниана. Или чуточку иначе. Витка ещё не изучал чужие языки, но расшифровал это имя полностью, по словарям. Black — чёрный, ford — брод, virg — ветвь. В общем, Витка перевёл так: «Ветвистый чёрный бродяга». Наверное, не очень точно. Но и Витку неправильно называли. Виктор он, Витя, Витька, а не Витка. Женька, когда малень-

ким был, без мягкого знака обходился. С тех пор и прилипло — Витка.

Новый Виткин друг — он до всего дотошный — сразу выяснил настоящее имя и обращался как к равному: «Виктор». Или по-модному: «Старик».

— Зови меня без отчества-мотчества, старик, — сказал он. — Надоели церемонии-антимонии. Зови просто: Станислав.

СТАНИСЛАВ

Дружить с ним было весело и интересно. Они встречались ежедневно на прокатной станции, ровно в шесть часов. Брели шлюпку и выходили в море.

Витка садился на вёсла, а Станислав удобно устраивался на корме.

Станиславу за тридцать, но выглядел он моложе. Высокий, мускулистый, с курчавым пушком на груди. Короткая причёска с боковым пробором, дерзкие умные глаза, рот с постоянной иронической усмешкой. Полная противоположность Витки.

Витке — одиннадцать, а на вид все пятнадцать. Поджарый, загорелый дочерна; выцветшие белёсые волосы не стрижены с начала лета. Лицо до глаз — отцовское: крепкий подбородок, добрые губы, прямой нос. А глаза неизвестно в кого: янтарные, в густых ресницах.

Станислав сбрасывал полосатую тенниску и оставался в одних шортах из тёмно-синей болоньи.

— Итальянские? — спросил как-то Витка.

— Шорты-морты? Нет, старик, наши. Мэйд ин тут. Тутошние.

— Мэйд — это маде?

— Мэйд — это мэйд. Пишется — маде, читается — мэйд.

— Ты и английский знаешь, Станислав?

— Болтаю немного... Возьми левее, Виктор.

Витка несколько раз сильно гребнул левым веслом.

— А как перевести слово «Блакфордиа»?

— Блэкфорд?

Букву «р» Станислав произносил как-то особенно. Вместо одного звука получалось два — «рл».

— Блэкфорлд? «Блэк» — чёрный. «Форлд» — брод, бредущий. Чёрный бредущий, вероятно. Где ты это вычитал?

— В книжке.

— Да? А я думал, что на вывеске. Ресторан «Чёрный бродяга». Звучит!

— Это не ресторан. Это краб такой, переселенец из Северной Америки.

— Мэйд ин УСА... Хватит, старик. Суши вёсла. Подрейфуюем.

Витка переставал грести и настраивал самодур. Самодурами называют рыболовные крючки с пёрышками селезня вместо наживки. Пёрышко крепится цветной ниткой. На одну леску подвязывают штук шесть-семь самодуров. Тяжёлый свинцовый грузик и — снасть готова. Ни удилица, ни червей не надо.

Самодуром ловят ставриду. Известно, что в августе ставрида не идёт. Станислав и не гнался за богатым уловом. Подложив под спину пробковый круг, он блаженно грелся под мягким утренним солнцем.

Опустив за борт самодуры, Витка стравливал несколько метров лески и плавно подёргивал её. Когда ставрида идёт, сразу по нескольку штук нацепляется. Глупая рыбёшка принимает яркое пёрышко за малька и бросается на крючок.

— Не клюёт? — лениво спрашивал Станислав.

Витка оправдывался:

— Рано, сезона нет.

— Аллах с ней, старик! Разве в этом счастье?

Конечно, счастье заключалось в том, что Витка и Станислав вместе, рядом. Утренние морские прогулки были лучшими часами в Виткиной жизни.

Отпуск Станислава подошёл к концу. Они ещё раз встретились на лодочной станции.

— Завтра-мавтра уже не выйдет, старик. День сборов и прощаний. После ужина — автобус, вокзал, поезд-моезд

и... Такова жизнь! Сплошные расставания. А вы чего страдаете, старики?

Женька и Серёжка, глядя на печальное лицо Витки, тоже загрустили. Взять брата на рыбалку велел Витке отчим. Женька его настропалил. Витка запротестовал, но отчим сказал, как отрезал: «Тогда и сам не пойдёшь». Мало того, Женька и Серёжку, внука Николая Петровича, потащил за собой.

Витка махнул рукой: всё равно последняя прогулка испорчена.

— Так что же вы страдаете, старики?

— Недоспали, видно, — хмуро ответил за ребят Витка и освободил лодку от цепи.

Серёжка с Женькой устроились на носу, Станислав, как обычно, разлёгся на корме, а Витка сел на вёсла. Он выгреб на середину бухты и закинул самодур. Ничего не ловилось, и Витка занервничал.

— Брось расстраиваться, старик, — успокоил Станислав.

Женьке понравилось, что Станислав так беспокоится о его брате.

— Он хороший дядька, правда? — тихо спросил Женька у своего друга.

— Ага, — подтвердил Серёжка. Дядя Станислав и ему симпатичным показался. Весёлый такой! «Стариками» всех называет.

— Брось расстраиваться. Аллах с ними! Аллах-феллах. Кстати, а кто такие феллахи?

— Египетские колхозники, — ответил Витка, подёргивая леску.

— Стари-ик! Какие же в Египте колхозники-совхозники? — Станислав засмеялся.

Женька с Серёжкой не очень поняли, в чём дело, но им тоже весело сделалось.

— Ну, просто крестьяне, — поправился Витка.

— Крестьяне-миряне. А ещё кого ты знаешь в Египте?

— Кого проходили в школе, того и знаю, — нехотя сказал Витка и строго оглянулся на ребят. Те притихли.

Разговор забавлял Станислава, он удобнее улёгся на круг.

— А фараон? С чем его едят?

Витка лукаво хмыкнул. «Второй раз не подденешь!»

— Не мидия, есть не будешь! Фараон — сушёный царь.

Станислав икнул и съехал с кормовой банки на дно. Он трясся от смеха, охал, постанывал, подскакивал, как рыба в лодке.

Витка втянул голову в острые плечи. Женьке и Серёжке за него стало обидно. И зло взяло на Станислава: чего он издевается!

— Не смейся! — крикнул Женька и сжал кулаки.

И Серёжка на Станислава исподлобья посмотрел.

— А у тебя верные защитники, старик! — удивлённо произнёс Станислав, оборвал смех и, опять забравшись на корму, сказал миролюбиво: — Ты фараона с мумией спутал. Но — «фараон — сушёный царь» — это гениально, старик! С меня двадцать коп.

— Какие ещё копейки?

— Ну, так говорится, когда кто-нибудь удачно схохмит. У нас... Нет, к чертям служебные воспоминания! К чёрту город-мороз. Да здравствует природа! Первозданная, дикая, нетронутая, прекрасная!

Он закинул руки за голову и засвистел какую-то песенку.

Витка сосредоточенно подёргивал леску. Женька с Серёжкой, сколько ни вглядывались в зелёную воду, не увидели ни одной рыбки.

Станислав следил за ребятами через смежённые ресницы. И вдруг сказал с затаённой тоской:

— У меня ведь тоже есть сын. Яшка — светлая мордашка. Потрясный парень. Поймал бы ты краба, что ли, для него на память, а, старик? Приеду, непременно встречу с ним. И краба вручу. Дар моря. Скажу: от лучшего друга, Виктора Севастопольского.

— Его фамилия не Севастопольский, а Субботин! — крикнул Женька, он ещё не отсердился.

— Субботин? — Станислав нахмурил лоб и задумался,

припоминая что-то. — Субботин, Субботин... Мичман Субботин?

— Да, — взволнованно подтвердил Витка.

— Мичман Субботин! О нём же трёхколонник в газете был.

— Какой «трёхколонник»? — Витка насторожился.

— Статья на три колонки. Мичман Субботин! Ну, как же... Он ведь... геройски...

— Погиб, — досказал Витка и отвернулся к Ялос-Дагу. Станислав внимательно посмотрел на Женьку:

— И ты — Субботин?

— Нет, — ответил Женька и быстро добавил: — Только мы с Виткой всё равно родные!

— Понятно... — Станислав протяжно вздохнул и повторил: — Понятно, старики...

Витке не хотелось говорить об отчине. Он вспомнил, что Станислав непременно встретится с своим сыном. Разве они не вместе живут?

— Это всё сложно, старик.

Станислав не захотел поделиться с другом своей тайной, и Витка не посмел настаивать. А краба он такого добудет для Яшки — светлой мордашки — весь пляж ахнет!

К Р А Б

Хорошего краба найти нелегко. Витке нужен был не просто хороший, а выдающийся краб. Такие в санаторном заливе и не водятся. Редкостные экземпляры живут лишь в Бухте пиратов.

Витка с вечера приготовил снаряжение, но вдруг выяснилось, что завтра воскресенье и мать с отчимом уезжают в дальний колхоз за дешёвыми огурцами для засолки. Женька остаётся на Виткино попечение.

В Бухту пиратов Витка сам ходил очень редко, а Женьку и подавно никогда не брал.

Можно было поговорить с Николаем Петровичем. Ему всё равно с приезжим внуком возиться. Но Витка не любил

обращаться за помощью. Это его все о чём-нибудь просили. Или приказывали, как отчим.

Кроме того, если мать с отчимом приедут раньше, чем Витка возвратится из бухты, пощады не жди... Придётся взять Женьку с собой.

Женька, конечно, обрадовался, даже не спросил куда. Он с братом хоть на край света идти готов! Только хорошо бы и Серёжку прихватить. Бабушка его на базаре, а у дедушки Николая Петровича нога разболелась.

— У него осколки чешутся, — объяснил Серёжка.

— Давай возьмём, — заканючил Женька. — Давай! Ему скучно. И мне будет скучно.

«И верно, — подумал Витка, — вдвоём веселее. Поиграют, удочки взять можно. Женьку бросить одного — перекушается до посинения».

Но пришлось соврать немного:

— Мы близко, Николай Петрович, за санаторный пляж сразу. Там бычки ловятся и собаки.

Морского конька Серёжка видел — у Женьки засушенный есть. Собаки в Заполярье лучшими Серёжкиными друзьями были.

Но ловить собак! В море!

— Это рыбка такая, вроде окунька, — пояснил дед. — Ну, добро. Идите. Я знаю, ты, Витка, парень самостоятельный. Положиться можно.

— Не подведу, Николай Петрович.

— И сомнения нету!

Витка опустил глаза. Скажи Николай Петрович ещё что-нибудь в таком роде, Витка бы покался, что обманывает. Не на пляж, в Бухту пиратов собрался.

— Натте вот, возьмите, опять же мороженое на пляже купите.

— Спасибо...

Мороженого Витка купил две порции. Гривенник сэкономил на автобус.

Они доехали до Рыбачьего, прошлись пешочком и — вот она, Бухта пиратов.

Ребята пришли в укромное местечко. Нависающая ска-

ла давала тень, подводная гряда подковой отделяла тихую мелкую заводь.

— За риф не заходить! — строго предупредил Витка. Он выловил мидию для наживки, настроил удочки ребятам и уплыл в море.

Прибрежная галька кончилась, началась песчаная полоса. По дну ползали раки-отшельники, суетливые и нагруженные, как муравьи. Только белые и непомерно большие.

В маске сквозь толщу воды всё выглядит увеличенным раза в два с половиной.

Пустые створки морского гребешка лежали на дне фарфоровыми блюдечками. Изредка пробегали боком крабы-песчанники. Жёлтые, с зеленоватыми пятнами, словно азиатские дыни, только поменьше и круглее.

Солнце пробивалось до дна и плескалось золотыми «зайчиками».

Витка плыл кролем, чтобы скорее добраться до глубоких мест. Начались подводные камни, обросшие разноцветными водорослями: зелёными, синими, фиолетовыми. Между камнями грациозно покачивались нежно-салатные листья зостеры. На подводном лугу паслись морские коньки; ленивые зеленухи, толстые и нарядные, тыкались в водоросли, будто коровы в траву.

Вскоре показалась тёмная громада, плоская, длинная, тупоноса к берегу и заострённая в море. Витка давно прозвал эту скалу Утюгом.

Он знал бухту, как собственный двор. От Утюга надо повернуть влево, и метров через двадцать объявятся Близнецы: два одинаковых камня рядышком. В створе Близнецов, дальше в море стоит Замок Ихтиандра. Крыша замка у самой поверхности, можно постоять отдохнуть. Фундамент сверху не виден: глубоко, вода внизу тёмно-синяя. Чтобы осмотреть Замок Ихтиандра, приходится нырять раз пять. Замок великолепен: карнизы, гроты, башни. По-другому и не назвать — настоящий древний замок.

У Замка Ихтиандра Витка задерживаться не стал. Есть

там и рапана и крабы. Но краба взять сложно: заберётся в расщелину — не достанешь.

Море внизу почернело. Витка не боялся глубины, но, когда не видишь дна, тянет повернуть назад. Даже под толщей воды дно ощущается, как земля под ногами.

Прижав руки к бёдрам, Витка плавно опрокинулся вниз головой. Он не очень глубоко нырнул, только чтоб дно увидеть. Почувствовав давление в ушах, он вытянул вперёд руки и, волнообразно изгибаясь, пошёл горизонтальным курсом. Дно просматривалось, как в буром тумане. «Филлофора пошла», — определил Витка.

В красных зарослях филлофоры мало рыб, зато водятся крабы.

«Тут и поищем», — решил Витка и пошёл вверх. По пути он пересек густую серебристую стаю. «Ставридка появилась! Жалко, что завтра Станислав уезжает...»

Витка готовился к спуску и лишь пошевеливал ластами, отдышал.

Внезапно послышался странный клёкот. Витка приподнял голову и огляделся. Поблизости играла килька. Вода кипела.

Появилась чайка, высмотрела добычу и спикировала. Клёкот

мгновенно прекратился. Чайка взлетела, и опять море забурило.

«Соображает! — с уважением подумал Витка. — Мелочь ведь, с мизинец всего. В голове кильки и места для мозгов нету, а на тебе, понимает опасность, хитрит. Живое существо, не мумия».

Вляпался он тогда с сушёным царём! Станислав бы о флоре и фауне моря спросил — это Виткина область. Поймает Витка краба для Яшки — светлой мордашки и на бумаге имя напишет по-русски и по-латински. Краба Витка непременно найдёт. Яшке на радость. Маленький, а уже горе мыкает. И Станиславу не очень-то: единственного сына не всегда видеть может...

Витка перестал двигать ногами. Под ним важно и безбоязненно плыл морской кот. Широкие рыжие крылья развевались испанским плащом; длинный хвост торчал как шпага. Чёрные бугорки глаз смотрели из-под косых век нагло и угрожающе.

«Иди себе своей дорогой», — мысленно сказал коту Витка. Он не собирался его трогать. Со скатом вообще лучше не связываться: даст хвостом, мучайся потом. Морские коты не электрические, но ядовитые.

«Иди, иди, разбойник».

Черноморская рыба научилась отличать пловцов от охотников. Кот тоже понял: у Витки ни ружья, ни остроги. На поясе — пустой бумазейный мешочек и короткий самодельный ножик с деревянной ручкой. Кот растаял в синеве, и Витка оглянулся на берег. Береговые камни слились с тёмной галькой. Далеко уплыл. Надо поторапливаться. Он глубоко вдохнул и пошёл вниз.

Сдавило виски, в уши ворвалась вода. Витка даже свист слышал. Ласты бурлили воду; вверх тянулся пузырчатый белый след.

Живот втянулся, а грудь выперлась до подбородка.

Наконец проявилось во тьме коричневое пятно. Оно расширилось и покраснело. Витка заскользил над красными водорослями. Было видно, как на земле в густые сумерки.

Крабы тоже приспособленцы и хитрецы. В зарослях филофоры перекрашиваются в красно-коричневые тона. Маскируются.

Можно ещё немного пошарить по дну, но и на подъём надо воздух оставить. Витка оттолкнулся ногами и пошёл вверх.

Отдышавшись чуточку, нырнул снова.

После третьего погружения пришлось хорошенько «продуться». Уши работали нормально, на подъёме вода с шумом освобождала барабанные перепонки, но немного воды оставалось. Витка сдвинул на лоб маску, зажал нос и сильно дунул. Из ушей будто пробки выскочили.

Нырнув до самого дна в пятый раз, Витка нашёл того, кого искал. Разглядеть краба он толком не успел, увидел, что огромный, запомнил место и рванул наверх. Не теряя времени на продувание, набрал полные лёгкие свежего воздуха и стремительно кинулся обратно.

Крабы глаза, как островные маяки, во все стороны глядят. Краб увидел Витку и занял оборону. Хитоновый щит — торчком, клешни — как рога расставлены, щёлкают будто кусачки.

Витка чуть не хлебнул воды от восторга. Такого краба ему ещё не удавалось ловить. Даже в Севастополе на биологической станции такого не видел.

Обычно Витка заходил на краба сверху или подкрадывался, идя над самым дном, правой рукой прижимал панцирную спину, а другой хватал слева все пять ходильных ног. Указательный палец подпирает клешню: ни цапнуть, ни вывернуться.

Этого голыми руками не трожь...

Взяв ножик за лезвие, Витка быстро сунул деревянную ручку крабу. Клешни намертво сомкнулись. Витка мгновенно ухватился за панцирь. Он был слишком велик, почти вершок в поперечнике. Не удержать. Надо бы прижать краба и правой рукой взять ходильные ноги справа, но Витка привык делать это левой рукой. Так, конечно, удобнее, правая рука остаётся свободной.

Едва Витка отпустил панцирь, краб почувствовал сво-

боду и резко повернулся. Лезвие ножа задело ладонь. Витка инстинктивно поднёс руку к маске. Пореза он не рассмотрел, но потерял драгоценную секунду. Опомнившись, Витка снова атаковал краба. Клещеногий не бросил ножа, пришлось действовать поосмотрительнее.

Кончался запас воздуха. Кровь прилила к голове. Витка больше не мог оставаться на дне. Но краб... Витка в последнем отчаянном броске изловчился и накрепко схватил когтистый пучок. Краб выпустил нож, Витка уже не мог думать ни о чём другом, только о глотке воздуха.

Подъём казался вечностью. Голова раскалывалась, в уши будто вдвигали тупые гвозди, а грудь стягивали широким обручем. Нестерпимо хотелось выдохнуть, разлепить сдавленную гортань.

В глазах помутилось, будто запотело стекло маски.

... Он не видел и не помнил, как выбрался к солнцу и небу. Делал всё правильно, но совершенно автоматически. Лёг на спину, вытолкнул изо рта загубник и дышал, дышал, дышал часто и жадно.

Когда начал соображать, первая мысль была о крабе. Нет, не разжал пальцы, не выронил драгоценную добычу!

Витка приподнял руку с крабом над водой и издал торжествующий вопль. Мощные передние лапы с чёрными клешнями были мохнатыми, обросли щетиной и ходильные ноги. Бурый панцирь, словно днище корабля, облепили мелкие бутончики ракушек.

В руке шевелился великолепный мохнатый бродяга, пришелец из океана. *Virginiana*, очевидно, переводится и как «мохнатый». Но *Black...*

«Так он же в Америке чёрный! — догадался Витка. — В океане. А здесь, в филлофоре, красным сделался. Мимикрия!»

— Ур-ра! — завопил Витка и смолк. Он не слышал себя.

Торопливо распустив тесёмки на мешочке и поместив туда краба, Витка зажал нос, сомкнул рот и резко дунул.

Ничего не получилось. Уши заложило ещё плотнее, а из носа выдавилась кровь. Сначала Витка подумал, что это из руки, но на ладони виднелась лишь розовая чёрточка.

«Очень уж глубоко там», — подумал Витка и поплыл к берегу.

Мешочек с крабом тёрся о бедро. Острые коготки проткнули тонкую бумазею и царапали кожу. Витка был счастлив победой, и ему казалось, что не царапает, а ласкает его покорённый *Blackfordia Virginiana*.

БИКФОРД ВИРГИАНОВ

Пока Витка плавал, Женька и Серёжка не тратили времени зря. Женька разбил камнем чёрную раковину мидии, нацепил розовые кусочки моллюска на крючки, и началась рыбная ловля.

Они забрели по колени в воду, встали на плоский камень и забросили удочки. Даже не забросили, а опустили: рыбёшки ходили у самого камня. Ребята, стоя на коленях, глядели вниз и терпеливо подводили крючки с наживкой к рыбе.

Женька таскал бычков одного за другим. Наконец повезло и Серёжке. Зеленоватая в крапинках рыба заглотила кусочек мидии, Серёжка дёрнул удилице к себе.

— Собака, — определил Женька с одного взгляда. — Ничего, крупненькая.

Серёжка ошалел от восторга: лицо румяное, глаза сверкают, руки дрожат, голос срывается.

— Огромная! Смотри-смотри: в руке не помещается! Даже хвост свисает!

— Крупненькая, — подражая кому-то, опять похвалил Женька.

— Ага! Я сразу понял. Тяну, тяну, тяну... Она упирается, а я тяну, тяну. Даже руки заболели!

— Давай с крючка сниму, — предложил свою помощь Женька. — А то упустишь ещё.

— Я сам!

На всякий случай Серёжка вылез из воды и присел под скалой. Отсюда рыба не сбежит!

Возвращаясь обратно, он чуть не наступил на фиолето-

вого жука. Серёжка низко наклонился и увидел, что это не жук, а настоящий краб, только маленький-маленький. Рядом ползал по камням ещё один.

— Крабные дети! — закричал Серёжка. Он отбросил на гальку удочку и стал гоняться за крабами.

Малюсенькие, а такие вёрткие! Серёжка подкрадывался осторожно-осторожно, погружал в воду руку — и хватать! А краб уже под камень улизнул. Сдвинет Серёжка скользкий голыш, а краб — юрк в другую щель.

Серёжка хохотал от удовольствия как ненормальный. Даже повизгивал. Женька не выдержал и тоже смотал удочку.

Они забыли о рыбалке, купании, обо всём на свете. Целый час лазили по камням. Женька одного крабёнка изловил. И Серёжка. Только Серёжка своего выпустил. Краб, даже не краб, а крабище, он больше всех других был, куснул его. До крови! На кончике пальца выступила красная капелька.

— Ух ты, какой кусучий! — не столько возмутился, сколько загордился Серёжка.

Едва Витка вылез на берег, Серёжка сразу показал ему раненый палец:

— Это краб укусил! Кусучий страшно!

Витка безразлично кивнул и разлёгся на тёплой гальке. Из носа медленно вытекала кровь.

— Ты нос разбил! — встревожился Женька.

Брат не отозвался. Лицо его было бледным, словно весь загар в море облез.

— Витка! — закричал Женька и затормошил его.

— Сейчас пойдём, — вяло произнёс Витка, не открывая глаз.

Отлежавшись, он попытался очистить уши. Продувался, прыгал на одной ноге. Всё напрасно.

— Покажи, чего поймал, — попросил Женька.

Витка, не обратив внимания, укладывал в авоську снаряжение.

— Покажи!

Витка и головы не поднял.

Серёжка и Женька переглянулись.

— У него уши заложило, — шёпотом сказал Женька и не стал больше приставать.

Дома, как и следовало предполагать, ждали неприятности. Николай Петрович дважды ходил на санаторный пляж и, разумеется, не нашёл никого. Спасибо ещё, не поднял тревогу, не всполошил спасательную станцию.

Только ступили на порог, приехали мать с отчимом.

— Помоги огурцы перетаскать! — позвал отчим.

Николай Петрович выразительно посмотрел на Витку, но ничего не сказал. Взял Серёжку за руку и ушёл.

— Ты что, оглох? — разозлился отчим и стукнул Витку по худому затылку.

— У него уши заложило, — заступился за брата Женька.

Мать подбоченилась и напустилась на Витку:

— Опять нырял? Утопнуть хочешь!

Хорошо, что никто не знал, где спрятано подводное снаряжение. Витка не слышал матери, но догадывался, о чём она кричит...

— Сейчас же иди в поликлинику!

— Выходной сегодня, — сказал отчим угрюмо.

Мать всхлипнула:

— Мало ему, что отец в море загинал, так ещё и сам в пучину лезет.

— Мичман за общее дело голову сложил, а этот...

Отчим ничего хорошего о пасынке не добавил и всё равно заставил перебирать огурцы для засолки.

Витка сортировал огурцы и думал об отчине. Много обид на него накопилось в душе. Чёрствый человек! Даже странно слышать от него светлые слова о погибшем отце...

Ошибался Витка, рассуждая так об отчине. Не всегда моторист был таким суровым и молчаливым. Он замкнулся и очерствел после гибели жены и дочери в осаждённом Севастополе. И после войны не оттаял, остался угрюмым и нелюдимым. Команда водолазного бота особого назначения сторонилась моториста, хотя уважала, как отличного специалиста и надёжного товарища.

Когда мичман Субботин погиб, моторист принял на себя заботы о вдове и осиротевшем мальчике. Потом он стал его отчимом.

Витка ничего не знал об этом. Он не понимал отчима, как, наверное, не понимал и отчим его, Виткиной души.

Серёжка и Женька поели, выпались, а Витка всё с огурцами в подвале возился. Уши у него так разболелись, что пришлось платком повязаться.

Ребята переживали за Витку и, кроме того, извелись от неутолённого любопытства. Какого же краба он поймал, если оглох и кровь из носу пошла?

Они сидели у входа в подвал и тихо беседовали.

— Ему сильно попало? — спросил Серёжка.

— Не-е... — Лёгкие подзатыльники и шлепки Женька не считал битьём. — Дал разок по шее, и всё.

— Больно, наверное. — Серёжка страдальчески сморщился.

— Нисколечко!

Серёжка подумал, что будь у Витки такая же фамилия, как у Женьки, никто бы его не обижал.

— А Витка не может твою фамилию взять?

— Чудак ты! У Витки же отец знаменитый герой мичман Субботин. Про Субботина все знают. Даже Станислав! Зачем Витке другая фамилия?

— Чтоб родным сделаться.

— От фамилии люди родными не делаются.

Женька обхватил руками голые коленки и надолго задумался.

— Послушай, — заговорил он через какое-то время, — вот у Витки два отца: родной и отчим. Но мы же с Виткой братья! Значит, я тоже немножко Субботин?

Из подвала вышел Витка. Отчим отправил его отдыхать. Витка глянул по сторонам и таинственно поманил ребят. Он увёл их в дальний угол двора, к старой вишне. Все присели. Витка вытащил из-под кучи сухой картофельной ботвы влажный мешочек и бережно вытряхнул на землю краба.

Серёжка как сидел на корточках, так и отпрыгнул назад.

— Лягушонок, — сказал улыбаясь Витка, довольный сильным впечатлением, которое произвёл его краб.

— Мохнатый! — сдавленным голосом протянул Серёжка.

— Блэкфорд Виргиниана, — торжественно объявил Витка.

Женька с восхищением и гордостью взглянул на брата.

— Такого ещё никто не ловил!

— Можете потрогать, — милостиво разрешил Витка.

Ребята, словно по команде, спрятали руки за спину.

— Ещё бороду помнём, — благородно отказался Серёжка и торопливо прибавил: — У меня тоже крупенький был. Меньше, конечно, но зато такой кусучий!

И он показал Витке палец.

— Не бойтесь, — успокоил Витка, — я его в газету заверну. Краба, его хоть в папиросную бумагу упакуй, сразу смиренным делается. Жень, ты ведь знаешь, где Станислав обедает?

— На веранде.

— В самом углу, на веранде. Сбегай, отнеси краба. Сейчас ужин как раз. И спроси, автобус когда. Попрощаться я приду. А в столовую неудобно в таком виде появляться.

Смущал не внешний вид. Не хотелось глухим с крабом к Станиславу идти.

— Можно и я с Женькой? — попросился Серёжка, но вспомнил: Витка же не слышит. И не стал больше спрашивать ни у Витки, ни дома.

Они несли толстый пакет с крабом по очереди. Совсем не страшно было. Витка завернул краба в газету и перевязал шпагатом. Он велел сразу не говорить Станиславу, что и от кого. Удивится сперва, потом сам догадается. Такого краба только старик Виктор мог добыть со дна морского для Яшки — светлой мордашки.

Имя Бикфорд для Серёжки не было новым. У сапёров

шнур есть, бикфордов. Толовые заряды поджигать. Наверное, Бикфорд не только запальный шнур изобрёл, но и краба первым нашёл. А фамилия у краба прежняя осталась, Виргианов.

Женька влез на перила, просунул голову через зелёную стену винограда и заглянул на веранду. Станислав ещё не приходил ужинать.

Ребята притаились за гипсовой вазой и стали караулить.

Женька отдал пакет Серёжке.

— Пойдёшь ты. Сюрпризнее получится.

Наконец появился тот, кого они ждали. Высокий, загорелый мужчина в шортах и полосатой, под тельняшку, нейлоновой тенниске. На ногах резиновые «вьетнамки». Серёжка и не узнал его сразу.

— Иди, — шепнул Женька.

Серёжка вышел навстречу.

— Вы — Станислав? — сурово спросил он, будто видел его впервые в жизни.

Мужчина остановился, удивлённо посмотрел сверху вниз на мальчика в соломенной кепке с красноармейской звездой и в голубой рубашке, испачканной извёсткой.

Станислав удержался от улыбки и, браво пришлёпнув «вьетнамками», доложил:

— Так точно, мой генерал!

— Вам пакет!

— О-о! — воскликнул Станислав, пытаясь на ощупь определить содержимое газетного свёртка. — Благодарю вас, мой генерал.

— Сварить в крутой солёной воде! — отчеканил Виткину инструкцию Серёжка. Витка говорил, что надо бы в муравьиную кучу положить, да уже некогда. Придётся сварить, а то... — А то завоняется!

— Всё будет исполнено, мой генерал.

Серёжка молча отдал честь и хотел удалиться, но Станислав придержал его.

— На два слова, старик! Я понимаю: военная тайна, но... От кого пакет, мой генерал?

Разве можно что-нибудь утаить от такого прекрасного человека!

— От Витки, — шёпотом сказал Серёжка и убежал.

Женька нагнал его у лестницы. Они стремглав взлетели по каменным ступенькам и припустили по дороге к дому.

Почти у самого двора Женька вспомнил, что так и не выяснили, когда отправляется автобус. Пришлось возвращаться. Только теперь ребята уже не бежали, а шли. Устали.

Они опять подкрались к веранде с двух сторон и заглянули внутрь.

За угловым столиком ужинали двое: Станислав и незнакомая женщина. Они не просто ужинали. Они пировали. В стаканах пенилось жёлтое пиво; на большом блюде лежало что-то оранжевое и белое. На тарелочках громоздились оранжевые скорлупки.

— Обожаю снатку!

Женщина с хрустом раскусила толстую лапку.

Станислав отхлебнул из стакана. На верхней губе осталась белая пена.

— Снатка — камчатский краб, — со снисходительностью знатока сказал он. — Данный экземпляр выловлен здесь. Между прочим, это не абориген, то есть не коренной житель, а пришелец из Северной Америки.

— Импортный!

— Почти. В штатах его называют Блэкфордиа Виргиниана. Что в переводе...

Дальше Серёжка уже не слышал. Он дёрнулся назад, прыгнул на землю и бросился вон от страшного места. Женька последовал за Серёжкой.

Они ни о чём не говорили. Оба всё видели и всё поняли.

Витка сразу догадался: произошло нечто ужасное, непоправимое.

В глазах у ребят дрожали слёзы, губы тряслись и кривились.

— Потеряли?

Ребята отрицательно замотали головами. Говорить они ещё не могли.

— Уехал?
Женька качнул головой: «Нет».
— Передали краба?
Оба подтвердили.
Витка успокоился.
— Когда автобус?
— Нет! — вне себя закричал Серёжка, и слёзы градом хлынули на потные щёки. — Не ходи к нему! Они съели Бикфорда Виргианова! Съели! Съели!

Глава восьмая

РИО-ДЕ-РАЗДОЛЬЕ

Вероятно, нет на свете города с более заманчивым названием, чем крупнейший город Бразилии. Попасты в Рио-де-Жанейро мечтали многие литературные герои: отчаянные мальчишки и отпетые авантюристы.

Новый Серёжкин гарнизон на географических картах ещё не обозначен, и знает о нём не так много людей.

Официально гарнизон именуется — Раздолье. Бытует и другое имя, шутовое — Рио-де-Раздолье. Посёлок закладывали в раздольной степи, на голом месте. Первые жители ютились в палатках. Брезентовый городок как бы временно исполнял обязанности будущего Раздолья. Вот

и пустил кто-то из романтиков и острословов: ВРИО-де-Раздолье.

Палатки давно уступили место кирпичным многоэтажным домам, слово «временно» утратило смысл, буква «В» отпала, а Рио-де-Раздолье осталось.

Рио-де-Жанейро красуется на берегу Атлантического океана. В Рио-де-Раздолье ни океана, ни моря, ни озера, ни реки. Только водонапорная башня. И если сравнивать гарнизон с дальними землями, то не с Бразилией, а с пустыней Сахарой. Военный городок посреди рыжей, раскалённой, как солнце, степи сродни оазису.

В Рио-де-Раздолье, как в оазисе, много зелени: клумбы, деревья. Их поливали ранним утром и вечером. Но они, наверное, всё равно перегревались от жары. Вид у деревьев был унылый и истомлённый. Такие деревья бесполезно отправлять на Север — умрут по дороге.

Елена Ивановна ещё из Севастополя выслала Коновым посылку с фруктами. Серёжка вложил в ящичек для Наташи кручёный домик рапаны и сушёную иглу-рыбу. Иглу Серёжка поймал сам, голыми руками. Серёжка хотел положить немного морских камушков, но мама сказала, что Наташе сушёные фрукты полезнее.

В Рио-де-Раздолье тоже росли фрукты, но не было ни прекрасной морской гальки, ни рапаны, ни крабов, ни морских собак, ни бычков. Рыбы вообще не было. Разве что на рынке... Мама однажды привезла даже необыкновенную золотую рыбку.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

Рыбу поместили в таз и залили водой. Таз поставили на решётку в ванной. Мама ушла на кухню, а Серёжка остался.

Всё-таки бывает сказочная живая вода! Сонные рыбы в автобусе выбились из последних сил. Теперь они воспрянули, зашевелились, жадно задвигали жабрами, глотали и пузырили воду. Потускневшие тела, тёмно-зелёные на спинах и золотые с боков, заблестели, засверкали, словно

из настоящего золота. Особенно выделялась одна, крупная, сильная рыбина. Она растолкала мелюзгу, выбралась наверх и ударила хвостом так, что вылетела из таза и шлёпнулась на дно ванны.

Мама, конечно, немедленно крикнула из кухни:

— Не трогай рыбу! Она вся в слизи.

Какая может быть у рыбы слизь? Рыба одета в чешую. Чешуя вроде богатырской кольчуги — холодная и гладкая.

Серёжка наклонился над ванной и ухватил рыбу, но она выскользнула из рук. На ладонях осталась липкая слизь.

«Чудеса!» — подумал Серёжка и вдруг понял, что это не простая рыба, а золотая.

От этой догадки Серёжку в жар бросило. Золотая рыбка! Это лучше лотерейного билета.

Олег из соседнего дома по лотерейному билету выиграл парфюмерный набор. Вернее, не Олег выиграл, а его отец, и набор достался матери Олега. Сам Олег собирался выиграть подвесной моторчик для лодки, а когда выигрались духи и пудра, заявил, что «на худой конец парфюмерный набор — тоже хлеб».

С золотой рыбкой можно получить и парфюмерный набор, и моторчик, и всё-всё, что пожелаешь.

А чего Серёжке больше всего хотелось? Серёжка задумался.

Во-первых, надо попросить большую берёзу для Наташи Коновой.

Во-вторых, подарить сева­стопольскому Витке акваланг, а то он оглохнет насовсем.

В-третьих...

Пальцы левой руки собрались в кулак. Надо было придумать что-нибудь для деда и двух бабушек, и для Женьки, но Серёжка не умел дальше считать. Считать он умел до тридцати, больше даже. Да как правильно сказать: в-шестых? В-шестерых? В-шестьих?

Чего же ещё больше всего на свете хочется?

Вырасти скорее. Стать лётчиком, моряком и артиллери-

стом. А ещё лучше — зенитчиком: шпионов ракетами сбивать.

Ухватив рыбину поближе к жабрам, Серёжка благополучно перенёс её в таз.

— Опять трогаешь? — прикрикнула из кухни мама. — Оставь рыбу в покое и гулять иди. Ты слышишь?

— Ага, — отозвался нехотя Серёжка и приподнял голову золотой рыбки.

Толстые губы горестно и беззвучно задвигались. Серёжка наклонился и прислушался. Нет, не разобрать ни слова. А может быть, полагается первому заговорить?

— Золотая рыбка, — тихонько позвал Серёжка и опять приблизил ухо.

Рыба молчала.

Он стал вспоминать, как это всё делалось в сказке. Хорошо, что знал много стихов.

Как взмолится золотая рыбка!
Голосом молвит человечьим...

Оказывается, начинала разговор в таких случаях золотая рыбка. Сейчас она молчала, наверное, потому, что никуда её не могли отпустить...

— Рыбка золотая, — горячо зашептал Серёжка, — ничего мне не надо, никакого откупа. Сделай только море!

Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула...

Тут он до конца вспомнил историю про рыбака и рыбку. Сперва старик бесплатно отпустил рыбку в море. «И сказал ей ласковое слово». А впоследствии рыбка не откупалась, а помогала доброму старику, просто, по-человечески.

— Ты всё ещё в ванной?

Эх, не знает мама, что в эту минуту в Серёжкиной душе творится!

— Сюда иди, мальчик к тебе пришёл.

Мальчик оказался Олегом.

— У меня золотая рыбка есть, — сразу похвалился Серёжка.

Глаза Олега тотчас загорелись.

— Где?

Серёжка повёл его в ванную.

— Золотой линь, — с ходу определил Олег. Он здорово разбирался в рыбах.

— Верно, — подтвердила мама. На всякий случай, она тоже поспешила в ванную комнату.

— Линя изжарить, так очень вкусно получается, — сообщил бывалый рыбак.

— А мы её сейчас и пожарим, — сказала мама. — Усыпить её только надо раньше.

— Это запросто, — с готовностью и немного важничая, сказал Олег.

— А ты умеешь?

— Он на озеро ездит, — поручился за Олега Серёжка. — Он настоящий рыбак!

— Ну, не всегда, — скромно отказался Олег, — но кое-что привозим. — И деловито спросил: — Ножик с деревянной ручкой найдётся?

— Пожалуйста.

Мама принесла из кухни столовый нож с толстым черенком.

Олег взял нож за кончик лезвия, поднял на ладони линя и коротко, сильно ударил черенком по плоской голове.

— Один готов, — сказал Олег и взял другую рыбу.

— Ловко у тебя получается, — похвалила мама. — Доведи уж дело до конца, я пойду за молоком послежу.

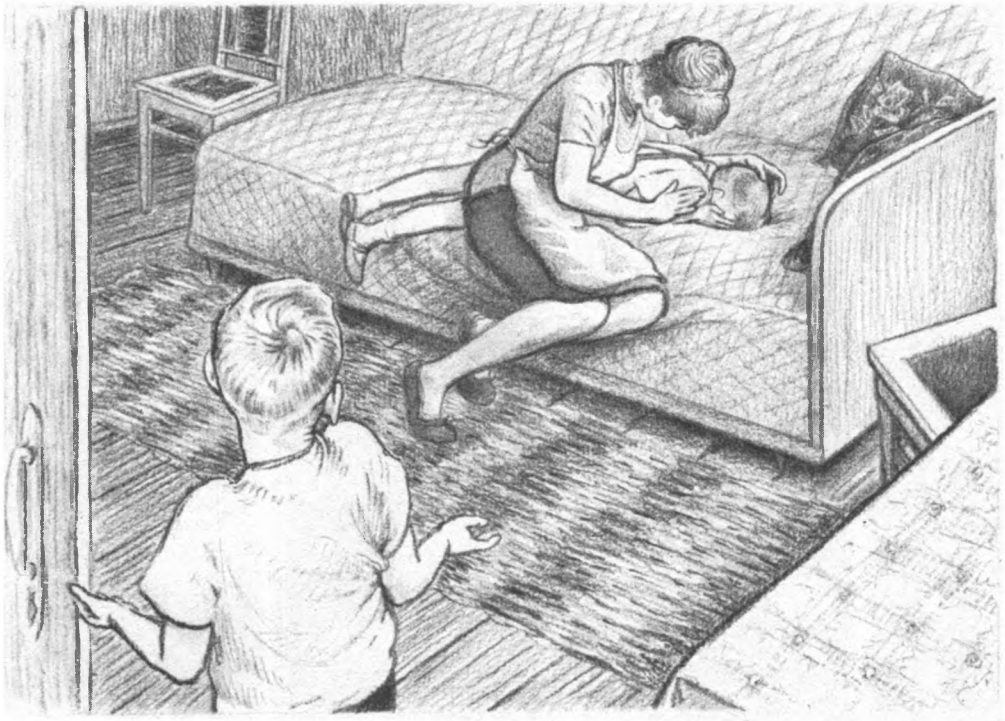
Олег опять ударил черенком:

— Второй готов.

Серёжка бросился спасать свою золотую рыбку.

— Подержать хочешь? Ну, держи. И-эх!

Золотой красавец задёргался в руках. Упругими волнами прошли от головы к хвосту судороги. Под пальцами Серёжки, в золотой груди, что-то отчаянно забилося.

«Сердце!»

Язык онемел. Внутри сделалось холодно, будто Серёжка проглотил большой кусок льда.

Сердце золотого лinya ударилось ещё раз, другой и остановилось навсегда.

— Третий готов.

Выронив мёртвого лinya, Серёжка бросился в комнату. Там он упал на свой диванчик и разрыдался. Никогда в жизни не плакал он такими слезами. Впервые в его руках, при его участии оборвалась жизнь. Рыбья, но жизнь. И это было ужасно, чудовищно, несправедливо.

Прибежал Олег, за ним — мама.

— Ты чего? Ты чего? — всё допытывался Олег.

Мама лихорадочно ощупала сына с ног до головы.

Она, наверное, подумала, что Олег нечаянно ранил его ножом.

На Серёжке не было никаких ран. Снаружи.

— Ему линия жалко стало, — первым догадался Олег. — Вот чудило!

— Правда? — Мама облегчённо вздохнула и погладила Серёжку по русым волосам. — Глупенький! Разве класть на сковородку живую рыбу лучше?

«Хуже! Всё хуже!» — попытался крикнуть Серёжка, но слёзы заливали лицо, душили горло.

Олег попробовал отвлечь его. Серёжка был знаменит во дворе тем, что мог пересказать всего «Чапаева».

— Как бородач пленный говорил? А, Серёжка?

Обычно Серёжка произносил дрожащим голосом: «Брат Митька помирает. Ухи просит». Сейчас он не хотел и не мог подражать.

— «Брат Митька помирает. Ухи просит», — напомнил Олег. — Слышал? Ухи просит! А уха, известно, без рыбы не бывает. Вообще лучше ухи нет ничего. Перед смертью и то не котлету какую-нибудь несчастную человек просит, а уху!

— Ладно, Олег, — торопливо сказала мама. — Ты иди пока. Он успокоится и выйдет.

— Пожалуйста, — обиделся Олег и ушёл. Он нарочно задержался под открытыми окнами и громко сказал: — Подумаешь, нежности!

Серёжке не хотелось прослыть неженкой и плаксой. Он перестал рыдать, но слёзы ещё долго стояли в горле.

— Глупенький, глупенький малыш мой! — ласково приговаривала мама, прижимая к себе всхлипывающего Серёжку.

Она ошибалась, по привычке называя его малышом. В этот день Серёжка задумался о жизни и смерти — основных вопросах бытия, которые всю свою историю решает и не может решить человечество.

Не удалось сразу решить вековечный вопрос и Серёжке.

Дом просыпался от звона будильника. Серёжка выходил с отцом во двор и делал зарядку. Позавтракав, отец уезжал на службу, а Серёжка шёл гулять.

Ребята уже съехались после каникул. Скоро в школу. Серёжке тоже идти. В первый раз. Всё уже давно приготовлено для школы: форма, книжки, тетради, ручка, карандаши. Отец подарил прозрачную «командирскую линейку» и совсем новую кожаную полевую сумку. От портфеля Серёжка отказался: с портфелями только девочки ходят.

Вот и Галке из соседнего подъезда купили портфель. Девчонка! Притом вреднющая. И неграмотная! Серёжка всё-таки читать умеет. Если бы он жил в Ленинграде или Севастополе, давно бы хорошо читать научился. Там пройдёшь из конца в конец одну улицу и сразу все буквы встретишь. Не то что в гарнизоне. Вывесок раз, два — и обчёлся: «Продовольственные товары», «Промышленные товары», «Парикмахерская», «Дамский зал», «Мужской зал», «Гарнизонная баня». Ещё две-три вывески, и всё. Кроме того, всюду ещё и одинаковые строчки: «Военторга № 1». «Промышленные товары Военторга № 1», «Парикмахерская Военторга № 1», даже баня — «Военторга № 1». Как будто в гарнизоне несколько бань или пять военторгов! Недавно открыли двухэтажный универмаг. И опять — «Универмаг Военторга № 1». Только на здании гарнизонного клуба нет «Военторга № 1». Просто: «Дом офицеров».

В Доме офицеров показывали кино. Приезжали в гарнизон и артисты из областного города и московские. Плохо только, что кукольного театра не бывало. Но это не такая уж беда: кукольные спектакли по телевизору посмотреть можно. Но телевизор лишь вечером работает.

Олег копался с удочками. На рыбалку готовился.

— Как жизнь? — спросил он безо всякого интереса.

— Нормально, — ответил Серёжка и присел рядом на корточки.

— Дал одному, — как бы между прочим сообщил Олег, распутывая зелёный клубок лески, — раз закинул, и вот, пожалуйста, «борода».

Серёжка знал, что «борода» — это когда леска у спиннинга запутается. Олег каждый день тренировался в поле. Что поделаться, когда до ближайшего озера сто километров?

— Насмерть запуталось! — Олег ловко сдул с кончика носа каплю пота и отложил зелёную «бороду». — Ох, тоска дикая! — и с этими словами легонько толкнул Серёжку в плечо.

Серёжка опрокинулся на спину, а Олег захохотал. Дать бы ему за такие шутки! Попробуй... Олег уже в пятом классе будет учиться.

Скучно. Воздух струился, как над костром. В конце асфальтной дороги чудилась лужа. Мираж.

— Правда, что на Крайнем Севере и летом прохладно?

Трудно Олегу представить, что есть на земле места, где не бывает жары. Он жил здесь вечно, со времён Врио-де-Раздолья. И никогда никуда не выезжал. Даже в Заполярье.

— Правда.

— Расскажи чего-нибудь про Север! Ты здорово рассказываешь.

Олег явно льстил Серёжке. Никакой он не рассказчик. Память, это верно, у него крепкая.

Серёжка вспомнил лютые морозы, пургу, полярную ночь.

— Правда, что там за железо руками взяться нельзя? Намертво примерзают?

Примерзают ли голые руки, Серёжка не знал, а язык...

Наташа как-то сказала, что, если прикоснуться языком к дверной ручке, язык прилипнет. Серёжка не поверил. «Значит, я вру? Вру? Да?» — возмутилась Наташа и в доказательство своих слов лизнула белую от инея ручку двери. Вернее, она не лизнула, а только дотронулась кончиком языка и тотчас рванулась назад. Серёжка увидел кровь на Наташином языке и закричал:

— Верю! Верю!

Только поздно. Наташа с высунутым языком вбежала в дом.

— А на ручке кожа так и осталась? — спросил пораженный Олег.

— Кусочек, маленький.

— Сила! — Олег вздохнул, лёг на спину и раскинул руки.

Солнце светило прямо в глаза, и он зажмурился. Мысли перескакивали с одного на другое, как воробьи с ветки на ветку.

— Может, за червями сходим?

Червей для рыбной ловли копают вечером или ранним утром. Но делать всё равно нечего было.

За телевизионной вышкой тянулся длинный и глубокий овраг. В редкие дождливые дни по дну оврага текла рыжая река. Для таких случаев через овраг кто-то перебросил мост. Не мост, а два железнодорожных рельса. Мостом этим почти никогда не пользовались или пользовались очень давно. Один рельс сорвался с каменной опоры и завалился концом вниз, до дна. Второй висел над оврагом, как над ущельем.

— Пройдём по Чёртовому мостику? — предложил Олег.

Серёжка согласился. Олег, балансируя руками, осторожно перебрался на другую сторону.

— Теперь ты! — крикнул он.

Серёжка несмело поставил ногу на рельс. Потом другую.

— Давай! — подзадорил Олег.

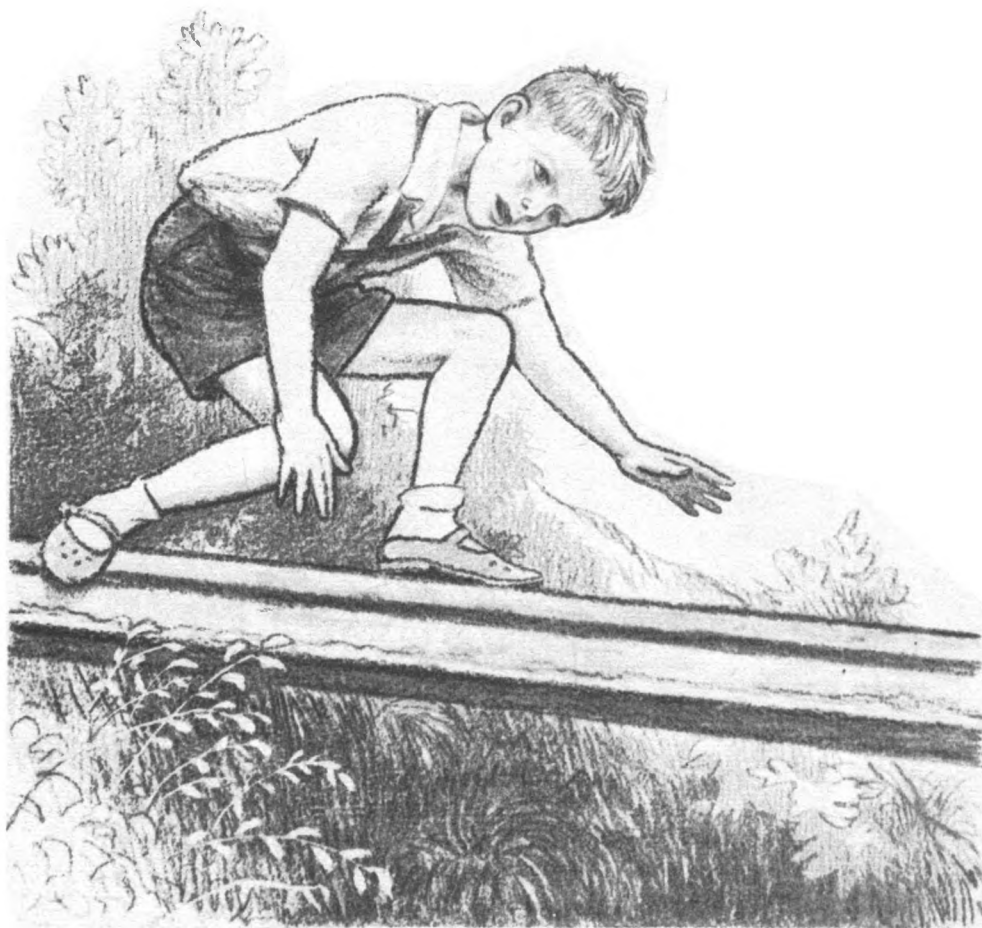
Сделав два шага, Серёжка глянул вниз. Под ногами зияла жёлтая, в трещинах, глубина. С крутого откоса предостерегающе светил красными огнями колючий будяк.

— Давай!

Шаркая подошвами по заржавленной узкой полосе рельса, он продвинулся ещё немного. И опять посмотрел вниз. Овраг показался бездонной пропастью.

— Давай! Давай!

Ноги задрожали, коленки подогнулись. Он в страхе присел и вцепился руками в рельс.

— Струсил!

Ни сказать, ни двинуться, ни вздохнуть свободно. Только бы не сорваться. Руки судорожно держали горячую сталь.

— Давай назад! — с презрением крикнул Олег.

Тело прилипло к спасительному рельсу: ни назад, ни вперёд.

— Эх, ты! — выкрикнул Олег и перебрался через овраг

по тропке. Держась одной рукой за Чёртов мостик, он помог Серёжке возвратиться на безопасный берег.

— Трус! — процедил сквозь зубы Олег и сплюнул.

Серёжка, сгорбившись от позора и унижения, поплёлся домой. Вдогонку ещё раз полетело:

— Трус!

ТРУС

Отец лежал на диване и читал газету. Серёжка долго ходил туда-сюда мимо отца, не решаясь заговорить о том, что заставило страдать его весь день.

Наконец отец обратил на него внимание:

— Что-нибудь произошло, Серёга?

Серёжка мотнул головой и остановился перед диваном.

— Рассказывай. — Отец отложил газету и спустил на пол ноги.

— Я спросить хочу, — глядя на свои туфли, тихо сказал Серёжка.

— Спрашивай.

— Вот... если человек... трус, так он уже навсегда такой?

— А что случилось? — настойчиво повторил отец и усадил сына рядом с собой.

Пришлось открыться.

— Вот оно что! — протянул отец и заходил по комнате. Ему не очень было приятно узнать, что его сын трусишка.

В роду Мамонтовых трусов не было. Серёжка своими глазами видел в Севастополе героев-предков. В панораме вкруговую, а в диораме в полкруга разворачивалась настоящая битва. Трудно было отличить, где пушки настоящие, а где нарисованные на полотне.

— Видишь, в центре, на белом коне, генерал Хрулёв? — громко шептал дед Николай Петрович. — А поближе генерала, вон, с усами, с ружьём! То и есть твой прапрадед.

Со всех сторон окружали генерала на белом коне солдаты, все усатые и все с винтовками.

Зато дед был у Серёжки один. Он бежал с автоматом

в атаку. Над его каской летели огненные стрелы «катюш». И уже пылало над Сапун-горой знамя победы.

И у такого прапрадеда, у такого деда такой... Серёжка, низко опустив голову, ждал приговора.

— Собирайся, — приказал отец и сам быстро оделся. — Мы прогуляемся, — предупредил он маму.

Когда Серёжка проходил мимо крыльца Олега, тот скороговоркой спросил:

— Ты куда, Мамонт?

Серёжка промолчал. Он и сам не знал, куда ведёт его отец.

За телевизионной вышкой Серёжка понял куда. К Чёртову мостику. От волнения вспотели ладошки.

— Здесь?

— Ага, — внезапно осипшим голосом подтвердил Серёжка.

Отец докурил папиросу, огляделся: нет ли посторонних? Вокруг не было ни единой души.

Не говоря ни слова, отец быстро прошёл по рельсу туда и обратно.

— Становись, — приказал он, — и не бойся. Я снизу страховать буду. Вперёд, Серёга!

И Серёжка пошёл вперёд. Уверенно, как по бревну в спортивном городке. Туда прошёл. Обратно. Идти было спокойно: внизу, готовый в любое мгновение поймать на лету Серёжку, двигался отец.

— Молодец, — похвалил он и весело подмигнул.

Серёжка, не в силах больше сдерживать радость, рассмеялся.

— Всего делов! — сказал отец. — Думаешь, никто никогда не боится? Все чего-то боятся. Только смелые люди пересиливают страх, а трусливых страх на лопатки укладывает.

— Я теперь смелый? Навсегда?

— Теперь смелый. Сейчас. А как дальше будет, от тебя самого зависит.

— Я и дальше смелым буду, — решительно заверил Серёжка.

— Тогда сам пройди. Без страховки.

Сердце сразу сжалось в комочек, но Серёжка переборол страх и, молча кивнув, шагнул к Чёртову мостику.

— погоди, — остановил отец. — Ну-ка, приведи сюда Олега. Только быстро.

— Есть! — по-военному крикнул Серёжка и помчался к дому.

— Что? Чего? — допытывался дорогой Олег, но Серёжка не отвечал ему.

Увидев Серёжкиного отца, Олег смутился и стал робко оправдываться:

— Я не заставлял. Он сам.

— Вот это уже не годится, — нахмурился инженер-капитан Мамонтов. — Открещиваться от своих поступков — тоже трусость.

Серёжка успел отдышаться.

— Смотри! — гордо сказал он Олегу и пошёл через опасный Чёртов мост. Туда и назад.

— Сила! — искренне признал Олег.

Отец пожал руку:

— Молодец, Серёга!

Серёжка был на седьмом небе от счастья.

— А теперь, друзья мои, вот что, — заговорил отец. — Риск — дело благородное. Но только при одном условии: когда стоит рисковать. Когда есть за что и для кого. А со скуки шею ломать — глупо и бездарно. Ну-ка, взялись!

Отец ухватился за конец рельса, напрягся, и не успели ребята прийти на помощь, как стальная балка рухнула вниз.

В глиняной наклонной стене появилась свежая борозда; жёлтая пыль вздулась облачком и осела. Чёртов мост перестал существовать.

Но память о нём осталась в душе Серёжки на всю жизнь.

Глава девятая

«С ПЕРВОКЛАССНЫМ ПРИВЕТОМ»

Новогодняя ёлка в районном Дворце пионеров всем так понравилась, что ребята всю дорогу не могли успокоиться. Автобус звенел от восторженных голосов. Только Коська Шариков пытался сохранить невозмутимость. В прошлом году он ездил в Дом пионеров с братом и теперь то и дело говорил одну и ту же фразу:

— Вот в про-ошлом годе!..

Учительница Анна Фёдоровна каждый раз замечание ему делала:

— В году.

Коська поправлялся и опять забывал.

— Вот в про-ошлом годе!..

В конце концов весь первый «А» стал хором кричать:
— В году!

И так увлеклись, что, когда Коська, наконец, сказал правильно — «В прошлом году», — хор завопил:

— В го-оде!

Такой смех поднялся, чуть автобус не лопнул. Лопнуть не лопнул, но остановился. Задёргался и остановился. Не от ребячьего смеха, конечно.

Шофёр поднял капот и стал чинить машину.

СОЛДАТ АНДРЕЙ ИВАНОВ

Андрей Иванов возвращался из отпуска. Поездку на родину он заслужил отличной солдатской службой. Срок отпуска заканчивался 28 декабря, и солдат торопился. Как нарочно, на станции не оказалось ни одной автомашины из гарнизона. Потратив без толку два часа, солдат решил добираться пешком.

Для солдата дистанция в один переход не расстояние. А без полной боевой выкладки и вовсе лёгкая прогулка. Андрей нёс обыкновенный фибровый чемоданчик, с каким солдаты в отпуск ездят. Что в таком из дому везут? Банку консервов, пироги. В чемоданчике Андрея лежали пироги. Мать испекла в дорогу и для угощения друзей-товарищей. Чемодан с домашними пирогами солдату нё в тяжесть!

Андрей бодро шагал по накатанной снежной трассе. Солдатскую шинель не продувал ветер, не пробивал мороз. Под сапогами весело поскрипывал снег.

«Встретить попутку, так и к обеду поспеть можно», — подбадривал себя Андрей.

Он прошёл половину дороги, но попутная машина не попала.

Багровое солнце низко плыло над степью, выбирало уютное место для ночлега. Мороз крепчал. Подымался ветер. По пустынному тракту вихрилась позёмка.

«Обед давно прошёл, добраться бы к ужину», — подумал Андрей и ускорил шаг.

Через полчаса, перекладывая чемодан с одного плеча на другое, он уже мечтал попасть в тёплую казарму хотя бы до отбоя. И тут он увидел впереди в снежной дымке автобус. Присмотревшись, солдат понял, что автобус стоит на месте. Только бы не опоздать!

Колючие иглы защипали щёки.

За разрисованными инеем окнами автобуса ничего не было видно. Ветер наметал сугробы к неподвижным колёсам. Водитель, солдат в полушубке, засунув голову под открытый капот, чинил мотор.

— Привет!.. — тяжело дыша, поздоровался Андрей.

Водитель оглянулся и мрачно ответил:

— Привет.

— Чего там?

— Горючее не подаёт, — с досадой сказал водитель и опять полез под капот.

Андрей не разбирался в автомобильных двигателях, но понял, что автобус пойдёт не скоро, если вообще пойдёт.

— Из Раздолья? — спросил Андрей и тронул за плечо водителя.

— Допустим, — неприветливо отозвался тот и покосился на незнакомого солдата. — Впрочем, где-то я тебя видел.

— В кино, — подсказал Андрей.

— Точно, — оттаял немного водитель.

— Приду, доложу дежурному, чтоб летучку выслали, — предложил Андрей.

Водитель прыгнул на снег, вынул из кармана смятую пачку сигарет.

— Или буксир прислать?

— Когда он ещё прибудет! — с тоской сказал водитель. — До гарнизона девять километров. Пока дойдёшь, пока то-сё, ребята помёрзнут.

— Какие ребята?

— Школьники младшие. С ёлки везу.

— Как же быть? — Андрей опустил на подножку чемодан.

— Чёрт его знает! — выругался водитель.

— Может быть, там догадаются?

— Ничего не догадаются.

Андрей протянул руку к мотору.

— Остыл уже, — сказал водитель. — Пришлось воду спустить. Час маюсь. — Он вытащил из-под машины ведро с заледенелой водой. — Слушай, а если напрямую?

— Как — напрямую?

— Бензонасос по боку, горючее прямо из канистры на карбюратор. Канистра есть, шланг тоже. Идёт, а? Холодно, конечно, поморозиться можно. Только другого спасения я не знаю.

— Надо — значит, надо.

Водитель принялся за дело. Андрей хотел помочь ему, но тот распорядился:

— Разводи костёр, грей воду. Ветошь и солидол под сиденьем.

Соорудив из заводной рукоятки и домкрата перекладину для ведра, Андрей облил промасленную ветошь бензином для растопки и зажёл костёр. Потом он полез в автобус. Ребята, один другого меньше, зябко жались к учительнице, как цыплята вокруг наседки.

— Выходить греться! — командирским голосом крикнул Андрей.

Все обежали несколько раз вокруг автобуса, затем окружили плотным кольцом маленький костёр. К чёрному дыму протянулись руки в варежках и перчатках.

Девочка в заячьей шубке дула на пальцы, будто они обожжены, а не застыли. Андрей протянул свои солдатские рукавицы:

— Надевай поверх своих, теплее будет.

— Мерзлячка! — презрительно сказал Галке Серёжка. И ему холодно было, но он крепился.

— И у меня замёрзли, — пританцовывая, выговорил Коська Шариков.

Андрей взял с сиденья шофёрские перчатки и отдал их.

— Есть хочу! — опять пожаловался Коська.

— Это мы сейчас, мигом! — сказал солдат и пошёл за чемоданом.

Галка отогрелась немного и съехидничала:

— А в прошлом году есть не хотел?

— В году! — поправила Анна Фёдоровна. Она тоже ободрилась. — Серёжа Мамонтов! Не суй руки в огонь.

— Я не сую, — возразил Серёжка. — Я бумажки подкладываю.

Серёжка разжал пальцы и показал фантик.

На ёлке выдавали подарки: яблоко и конфеты в нарядном пакетике.

— Находчивый какой! — похвалила Анна Фёдоровна, и ребята стали быстро есть конфеты, а бумажные фантики бросать в костёр.

Серёжка и пакетик сжёг. Яблоко он протянул солдату.

— Спасибо, друг! — поблагодарил солдат, но яблока не взял. — Сам ешь. Тебя как зовут?

— Он — Мамонт!

«Вечно эта девчонка не в своё дело суётся!»

— Сергей, — представился Серёжка.

— А меня Андреем зовут. — Солдат протянул руку. — Иванов по фамилии. Гостинцы свои вы сами ешьте. Сейчас я вас пирогами угощу. Домашними! Мать испекла.

Андрей раскрыл чемодан и роздал ребятам пироги. Учительница сперва отказалась.

— Обидите, Анна Фёдоровна...

— Благодарю вас, Андрей.

Анна Фёдоровна надкусила пирожок и похвалила:

— Очень вкусно!

— Ешьте на здоровье, Анна Фёдоровна!

Учительница была не старше солдата. Она сказала:

— Я только для ребят Анна Фёдоровна...

Галка подтолкнула Серёжку. Тот резко обернулся:

— Чего толкаешься!

Если бы Коська толкнул, Серёжка бы так дал, что...

А с девчонками драться — стыд и позор.

— Не ссориться! — приструнил Андрей. Он рассовал по карманам свои вещи и наступил сапогом на пустой чемодан.

Сухая фибра затрещала в огне. Вода запарила.

Подошёл водитель:

— У меня всё. Как водичка? — Он сунул грязную руку в ведро, с наслаждением подержал её там и одобрил: — Вполне!

Ребята возвратились в автобус. Водитель залил в радиатор горячую воду. Андрей Иванов встал на подножку, одной рукой крепко взялся за дверцу кабины — стекло водитель опустил донизу, — другой прижал к себе железную канистру с бензином. Из горловины канистры, обмотанной проволокой, тянулся к мотору резиновый шланг.

Водитель нажал на стартер. Мотор чихнул и завёлся.

— Поехали, — сказал Андрей.

— Держись! — сказал водитель. — Лицо отворачивай. То, что Андрей остался без рукавиц, водитель не заметил. У него после работы у самого руки огнём горели.

Автобус, набирая скорость, помчался домой, к теплу, к свету. Солнце укрылось за горизонтом. В снежной пелене догорали багровые отблески зари.

Мотор разогрелся, водитель включил отопление, и в салоне автобуса опять потеплело.

Галка стянула трёхпалые рукавицы, надетые поверх варежек:

— Жарко!

Увидел Серёжка рукавицы, и всё в нём перевернулось. Андрей с голыми руками на морозе едет!

— Стой! — закричал Серёжка и забарабанил в стекло водительской кабины. — Стой!

Анна Фёдоровна тоже крикнула:

— Остановитесь!

Автобус резко затормозил. Серёжка выхватил у Галки рукавицы и рванулся к выходу.

Водитель открыл дверь, Серёжка, а за ним Анна Фёдоровна соскочили на снег.

Солдат, заиндевевший и неподвижный, стоял на подножке, крепко прижимая канистру. От неё резко несло бензином.

Серёжка протянул рукавицы.

— Надевайте! — требовательно сказала Анна Фёдоровна.

Андрей через силу улыбнулся, попробовал оторвать руку от железной канистры и не смог.

— Дотерплю, — проговорил солдат. — Немного осталось. Поехали!

Водитель угрюмо сказал:

— Морозом его свело.

— Поехали! — настойчиво повторил солдат стиснутыми губами.

Водитель махнул рукой:

— Эхма! — и крикнул на Серёжку с учительницей: — Залезайте скорей!

Автобус рванул с места и помчался, как самолёт на взлётной полосе.

Лицо Анны Фёдоровны было таким бледным, вроде и она обморозилась.

У самых ворот, перед шлагбаумом, встретилась крытая машина с надписью: «Техническая помощь». Родители затревожились, позвонили в Дом пионеров и узнали, что дети давно выехали. Срочно снарядили аварийную летучку.

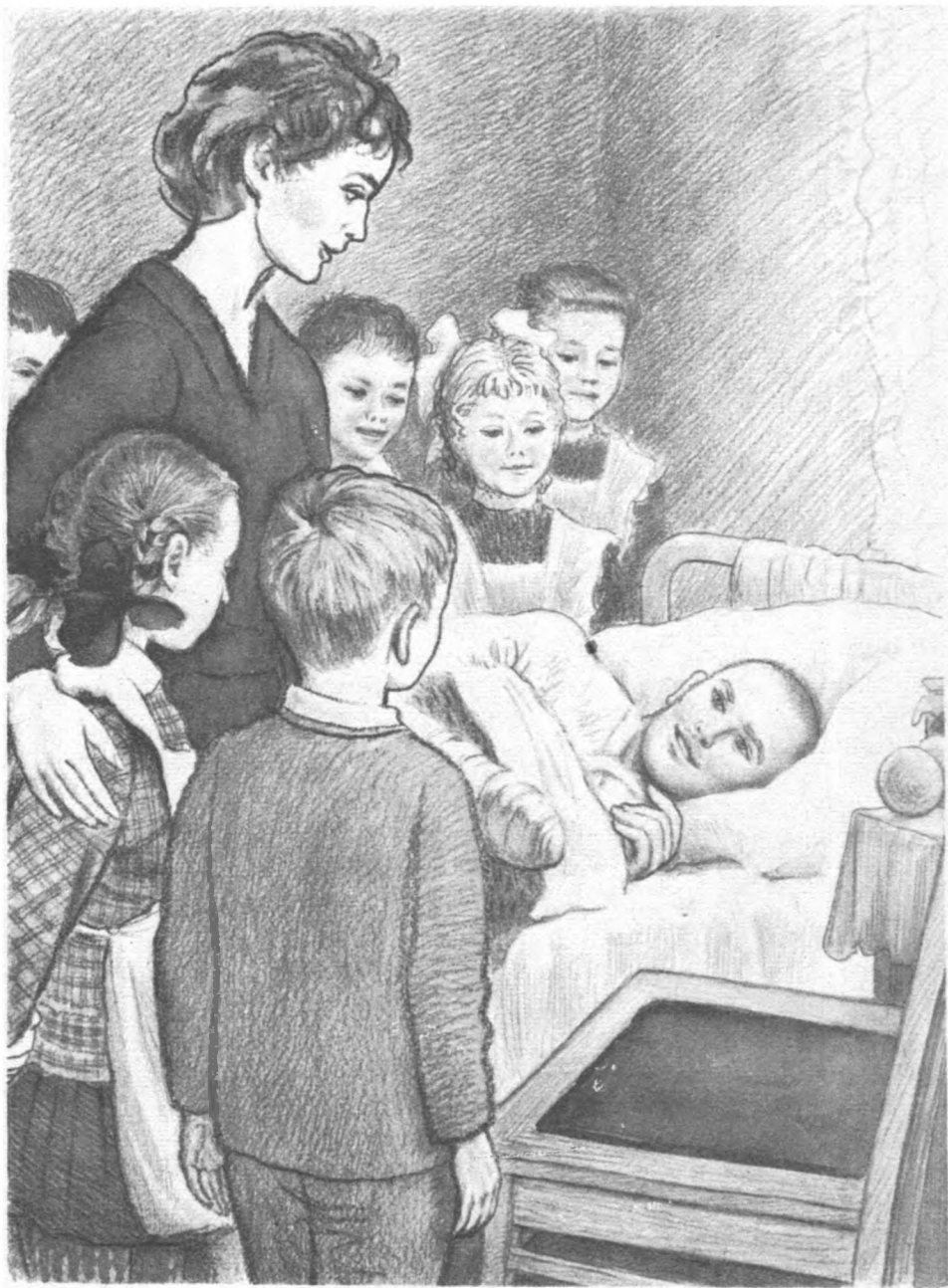
Летучка потащила на буксире неисправный автобус в гараж. Продрогших детей увели по домам. А солдата Андрея Иванова с отмороженными руками и ногами санитарная машина увезла в госпиталь.

Ноги медики отстояли. Но на правой руке Андрея Иванова омертвевшие три пальца врачам пришлось отнять. На руку в дороге выплёскивался бензин.

Рука больше месяца была укутана бинтами, словно Андрей никак не мог согреть несуществующие пальцы.

Больного солдата часто проводывали друзья: из отделения, батареи, дивизиона, родители школьников, Серёжка и остальные ребята, которым Андрей Иванов спас все пальцы на руках и ногах.

Андрей демобилизовался и уехал. Вначале писем от него не было. Потом он окреп и научился писать левой рукой. Андрей сообщил, что начал готовиться в институт.

Больного солдата часто навещали Серёжа и остальные ребята.

Когда переписка с Андреем ещё не была налажена, в школе не было и фотографии героя. В вестибюле висел лишь снимок известного памятника советскому воину, который установлен в Берлине: бронзовый солдат со спасённой девочкой на руках.

Те, кто не знал в лицо отважного солдата, думали, что это и есть Андрей Иванов.

К концу учебного года Серёжка умел не только бегло читать, но и писать. Своё первое в жизни письмо он направил Андрею Иванову. От имени всего первого «А».

Письмо начиналось словами:

«С ПЕРВОКЛАССНЫМ ПРИВЕТОМ!

Здравствуйте, дорогой солдат Андрей Иванов! Пишет вам ваш 1 «А». Мы всегда помним о твоём подвиге. Мы обещаем учиться только на 4 и 5. Привет от всех и учительницы Анны Фёдоровны,

Ждём ответа.

Серёжа Мамонтов».

Письмо заняло всего одну страничку. Серёжка предложил внутри разворота нарисовать что-нибудь.

— Вот ты и нарисуй, — сказала Анна Фёдоровна. — Согласны, ребята?

— Согласны! — хором прокричал весь класс.

Серёжка рисовал целый вечер. Разноцветными карандашами. Получилась не картина, а диорама, сразу не охватить взглядом жестокий бой с фашистами.

Слева били орудия всех калибров. Чёрные снаряды, круглые, как ядра, летели на врагов. Красные стрелы «катюш» заполнили небо. Реактивные краснозвёздные самолёты падали из всех пулемётов. Шли в атаку тяжёлые танки. С автоматами наперевес штурмовала пехота.

В стане врагов всё почернело от красно-чёрных взрывов. Бомбардировщик падал вниз, объятый пламенем.

На хвосте и крыльях бомбардировщика Серёжка вычертил паучью свастику. Но всё же его терзало сомнение:

понятно ли, что это сбили фашистский самолёт? Не каждый ведь знает, что свастика — знак фашистов.

— Как назывались фашистские самолёты? — спросил у отца Серёжка.

— «Юнкерс», «хеншель», «мессершмитт».

— Спасибо, — поблагодарил Серёжка. Ему достаточно было и одного названия.

Он послунил карандаш и старательно написал печатными буквами на крыле бомбардировщика — «Мистир Шмид».

Письмо с рисунком всем очень понравилось.

— Настоящий художник! — восторгалась Галка.

На похвалу Серёжка не обратил никакого внимания: он не любил Галку. Ябеда и хныкала. Дотронешься до косички, сразу слёзы в два ручья и: «Анна Фёдоровна, а Мамонт...» Противно просто!

Вот Наташа Конова, та — человек!..

Серёжке понравилось писать и рисовать письма. Он написал и нарисовал ещё два: в Ленинград и Севастополь.

— А можно, я и Наташе pošлю?

— Нужно, Серёга, — поддержал отец. — Друзей нельзя забывать.

Письмо Наташе Серёжка сочинил быстро. Затруднения вышли с конвертом. Обыкновенные конверты не годились: в Заполярье, где жила Наташа Конова, поезда не ходили. Авиаконверт тоже не полностью соответствовал. Вдруг придётся везти почту от аэродрома на собаках или оленях? В конце концов Серёжка решил, что только бы долетело письмо до Севера, а там разберутся. Кто на Севере не знает Наташи Коновой?

Все письма Серёжкины начинались неизменным «первоклассным приветом». И кончались одинаково: «Серёжа Мамонтов».

— Может быть, когда-нибудь и увидимся ещё, — сказала мама, имея в виду Коновых. — Мир тесен.

Она всегда так говорила, когда неожиданно встречалась со старыми знакомыми.

— Подумать только! Как тесен мир!

Серёжка проснулся среди ночи от тяжёлого гула моторов. Стены тряслись. В серванте тонко позвякивала посуда. Дрожали стёкла.

Серёжка бросился к окну. По широкой улице плыло над бетонкой бесконечное цилиндрическое тело, укрытое тентом.

Наконец показался хвост. Под зелёным чехлом угадывались стабилизаторы. У задней тележки сплющились от чудовищного груза огромные ребристые скаты.

— Ух ты, — восхищённо прошептал Серёжка. Такой ракеты он ещё не видал. — Не меньше, как «маршал»! — определил Серёжка.

В доме недавно появилась книжка «Реактивное оружие капиталистических стран». В ней было множество иллюстраций: всевозможнейшие заграничные ракеты. Они назывались воинственно и угрожающе: «юпитер», «найкгеркулес», «кобра». Боевые американские ракеты носили военные звания: «капрал», «сержант». По сравнению с ними увиденная только что ракета была, по крайней мере, «генералом армии», даже больше — «маршалом».

На следующий день Серёжка с трудом дождался часа, когда надо идти в школу. Не терпелось скорее поделиться с ребятами. Не каким-нибудь слушком, как это делает противная Галка, а настоящим известием чрезвычайной важности.

Перед самой школой он замедлил бег, сменил рысь на шаг и задумался.

Мало ли что можно увидеть в военном гарнизоне. Что ж, сразу и выбалтывать обо всём! А если это военная тайна?

До большой перемены Серёжка загадочно помалкивал.

— Ты чего такой надутый, Мамонт?

«Опять Галка!»

— А я новость знаю!

Вот тебе и военная тайна! Даже Галка видела гигантскую ракету.

— Собственными глазами видела!

— Я тоже.

— И ты видел? — Галка по-птичьи округлила глаза. — И как она тебе?

— Замечательная! — вырвалось у Серёжки, хотя он во все не собирался делиться с Галкой своим впечатлением о ракете.

— Уж и замечательная! Такая, как все! Обыкновенная.

— Много ты понимаешь!

И он ушёл в класс. Тем более, что звонок зазвенел и в конце коридора показалась учительница.

Анна Фёдоровна пришла не одна, с незнакомой девочкой. Глянул на неё Серёжка и вспыхнул от радости.

— А у Мамонта уши красные! И лицо! — громко прошипела Галка и мстительно ткнула Серёжку острым локтем.

Серёжка мгновенно повернулся к обидчице.

— Мамонтов! Серёжа! — строго остановила Анна Фёдоровна. — Это ещё что такое! С кулаками на девочку! Ведь ты же будущий мужчина, а она будущая дама.

— Она уже дама, — пробурчал Серёжка. — Она мне первая в бок дала.

Ребята засмеялись. Анна Фёдоровна улыбнулась и смягчилась:

— Садись. Внимание! Ребята, к нам прибыла новая ученица. Её зовут Наташа Конова.

МУЖЧИНА

Серёжка с разгона впрыгнул на крыльцо, накинул в передней фуражку на колышек и влетел в комнату:

— Мама! Знаешь!..

Голос осекся и смолк.

На полу картонные ящики из-под стирального порошка. Дверцы шкафа и серванта распахнуты, будто в оружейных пирамидах по сигналу тревоги. Над тахтой, на выгоревших обоях, яркий прямоугольный след от ковра. Свёрнутый и перевязанный ковёр прислонён к голой стене, как

обломанная колонна. Тахта завалена платьями, пальто, кителями. Проволочные крючки вешалок торчат из одежды знаками вопроса.

Мама с соседкой укладывали в картонный ящик посуду. Каждую чашку и тарелку они заворачивали в бумагу. Под ногами лежала кипа старых газет; их никогда не выбрасывали, копили для переездов.

— Мама...

Елена Ивановна подняла голову, устало улыбнулась:

— Знаю, Серёженька. Видишь: собираюсь уже. Обед на столе. Поешь сам.

Серёжка хотел объяснить, что он другую новость принёс, но пришла Галкина мама.

— Лена! — закричала она так громко, словно звала Елену Ивановну в степи. — Решено! Сервант беру я, а шкаф купит новая майорша. И всё остальное, наверное. Они приехали из Заполярья с одними чемоданами.

«Значит, капитану Конову майора дали», — отметил про себя Серёжка. Отцу тоже недавно новое звание присвоили, инженер-капитан.

Галкина мама окинула комнату цепким взглядом и остановилась на аквариуме.

— Если не найдётся покупателя на рыбок, я возьму. Не возражаете?

— Возражаю! — выступил вперёд Серёжка. — Дарёное назад не отнимают.

— Не понимаю...

— Мы уже подарили аквариум.

— Кому? — удивилась Елена Ивановна.

— Одному человеку, — тихо ответил Серёжка. Он перешагнул через кастрюли и подошёл к своей полке с книгами. Томик Гайдара и стихи Маршака он отложил к учебникам. Остальные книги поместил в нижний ящик шкафа и повернул ключ.

— Зачем ты это делаешь? — спросила Елена Ивановна.

— Для Наташи. И аквариум ей останется.

— Какая Наташа? — не поняла сразу Елена Ивановна.

— Конова. Они приехали, а мы уезжаем...

— Коновы? Да что ты говоришь! Как тесен мир! Где же они?

Галкина мама уже ушла, а Серёжка ещё не знал, где поселились Коновы. Ему так и не удалось поговорить с Наташей. При всём классе подойти постеснялся. И Наташа, видно, тоже не решилась. Особенно после Галкиной выходки. Противнейшая на свете девчонка и после уроков помешала: прилипла к новенькой, не оторвёшь.

— Коновы — прекрасные люди, — объяснила соседке Елена Ивановна. — Мы так обязаны им! Но почему они телеграмму не дали?

Почему... Известно почему. По номеру воинской части не угадаешь, где находится гарнизон. Можно через улицу жить и переписываться.

— Ах, как жаль, что мы уезжаем! Серёженька, сбегай разыщи их. Увидеться хотя бы, поговорить две минуты. Но только поешь сперва. Обед на столе. Мне некогда, сам видишь.

— Вижу...

У Серёжки тоже дел по горло было. Наташу найти, на стадион к футболу не опоздать. И уроков много задали... Уроки можно теперь, конечно, не учить. Теперь всё равно в эту школу не ходить...

Ещё утром ребята подсчитывали, сколько осталось дней до каникул, и Серёжка вместе со всеми радовался: до настоящего, вольного лета всего ничегошеньки, какая-то несчастная неделя. А сейчас вдруг жаль стало покидать Рио-де-Раздолье, школу, ребят, учительницу Анну Фёдоровну. И себя жаль, словно не он, Серёжка, уезжает от всех, а все уезжают от него. И Наташа Конова... Только встретились и опять расставаться...

Большая Наташа стала. Коса длинная...

— Когда мы едем?

Офицеров не спрашивают при назначении на новое место. И офицеры не задают лишних вопросов: куда? зачем? почему? Надо — значит, надо.

— Не знаю, Серёженька, не знаю. Вечером или завтра рано утром. Когда самолёт будет.

...Маленький тупоносый автобус двигался в тумане, как танк по дну реки. Серёжка впервые ехал в «уазике» (так ласково называют машину Ульяновского автомобильного завода). В широкой передней кабине два кресла: шофёрское и командирское. Между ними, на уровне локтей, покатый кожух мотора. От него в любой мороз тепло в кабине. И в салоне не холодно.

Кроме Серёжки с Еленой Ивановной, в салоне, заставленном ящиками и чемоданами, ехали незнакомая полная женщина с дочкой, большой, лет двенадцати. Инженер-капитан Мамонтов сидел рядом с шофёром.

«Уазик» двигался медленно, с зажжёнными фарами. Но туман был таким плотным, что всё равно ничего не было видно.

— Может, напрямик, товарищ капитан? — предложил шофёр. Он забеспокоился, что не успеет доставить пассажиров к вылету самолёта. — Дорога не очень, конечно, но проскочить можно.

— Давай,— подумав, согласился инженер-капитан Мамонтов.

«Уазик» съехал с невидимой из-за тумана бетонки на полевой тракт. Тоже невидимый, но ощутимый. Колёса бились в окаменевшей глубокой колее, машину трясло, бросало, раскачивало, мотало во все стороны. Невозможно было сосредоточиться, и Серёжка ни о чём не думал.

Солнце поднялось выше. Туман постепенно испарился. Под голубым небом распростёрлась зеленеющая степь. Пепельно-серая дорога разрезала её до самого горизонта.

Ехали, ехали и вдруг остановились. Впереди лежал деревянный мост через реку. Широкую, как Нева. Только берега не гранитные, а глинистые, изъеденные вешними водами. Вода в реке мутно-жёлтая, в пузырях и пене.

Шофёр и инженер-капитан Мамонтов пошли обследовать мост. Вид его не внушал доверия.

Они пританцовывали, испытывая мост на прочность, сдвигали изжёванные гусеничными траками доски настила, совещались, покачивали головами и возвратились с озабоченными лицами. Понятно было и без объяснений.

По такому мосту не то что машиной — пешком рискованно переходить. Серёжка невольно вспомнил рельс через овраг у телевизионной вышки в Рио-де-Раздолье. В сравнении с тем мостом-рельсом этот был по-настоящему чёртовым.

Незнакомая женщина заволновалась.

— Придётся возвращаться?

— Прошу всех женщин выйти из машины, — непрерываемым голосом потребовал шофёр.

Серёжка, опередив всех, соскочил на землю.

— А вы, товарищ капитан, идите, пожалуйста, впереди, поглядывайте и сигнальте, если что.

Солдат-шофёр взял на себя полную ответственность и теперь командовал всеми.

— Потихоньку только, — предупредил Мамонтов.

— Проскочим! Не впервой, товарищ капитан. Товарищи женщины! Переходите вы сперва. Не бойтесь, мост ещё крепенький.

Незнакомая женщина, уцепив дочку за руку, ступила на мост, как на подтаявший лёд. Дочка вышагивала длинными, цаплиными ногами. И шею вытянула, и голову вниз наклонила, будто цапля. Серёжка чуть не прыснул от смеха. Шофёр встретился с ним глазами и тоже улыбнулся. Только в улыбке его почудилось Серёжке и другое: «Поглядим, брат, как ты пойдёшь. Тогда сразу и посмеёмся. И над тобою заодно».

На душе сразу стало нехорошо и беспокойно. И совестно перед солдатом. Каждый о себе тревожится, а солдат один ради всех жизнью рискует.

— Пойдём, Серёженька! — заторопила Елена Ивановна. Шофёр бил ногой по колёсам — давление проверял.

Отец почему-то смотрел в небо. Но когда Серёжка протянул маме руку, отец так странно посмотрел на них, что рука отдернулась и опустилась. Серёжка понял: не должен он бросать шофёра. Не может уйти с женщинами.

Оторвав от надёжной земли отяжелевшие ноги, Серёжка возвратился к автобусу.

Елена Ивановна переглянулась с мужем.

— Разве он тоже женщина? — громко сказал инженер-капитан Мамонтов. Он распахнул переднюю дверцу и посадил Серёжку на командирское место.

Дверца захлопнулась, как танковый люк. В машине остались двое: солдат и Серёжка. Сердце его колотилось у самого горла, перехватывало дыхание, но отступить было поздно. Шофёр нажал на стартер.

— Вперёд, — приказал инженер-капитан Мамонтов, поднял согнутые в локтях руки и поманил машину за собой.

Мотор утробно рычал и выл. Кожух так нагрелся за дорогу, что пришлось отодвинуться от него подальше.

Машина не катилась, а ковыляла, заваливаясь то на один, то на другой бок. Внизу угрожающе скрипели брёвна, трещали раздавленные доски. Каждую секунду казалось, что мост развалится и машина рухнет вместе с обломками опор и настила в пенистую реку.

В Серёжкиной груди всё заморозилось, а рубашка прилипла к взмокшей спине. Руки, вцепившиеся в скобу, побелели от напряжения. Стоило невероятного труда не закричать от страха: «Стойте! Я вылезу! Не могу больше. Стойте!»

Но он стиснул зубы и молчал. Его мотало, дёргало. Зелёное море перед глазами тошнотворно колыхалось. Тёмные фигуры женщин за мостом чудились у самого горизонта и тоже качались вместе с землёй и небом. Отец, будто приплясывая, пятился к другому берегу, пристально и тревожно вглядываясь под колёса. Шофёр смотрел только на руки офицера и точно выполнял бессловесные приказы.

Наконец машина скользнула под уклон, и всё кончилось. Мотор зарокотал тихо и умиротворённо. Шофёр тыльной стороной ладони вытер испарину на лбу. Губы медленно растянулись в улыбке.

— Молодец, Ван Ваныч! — вполголоса похвалил сам себя солдат, затем потрепал Серёжку по плечу: — А ты парень что надо!

Подошли остальные. Серёжка хотел уступить отцу

командирское место, но руки, ноги — всё тело ощущалось, как чужое.

— Оставайся здесь, Серёга. Командуй. Ты ведь мужчина у нас! Поехали!

— Поехали! — следом за отцом сказал Серёжка.

«Узик» опять выбрался на бетонку. Гладкая полированная трасса бежала рекой. Ветер поглаживал зелёную шерсть степи.

Серёжка окончательно пришёл в себя. Чувство самоуважения и гордости наполняло его сердце. На душе было легко и спокойно. Он выдержал нелёгкое испытание. Теперь думалось уже не о прошлом, а о будущем: о неизвестном горном крае, неизвестном надоблачном гарнизоне, о новых друзьях и товарищах. Какие они там будут? Что ждёт его? Какие впереди обыкновенные и необыкновенные приключения?

Показались ангары и ряды серебристых самолётов с зачехлёнными двигателями. У взлётной полосы стоял грузопассажирский «ИЛ-14», готовый перенести инженер-капитана Мамонтова с семьёй в другой далёкий городок. Городок, где живут почти одни военные. И дети военных.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<p>Глава нулевая, или от автора 3</p> <p>Глава первая</p> <p> Чрезвычайное происшествие 4</p> <p> Ч П 6</p> <p>Глава вторая</p> <p> Гарнизонная жизнь . . . 11</p> <p> Штурмовая полоса . . . 13</p> <p>Глава третья</p> <p> Манёвры 18</p> <p> В тайге 20</p> <p> Атака 25</p> <p> Сержант Куликов . . . 28</p> <p> Под конвоем 36</p> <p> Шибеники 42</p> <p>Глава четвёртая</p> <p> Белые ночи и «чёрные» дни 47</p> <p> Белые ночи 48</p> <p> Зуб мамонта 53</p> <p>Глава пятая</p> <p> Наверху только Северный полюс 58</p> <p> Север 60</p> <p> Кино 66</p>	<p> Полярное сияние . . . 69</p> <p> Корова 71</p> <p> Берёзы 74</p> <p>Глава шестая</p> <p> В городе славы 77</p> <p> Севастополь 80</p> <p> Тир 85</p> <p> Мичман Субботин . . . 87</p> <p>Глава седьмая</p> <p> Краб Бикфорд Виргианов 90</p> <p> Станислав 93</p> <p> Краб 97</p> <p> Бикфорд Виргианов . . 104</p> <p>Глава восьмая</p> <p> Рио-де-Раздолье 112</p> <p> Золотая рыбка 113</p> <p> Серёжка 119</p> <p> Трус 123</p> <p>Глава девятая</p> <p> «С первоклассным приветом» 126</p> <p> Солдат Андрей Иванов 127</p> <p> Мир тесен 136</p> <p> Мужчина 137</p>
---	---

Для младшего школьного возраста

Миксон Илья Львович

ОБЫКНОВЕННЫЙ МАМОНТ

Повесть

Ответственный редактор *Л. Р. Баруздина*. Художественный редактор *В. А. Лехтерёв*. Технический редактор *Г. В. Лазарева*. Корректоры *К. П. Тягельская* и *Е. И. Щербакова*.

Сдано в набор 13/VI 1969 г. Подписано к печати 7/X 1969 г. Формат 70×92¹/₁₆. Печ. л. 9. Усл. печ. л. 10,53. (Уч.-изд. л. 7,44). Тираж 100 000 экз. ТП 1969 № 244. Цена 35 коп. на бум. № 2. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавополиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7. Заказ № 613.

Цена 35 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“